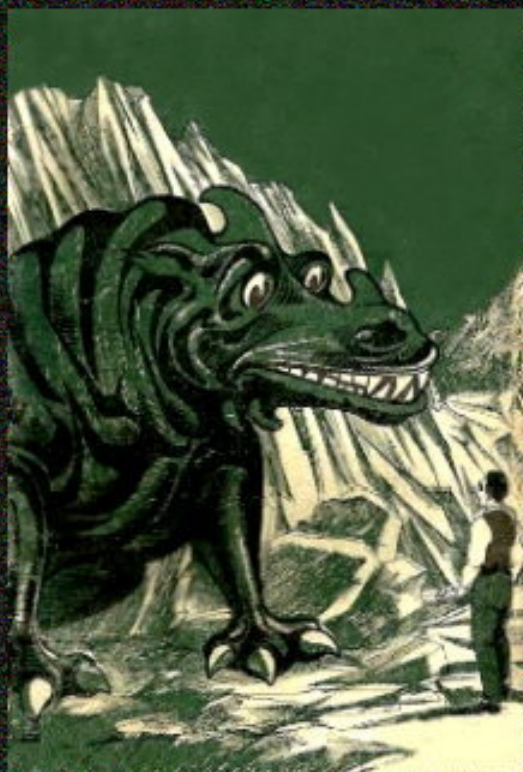

[Polaris]

Жюль Вермина

ПАРИЖСКИЙ КОШМАР

Salamandra P.V.V.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCXLV

Salamandra P.V.V.

**Жюль
ЛЕРМИНА**

ПАРИЖСКИЙ КОШМАР

Перевод и примечания
Е. Лаврецкой

Salamandra P.V.V.

Лермина Ж.

Парижский кошмар. Пер. и прим. Е. Лаврецкой. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2018. — 150 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCXLV).

Впервые на русском языке — последний научно-фантастический роман французского автора приключенческой и фантастической прозы Жюль Лермина (1839-1919). «Парижский кошмар» — это одновременно и детектив, в котором английский сыщик Бобби скрещивает шпаги с ловкими французскими журналистами, и история гениального, но вышедшего из-под контроля изобретения, и даже рассказ о вторжении в Париж ископаемых чудовищ.

© Е. Lavretsky, перевод, примечания, 2018

© Salamandra P.V.V., оформление, 2018

ПАРИЖСКИЙ КОШМАР

ЧАСТЬ I

КОКСВОРД ЛИ КОКСВОРД?

УБИЙСТВО У ОБЕЛИСКА

В одиннадцать утра, под ясным весенним солнцем — точности ради добавим, что было это второго апреля — на рю Монмартр, у бульвара, раздались дикие крики. На углу улицы Круассан показалась толпа не слишком элегантных личностей. Одни бросились к перекресткам, другие помчались в направлении Ле-Аль, и все одинаково издавали пронзительные нечленораздельные вопли. Истерзанное ухо улавливало лишь обрывки зловещих слов:

— Убийство у Обелиска...*

— Спрашивайте «Нувелист»! Специальный выпуск!

— Ужасные подробности!

Немного поколебавшись — мало ли всех нас мистифицировали щедрые на уловки уличные газетчики! — некоторые покупали газету, на ходу просматривали, вдруг останавливались, как вкопанные, и начинали читать. Их быстро окружали любопытные.

— Да, да!... Убийство!

— Кого убили-то?

— Никто не знает!

— А убийцу арестовали?

— Не все ли равно!

Взрыв эмоций был вызван короткой, но сенсационной заметкой:

«Сегодня в половине пятого утра, когда пустынный Париж всецело принадлежит дворникам и водовозам, месье А., рабочий, направлялся в мастерскую, неся на плече свои инструменты. Переходя площадь Согласия со стороны Гренелль, он с тротуара Тюильри неожиданно заметил

* Имеется в виду привезенный в Париж в 1833 г. и установленный на пл. Согласия древнеегипетский обелиск из Луксора высотой в 23 м. (Здесь и далее прим. перев.).

у подножия Обелиска нечто странное чуть повыше уровня земли.

Рабочий продолжал идти своей дорогой, не обращая внимания на увиденное, однако затем все-таки обернулся, чтобы приглядеться внимательней. Ему показалось, что это «нечто» напоминает человеческую фигуру.

Месье А. решил пересечь площадь и двинулся прямо к монолиту. Каково же было его удивление, когда с расстояния в несколько шагов он разглядел предмет, который привлек его внимание! Это было человеческое тело, висевшее на ограде; ноги человека не касались земли.

Испуганный рабочий, опасаясь неприятностей, повернулся и поспешил уйти, но натолкнулся на двух полицейских. Встревоженный вид месье А. заставил последних остановиться и допросить его, и тогда ошеломленный рабочий, с трудом подыскивая слова, рассказал им о своей находке. Все трое возвратились к Обелиску.

Рабочий не ошибся: с острых, похожих на пики прутьев действительно свисало тело человека, чья голова находилась внутри ограды.

Сперва решили, что речь идет о самоубийстве; но когда полицейские попытались приподнять мертвеца и перерезать веревку, стало очевидно, что это предположение ошибочно.

Покойник висел на двух бронзовых остриях, которые вошли в тело так глубоко, что трое мужчин не смогли его освободить.

Один из полицейских перебрался через ограду на гранитный цоколь, но все было напрасно. Полицейский увидел, что голова мертвеца была покрыта засохшей кровью, образовывавшей на лице красную маску; однако туловище оказалось невозможно снять с острых прутьев.

Как по волшебству, со всех сторон сбегались зеваки и обступили тело. Полицейские засвистели в свистки, и вскоре появились еще два стража порядка. Когда они оттеснили толпу и поняли, в чем дело, один из них направился в комиссариат.

Через четверть часа в сопровождении полицейского и постовых прибыл месье Ришо, известный районный комиссар. Общими усилиями полицейским удалось наконец снять тело и положить его на тротуар.

На первый взгляд погибший не выглядел французом. Покрой и фасон его платья были несомненно английскими. Лицо, поспешно отмытое от засохшей крови, оказалось широким, бритым, с чисто англосаксонской квадратной челюстью.

В передней части черепа виднелась ужасная рана, окруженная брызнувшей на лоб мозговой тканью и нанесенная, очевидно, тупым инструментом.

Тело перевезли в комиссариат и о находке сообщили вышестоящим властям. Месье Давен, глава Сюрете, уже прибыл и проводит предварительное расследование. С минуты на минуту ожидается и прибытие месье Лепина, префекта полиции...

Мы не намерены повторять всевозможные слухи и домыслы; традиционная осмотрительность нашего издания обязует нас не вмешиваться в ход расследования.

Тем не менее, благодаря осмотру трупа и некоторым найденным уликам, можно с достаточной определенностью сказать, что убитый принадлежал к миру спорта. Вероятно, в результате какой-то ссоры он получил удар молотком или разводным ключом. Убийца вместе с несколькими сообщниками перенес тело на площадь и хотел перебросить его через ограду; но под собственным весом тело упало на острия прутьев, где и было брошено.

Собраны важные свидетельства, которые, как ожидается, без промедления наведут полицию на след виновных. В пятичасовом выпуске мы приведем новые подробности этого жуткого преступления; нет сомнений, что оно потрясет публику и, весьма вероятно, приведет к самым невероятным разоблачениям».

Нетрудно понять, какие страсти сотрясали Париж, когда известия о таинственном убийстве начали распространяться по городу.

Но кто мог бы предсказать поразительные, невообразимые последствия этого события?

II

МЫ ЗНАКОМИМСЯ С МИСТЕРОМ БОББИ

Мы легко обманываемся пустыми обещаниями. Узнав, что начато полицейское расследование, мы облегченно вздыхаем. Мы уверены, что дело в надежных руках.

Полиция немало обязана творениям писателей, от вольтеровского Задига* до Дюпена Эдгара По и несравненного Шерлока Холмса. Мы с радостью воображаем, что все эти литературные герои более-менее связаны с полицией и приписаны к набережной Орфевр, и всякий раз удивляемся, когда бываем вынуждены признать одно сенсационное преступление за другим неразрешимой загадкой.

Довольно неприятно думать, сколько бродит вокруг неведомых убийц, с которыми мы можем столкнуться каждый день!

«Убийство у Обелиска», как окрестили недавнее злодеяние, пополнило список нераскрытых дел. Публика недоумевала: как возможно, что в сердце Парижа, в средоточии самых блестящих кварталов, совершено такое жестокое убийство, а у полиции нет ни единого ключа к разгадке?

Полиция обыскала все бары в окрестностях, опросила всех знаменитых и заурядных спортсменов, направила запрос в английское посольство — поскольку единственным установленным фактом можно было считать то, что убитый являлся англичанином; но ни из коммерческих представительств, ни из гостиниц посольство не получало сообщений

* Герой философской повести Вольтера «Задиг, или Судьба» (1747), который переживает множество авантюрных приключений и, в частности, удачно разгадывает загадки, что помогает ему жениться на возлюбленной царице Астарте.

о чем-либо исчезновении.

Сперва казалось, что полиция нашла на след — профессионалы бокса заявили, что на теле убитого имеются характерные следы кулачных ударов, что особенно касалось деформации челюсти; из этого они сделали вывод, что неизвестный был боксером.

Несколько недавних провалов поставили шефа Сюрете, месье Давена, в довольно неудобное положение, и он всю распекал своих агентов.

Но напрасно агенты дежурили в морге, куда отвезли тело, вглядывались в лица посетителей и пытались вызвать их на откровенность. Результат был всегда одним и тем же: никто ничего не знал!

Поползли весьма странные слухи.

Проведя вскрытие, знаменитый патологоанатом заключил, что убитый скончался не от травмы черепа и даже не от страшных ран, причиненных остриями ограды.

Нет, он умер еще до этого.

Казалось бы, это указывало, что он был убит где-то в другом месте и уже мертвым принесен на площадь Согласия.

Патологоанатом пришел к иному выводу — неизвестный умер от удушья. Состояние легких не оставляло в этом никаких сомнений... однако на шее убитого не было ни повреждений, ни следов удушения.

Как выразился один репортер из «Нувеллиста», установили только, что смерть не могла быть вызвана ранами на туловище или черепе.

С другой стороны, место, где обнаружили труп, находилось посреди громадного открытого пространства. Трудно было представить, что убийцы решили избавиться от тела жертвы в подобном месте и что их по пути никто не заметил — тем более что в ту ночь как раз наступило полнолуние, а небо было ясным.

— И все-таки, — воскликнул заместитель начальника Сюрете в частной беседе со своим шефом, — не мог же этот человек упасть с неба...

— Так или иначе, месье Лепин в ярости и недавно устроил мне очень неприятную выволочку... Нужно работать,

нужно искать — и найти!

— Строго между нами... — заметил господин Лавор, заместитель начальника. — Мы-то с вами понимаем, что если не вмешается счастливая случайность, нам и дальше предстоит блуждать в темноте...

Именно в этот момент, как бывает в сказках, где заклинания вызывают волшебных персонажей и творят чудеса, дверь кабинета приоткрылась и в щель просунулась голова инспектора.

— Патрон, вы принимаете?

— Смотря кого... если это не какой-нибудь нудный бездельник...

— Пришел англичанин... называет себя детективом и утверждает, что приписан к лондонской префектуре... хочет поговорить с вами...

Шеф Сюрете и его заместитель обменялись быстрыми взглядами. Английский детектив! Не пришла ли на помощь та самая счастливая случайность?

— Его имя?..

— Он дал мне визитную карточку.

— Посмотрим.

Господин Давен взял карточку и прочитал:

— «Бобби»! Не имя, а прозвище... Ладно, пригласите его войти.

И добавил, обращаясь к Лавору:

— В конце концов, это ни к чему нас не обязывает...

— Мне уйти?

— Нет-нет, оставайтесь...

Дверь снова отворилась и инспектор ввел в кабинет посетителя.

Тот шагнул вперед, держа в руке котелок.

Это был чисто выбритый человек лет тридцати, невысокий, худой и щуплый. На нем был безукоризненный черный костюм с полоской белого воротничка над галстуком.

Короткие и аккуратно причесанные медно-рыжие волосы, лицо худощавое и довольно бледное.

Глаза маленькие, но очень светлые и яркие.

Хорошие перчатки, хорошая обувь, одним словом, воплощенный протестантский пастор.

— Господин Давен? — спросил он, согнувшись вопросительным знаком.

— Рад познакомиться. Это мой заместитель, месье Лавор. Вы можете полностью нам доверять. Но сперва позвольте один вопрос. На вашей визитной карточке значится только «Бобби». Я в достаточной степени владею английским и знаю, что это распространенное прозвище полицейских... Будьте добры, назовите вашу настоящую фамилию...

— Месье, — сказал посетитель с сильным английским акцентом, — вот мое официальное удостоверение, подписанное директором Скотланд-Ярда. Как вы можете видеть, в нем стоит фамилия Бобби. Что поделаешь, такова моя фамилия.

— Да, верно, — сказал Давен, прочитав бумагу. — Значит, вы мистер Бобби...

— Хотел бы заметить, что я... как бы это сказать по-французски?.. чуточку... значит в Лондоне... так как я оказал короне ряд важных услуг. Это я поймал фальшивомонетчиков из Гринвича...

— Ах, вот как! — сказал шеф Сюрете, никогда не слышавший о подобном деле.

— Это я выследил и арестовал отцеубийцу Лююиса Берда... которого потом повесили...

— Ах, вот как!

— Это я...

— Простите, — суховатым тоном прервал его Давен, — я полагаю, вы просили о встрече со мной не только для перечисления ваших заслуг...

Англичанин оскорбленно выпрямился.

— Я счел, что прежде всего должен представиться... а за услуги у каждого свои...

— Согласен, мистер Бобби... и позвольте заверить, что я отношусь к вам с должным уважением... но какова цель вашего визита?

— Разрешите мне изложить все по порядку... В первую очередь я должен сделать следующее принципиальное за-

явление. Я сотрудник полиции Его Величества короля Англии и императора Индии и не связан какими бы то ни было обязательствами с полицией Французской республики.

Мистер Бобби произнес это крайне торжественно.

— Понятно, — сказал Давен. — И?..

— Добавлю, — промолвил Бобби, — что в настоящую минуту я нахожусь в весьма деликатной ситуации, абсолютно воспреещающей мне делать то, что я собираюсь сделать... Я пребываю в отпуске и не должен заниматься никакими расследованиями даже в интересах своей страны...

Шеф Сюрете был не самым терпеливым человеком и испытывал сильное желание выставить за дверь говорливого и обременительного посетителя.

Однако он ограничился едва заметным кивком.

Посетитель был оригиналом, но это не доказывало, что он не может оказаться полезным. А вдруг... шанс, долгожданная счастливая случайность!

— Продолжайте, дорогой меесье, — сказал Давен, изобразив самую вежливую улыбку. — Все, что вы говорите, весьма интересно и намекает на чрезвычайно любопытное продолжение... Я весь внимание...

Небольшая формальная речь Давена произвела на Бобби удивительное действие. Наконец-то его слушали с должным почтением!

Давен указал рукой на кресло, но Бобби остаться стоять, вытянувшись во весь свой небольшой рост.

— Вы должны понять, господин начальник Сюрете, что я пришел по собственной воле и не в силу каких-либо профессиональных обязательств... Я просто турист, которому захотелось посетить Париж — и в самом деле чудесный город, — заметил Бобби снисходительным тоном. — И если стихийный порыв великодушия побудил меня оказать маленькую услугу...

— Вы очень добры... но... не соблаговолите ли вы оказать нам эту маленькую услугу как можно скорее?.. У меня много дел, и я несколько спешу...

По лицу Бобби пробежала тень.

— Если вам угодно, — сказал он, — я могу прийти в более удобное время.

— О, нет! Прошу вас, — воскликнул Давен. — Я понимаю, что вами движет честь джентльмена... но, честное слово, я с нетерпением жду объяснения вашего визита, и если вы можете в нескольких словах утолить мое нетерпение...

Тем временем шеф Сюрете самым серьезным образом размышлял, не спустить ли слабоумного англичанина с лестницы.

Что же до мистера Бобби, то он еле заметно пожал плечами.

Французы всегда и везде остаются французами — фривольными и легкомысленными!

Затем, словно в нем высвободилась какая-то пружина, мистер Бобби коротко и быстро заговорил:

— Известно вам, кто тот мертвец с Обелиска?

Лавор вздрогнул.

— Нет, — сказал шеф Сюрете.

— Я знаю, кто это.

— Говорите же, говорите скорее...

— Во время прогулки я заглянул в морг... и увидел...

— И вы узнали...

— Узнал... жалкое отребье...

— И его имя?

— Извольте. Коксворд, профессиональный боксер.

III

ГАЗЕТНОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО

Два часа спустя в «Нувеллисте» были приведены ниже следующие сведения об убийстве:

«Коксворд (Джон) был профессиональным боксером — не из тех, кто сражается за титул чемпиона мира, но завсегда там цирковых рингов. Он соглашался драться

за несколько шиллингов, побеждал или проигрывал без ощутимого вреда для себя, своих соперников или зрителей, делающих ставки, и в целом был достаточно ловок, чтобы заработать на жизнь. Коксворд также являлся неисправимым пьяницей, не питал уважения к чужой собственности и успел познакомиться с радостями тюрьмы и принудительного труда».

Короче говоря, убитый был совершенно неинтересным человеком.

По мнению мистера Бобби, знаменитого английского детектива, покойный решил попытать счастья в Париже, где в наши дни на боксерские матчи в одном из наиболее скандальных мюзик-холлов собирается разряженная и дикая толпа и со знанием дела обсуждает «свинги» и «нокауты» пыхтящих на ринге грузных соперников.

Коксворду вряд ли удалось бы преуспеть в этих великосветских поединках, но иллюзиям противиться не так-то легко, не говоря уж о притягательности Парижа для подобной личности.

Публику очень мало интересовала цепочка событий, в результате которой тело Коксворда оказалось у подножия Обелиска. О нем вскоре забыли бы, но некое неожиданное обстоятельство вновь вернуло дело на первые полосы газет.

Все знают, что «Нувеллист» лидирует в области новостной журналистики, что на пятки ему наступает «Репортер» и что главный конкурент «Нувеллиста» с каждым днем становится все популярнее.

«Нувеллист» презирует «Репортер» и не упускает случая доказать свое превосходство, часто не стесняясь в средствах. «Репортер», со своей стороны, всеми силами старается разоблачить промахи «Нувеллиста».

Смертельная борьба между двумя газетами забавляет читателей, а тем временем конкуренты охотно обмениваются любезностями, оставляющими желать лучшего в смысле рыцарского отношения к противнику.

В деле с «убийством у Обелиска» «Нувеллист» опередил конкурента и первым сообщил о найденном трупе и результатах расследования. Пока журналисты «Репортера» шли по возможному следу и расспрашивали французских спортсменов, «Нувеллист» получил информацию прямо из префектуры и разрушил все возведенное соперником здание дедукций, опубликовав показания мистера Бобби.

Статья в «Нувеллисте» завершалась двуличным, кисло-сладким пассажем:

«Мы искренне сожалеем, что простая истина превратила в ничто весьма изобретательные гипотезы, выдвинутые некоторыми нашими коллегами. “Нувеллист” снова доказал надежность публикуемой им информации, не имеющей ничего общего с фантастическими измышлениями нечистоплотной прессы, которая не стесняется публиковать выдуманные новости».

Этот язвительный выпад с обвинениями в небрежности и фактической лжи был прямо адресован «Репортеру», и другие газеты, конечно, не преминули его заметить.

В редакции «Репортера» поднялась суматоха. Главный редактор бушевал от ярости и уволил двух сотрудников, «Нувеллисту» же ответил в патриотическом духе:

«“Репортер” признает, что в нем работают только французы и что газета не получает информации от иностранных помощников. В любом случае, остается только сожалеть, что данное событие так прискорбно подчеркнуло превосходство английской полиции над нашей. Кроме того, мы не готовы слепо соглашаться с выводами, которые префектура, как нам кажется, поторопилась взять на вооружение».

Далее «Репортер» добавлял:

«Коксворд — если это действительно Коксворд — был в Париж не на воздушном шаре. Он должен был под-

держивать отношения с людьми своего круга и профессии. Кто-то убил этого человека. “Репортер” начинает расследование, надеясь пролить свет на преступление. И, кто знает? Возможно, хорошо посмеется тот, кто будет смеяться последним».

Вызов, скажем прямо, заметно отдавал блефом. Но публику он позабавил, и поскольку в те дни в стране не случилось никакого правительственного кризиса, а за границей — землетрясения, все внимательно следили за бесцеремонной схваткой двух газет.

Важно понимать, что расследование, несмотря на вмешательство англичанина Бобби, не продвинулось ни на шаг. «Нувеллист», основываясь на надежных источниках, каждый день публиковал показания различных свидетелей, которых вызывал к себе в кабинет следственный судья, месье Малле дю Сол. К сожалению, все эти показания вкратце сводились к одной неутешительной фразе: «Я совершенно ничего не знаю о мистере Коксворде».

«Репортер» отмалчивался, довольствуясь издевательскими инсинуациями. Доставалось и мистеру Бобби.

Настал день, когда «Нувеллист», казалось, восторжествовал.

В грязных трущобах Менильмонта* нашли девушку-англичанку. Она узнала Коксворда по фотографии, но оказалось, что видела она его два года назад в Дьеппе (боксер на сутки приехал во Францию поразвлечься).

Девуцу арестовали и допросили как следует, но она стояла на своем: Коксворда она видела в последний раз два года назад и с тех пор ничего о нем не слышала.

Другие показания еще больше усложняли загадку. Некоторые путали Коксворда со вполне живыми спортсменами, носившими фамилии Коксвелл или Коксберн. Так прошло две недели, и вдруг «Репортер» вышел с громадным заголовком:

* В то время бедный рабочий район на востоке Парижа.

ХОРОШО СМЕЕТСЯ ТОТ, КТО СМЕЕТСЯ ПОСЛЕДНИМ

Под ним следовала статья:

«Наши читатели, без сомнения, заметили, с какой осторожностью мы подошли к делу Коксворда. Им также известно, что мы публикуем лишь то, в чем сами уверены, и всегда подвергаем полученные нами сведения критическому анализу. Если же мы иногда позволяем себе выдвинуть некоторые гипотезы, мы и определяем их как гипотезы. Тем не менее, нас злостно обвиняют в пренебрежительном отношении к истине. Но обвинители, как говорится, в своем глазу бревна не замечают!

Сказав это, мы на сей раз без всяких колебаний определенно заявляем, что свидетельство мистера Бобби, знаменитого английского детектива, склонившее чашу весов общественного мнения, несколько возбужденного вмешательством иностранца в дела нашей страны, что это свидетельство, перед которым все так поспешно склонились, словно оно было не чем иным, как евангельским откровением, что это свидетельство —

ЦЕЛИКОМ И ПОЛНОСТЬЮ ОШИБОЧНО И НЕ СООТВЕТСТВУЕТ ИСТИНЕ

Тем, кто с такой готовностью принял на веру свидетельство мистера Бобби, вне сомнения будет очень неприятно узнать, что они стали жертвами

ОШИБКИ ИЛИ ОБМАНА

УБИТЫЙ У ОБЕЛИСКА — НЕ КОКСВОРД!

В доказательство нашего утверждения мы готовы заключить с любым желающим пари на сумму в —

СТО ТЫСЯЧ ФРАНКОВ

Сегодня мы вручаем указанную сумму наличными мэтру Фаллю, нотариусу.

Мы не располагаем временем и местом для более подробных разъяснений, которые последуют в нашем пятичасовом выпуске».

— Ступайте и приведите ко мне мистера Бобби! — воскликнул шеф Сюрете, прочитав этот дерзкий вызов.

Английский детектив прибыл в очень дурном настроении. Он приехал в Париж отдыхать, и его сняли с экипажа конторы Томаса Кука, направлявшегося в Версаль.

Игнорируя недовольную мину детектива, Давен протянул англичанину газету.

— Читали?

— Да, месье.

— И что вы можете сказать?

— Чистейшее надувательство, — заявил Бобби. — К слову, у меня к вам вопрос. Эти четыре тысячи фунтов стерлингов только и ждут, чтобы их забрали. Что я должен для этого сделать?

— Напишите развернутое письмо в «Репортер», но будьте осторожны, мистер Бобби. Вы поставили меня в крайне неловкое положение. Я принял ваше свидетельство как показания профессионального, ответственного человека и к тому же джентльмена, который не станет обманывать чье-либо доверие. И сегодня, в связи с этими опровержениями, я прошу вас сказать: ошибка исключена? В конце концов, вас могло обмануть сходство... Вы должны помнить, к примеру, историю Лезюрка и его двойника Дюбоска*. Вы абсолютно уверены, что не ошиблись?

* В 1796 г. Жозеф Лезюрк (1763-1796) был казнен за ограбление и убийство лионского почтового курьера. Позднее по обвинению в этом убийстве был казнен грабитель Дюбоск. Дело стало считаться классическим примером несправедливого приговора, вызванного ошибкой свиде-

Мистер Бобби, обычно довольно бледный, внезапно покраснел, и его губы задрожали, предвещая бурю.

— Я не ребенок и не безумец, месье, — сказал он сдавленным голосом. — Я служу Его Величеству в британской полиции и отвечаю лишь из снисхождения к вам, хоть вы и оскорбили мою честь британского гражданина. Я клянусь, что убитый — Джон Коксворд; более того, я поставлю на кон 4000 фунтов...

— Но что, если вы проиграете? «Репортер» не отважился бы предложить такое пари, не располагай газета серьезными документальными свидетельствами.

— Месье, я сказал все, что хотел. Журналисты — известные лгуны, и я, если понадобится, заставлю их проглотить их собственные лживые слова.

Бобби поклонился, повернулся на каблуках и вышел.

«Этот человек говорил искренне, — подумал Давен. — Сведения, полученные из британского посольства, не позволяют в нем сомневаться. И все-таки я должен признать, что у меня плохое предчувствие».

И действительно, размышлял Давен, ошибка, если она будет доказана, покроет позором не только английского детектива — это не имеет значения — но и французскую полицию. Тут уж дело обстоит гораздо серьезней, а положение самого Давена сейчас весьма шаткое.

Легко понять, с каким нетерпением шеф Сюрете ожидал пятичасового выпуска «Репортера». Он решил было заполучить гранки статьи заранее, но типография хорошо охранялась, и все попытки добраться до них оказались тщетными. Кроме того, все зеваки и фланеры Парижа были на чеку.

Война между двумя соперничающими газетами казалась всем занятой, но мало кто предпочитал одну другой. Нам нравится смотреть, как люди обмениваются тумаками, не заботясь при этом, кто победит.

телей, но согласно многим современным источникам неопровержимые доказательства невиновности Лезюрка так и не были обнаружены.

Без четверти пять на бульваре собралась толпа. Погода стояла прекрасная, и на террасах кафе яблоку негде было упасть.

Разносчики всюду торговали листками с надписью «Правда о деле Коксворда»; кое-какие наивные люди купили их и убедились, что там не было ни слова о загадочном деле, а лишь реклама нового сапожного крема.

И наконец, первые газетчики выбежали из типографии на рю дю Круассан с пачками номеров «Репортера» и с криками ринулись в толпу.

Люди рвали у них из рук еще влажные страницы, забывая о плате. Правда, в качестве компенсации некоторым газетчикам совали крупные серебряные монеты, а те забывали о сдаче.

Сенсационный заголовок так и бросался в глаза:

КОКСВОРД ЖИВ!

Коротко, но решительно.

Ниже следовал подзаголовок:

МИСТЕР БОББИ ПРОИГРАЛ СТО ТЫСЯЧ ФРАНКОВ!

Под этими помпезными заявлениями можно было прочитать:

«Мистер Бобби, прославленный и безупречный английский детектив, направил нам письмо, в котором принял предложенное нами пари на сто тысяч франков. С большим сожалением нам приходится уведомить партнера по “Сердечному соглашению”, что он должен будет предоставить указанную сумму на нужды парижской бедноты, то есть вручить ее уважаемому месье Мезурье, директо-*

* Ряд договоров между Англией и Францией, подписанных 8 апреля 1904 г. и призванных положить конец колониальному соперничеству и вражде между двумя странами.

ру фонда общественного призрения, в чем ему будет выдана расписка.

Мы говорим это потому, что собираемся изложить два факта.

Первый из них неоспорим: 2 апреля в пять часов утра у подножия Обелиска был найден труп неопознанной жертвы.

Доказательства второго также не могут быть поставлены под сомнение.

Коксворд, профессиональный боксер, находился между двенадцатью и часом ночи 1 апреля (то есть в ночь с 1 на 2 апреля) в таверне под названием “Shadow’s Bar” (“Бар тени”) на Ливерпуль-роуд в Айлингтоне.

Как известно, Айлингтон — один из пригородов Лондона.

Если считать, что Коксворд в пять утра был повешен на ограде Обелиска, а в час ночи находился еще на Ливерпуль-роуд, придется признать, что из Лондона в Париж можно добраться за четыре часа, не принимая в расчет время, необходимое для убийства. Ни одна железнодорожная компания не обладает поездом, способным передвигаться с такой головокружительной быстротой, а если бы обладала, то безусловно не делала бы из этого секрета.

Как нам удалось установить, что в ночь с 1 на 2 апреля Коксворд находился в Лондоне?

Очень просто. Нам не понадобилось обращаться в высокие сферы. Попутно заметим, что самое легкое дело — ограничиться полученной информацией и не предпринять никаких усилий для ее проверки.

Мы настроены более скептически и предпочитаем проверку фактов слепой вере.

Расследование необходимо было проводить не в Париже, а в Лондоне. Так мы и сделали.

Ни единая телеграфная линия, даже самая прямая, не могла нам подсказать, что имя боксера Коксворда появилось утром 2 апреля в напечатанной мелким шрифтом за-

метке местной газеты Айлингтона, где мы читаем следующее:

“Этой ночью в одной из многочисленных и печально известных таверн на Ливерпуль-роуд разразился скандал.

Боксер Коксворд, чье имя уже несколько раз появлялось в судебных постановлениях, был нанят для проведения боксерского матча в Shadow's Bar, которым управляет некий Пат О'Керн, ирландец.

Зрителями были представители низших классов, чьи ставки составляли пенсы, а никак не фунты или хотя бы шиллинги. Но зрелище едва ли было достойно большего, да и вызвало больше презрительных выкриков, чем аплодисментов. Кроме того, Коксворд был совершенно пьян и еле держался на ногах. Противники, под смех публики, несколько раз отправляли его на пол.

В час утра Коксворд почувствовал, что с него хватит, и заявил, что устал и уходит. Публика встретила это заявление издевательскими аплодисментами. Покачиваясь от усталости и опьянения, Коксворд удалился в комнату по соседству с питейным залом, где собирался переодеться.

Один из противников, знавший Коксворда как человека с сомнительной репутацией, внезапно что-то заподозрил и вошел в комнату. Он застал Коксворда в ту минуту, когда негодяй, закончив свой туалет, выудил из кармана чужой одежды золотые часы и приготовился выпрыгнуть в окно первого этажа.

Бдительный любитель кинулся на Коксворда, однако боксер сумел вывернуться и выскочить наружу. Под крики «Держи вора!» клиенты таверны высыпали на улицу и стали преследовать злоумышленника.

Коксворд значительно опережал преследователей и хорошо знал округу, где имеется много запутанных улиц и переулков. Он побежал в сторону Хайбюри, а затем оторвался от преследователей и скрылся.

В полицию была подана жалоба на Коксворда, который, как следует ожидать, вскоре вновь окажется в руках правосудия”.

Учитывая обстоятельства дела, этот мелкий инцидент приобретал решающее значение.

Коксворд не вездесущ, и если он в час утра похитил часы на окраине Лондона, он не мог в то же время находиться в Париже, в окрестностях площади Согласия.

Оставалось только проверить:

1. Соответствуют ли действительности изложенные в газете факты;

2. Правильно ли указан день и час;

3. Имеются ли какие-то сомнения в том, что в указанном инциденте был замешан именно Коксворд.

Наш корреспондент Лаберже, которому мы поручили это расследование, немедленно связался с одним из самых известных лондонских адвокатов, мистером Эдвином Баттлвортом с Темпл-стрит (Линкольн Иннс Филдс). Последний собрал достоверную информацию и необходимые свидетельские показания, приложив к ним все гарантии подлинности, какие может обеспечить закон. Под присягой дали показания следующие свидетели:

Мистер Пат О'Керн, хозяин таверны Shadow's Bar.

Миссис О'Керн, урожденная О'Киф.

Мистер Гелбрейт, боксер-любитель.

Мистер Блоксхэм, мясник.

А также семь регулярных посетителей таверны из числа представителей рабочего класса.

Все они заявили:

— Что Коксворд несомненно был тем человеком, который участвовал в боксерском матче в Shadow's Bar, украл часы и спасся бегством;

— Что все они знают его очень давно и какая-либо ошибка непредставима и полностью исключена;

— Что инцидент, описанный в газете, действительно имел место и все его подробности были переданы верно;

— И наконец, что данный инцидент произошел между 11 часами вечера 1 апреля и часом ночи 2 апреля.

Эти документы — подлинность которых неоспорима — находятся у нас в редакции. Парижская публика может сама рассудить, насколько обоснована была та язвительная критика, что позволили себе обрушить на нас некоторые недоброжелатели. С нас достаточно и этой победы истины над пустыми обвинениями.

Напомним, мы были правы:

*ТРУП, НАЙДЕННЫЙ У ОБЕЛИСКА,
НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ТЕЛОМ БОКСЕРА КОКСВОРДА*

Мы не сомневаемся, что наш непогрешимый глава Сю-рете, месть Давен, и его прославленный коллега, смехотворный мистер Бобби, имеют очень мало общего с Шерлоком Холмсом. Мы напоминаем знаменитому мистеру Бобби, что фонд общественного призрения расположен на авеню Виктория, неподалеку от здания муниципалитета».

Весь город покатывался со смеху.

Никого уже не интересовало ни преступление, ни убийца и его жертва. Убитый, утратив фамилию Коксворд, буд-то отошел в прошлое. Но кое-что осталось — Бобби, знаменитый, восхитительный детектив. На следующее утро газеты излились потоком беспощадных и жестоких шуток. Карикатуристы изображали Бобби умалишенным. Вовсю продавались комические открытки. Словом, Бобби был везде. Бобби был героем дня. Перед гостиницей, где он остановился, собирались кучки людей и кричали во все горло:

— Долой Бобби!

— В Шарантон его, в психическую!

Всеобщее волнение увенчалось появлением миссис Бобби: она наняла экипаж, прибыла в редакцию «Репортера», ураганом пронеслась мимо рассыльных, взлетела по лестнице и, распахнув дверь, ворвалась в редакционный зал.

Здесь эта высокая, худая и костлявая женщина с лошадиными зубами, тип англичанки старого времени, без предупреждения набросилась на журналистов и редакторов, орудуя зонтиком и нанося направо и налево колющие и хлещущие удары, подвергавшие серьезному риску здоровье ее врагов.

Непросто было усмирить эту фурию, которая поклялась отомстить за поруганную честь своего мужа.

Наконец ее удалось скрутить и передать полицейским. Те связали и обездвижили ее, но не прежде, чем сами получили несколько яростных ударов.

Ее отправили в полицейский участок, где агентам снова пришлось отбиваться от воинственной дамы.

По приказу из префектуры, в камеру ее не посадили, а немедленно доставили в кабинет месье Лепина.

К счастью, она успела немного успокоиться и не стала отвечать оскорблениями на вопросы префекта полиции. Вся дрожа, она заявила, что мистер Бобби, британский гражданин, и миссис Бобби, гордая дочь Шотландии, не готовы терпеть оскорбления французских газет. Обвинять мистера Бобби в ошибке — настоящее богохульство, добавила она, ибо он никогда не ошибается, сама же она готова возложить свою голову на плаху Марии Стюарт, если убитый не является боксером Коксвордом.

— Вы были знакомы с Коксвордом, мадам?

— За кого вы меня принимаете? Как я могу быть знакома с подобным человеком?

— Откуда вы тогда знаете, что это он?

— Мистер Бобби мне сказал...

— Очень хорошо! Очень хорошо! — послышался громкий голос мистера Бобби, которого только что ввели в кабинет. — Это глас самого разума! Жена обязана верить всему, что говорит ей муж.

— Ах, вот и вы, мистер Бобби! — суховатым тоном сказал префект. — Вы британский гражданин и знаете, что означает выражение «to keep the peace», то есть сохранять мир и общественный порядок. Я не оспариваю ваше мнение, но вы не имеете права отстаивать его с помощью рукоприкладства. Я не хотел бы принимать решение, которое меня огорчит, и поэтому спрашиваю вас и миссис Бобби, намерены ли вы впредь сохранять мир, иными словами, не нарушать общественный порядок... Отвечайте, прошу вас.

Мистер Бобби внушительно и гордо выпрямился.

— Вы хотите навязать мне, гражданину свободной Англии, противоречащее истине мнение... хотите доказать, что Коксворд — не Коксворд...

— Я не хочу вам ничего навязывать. Просто ведите себя спокойно и не нападайте на людей, как сделала уважаемая миссис Бобби.

— Миссис Бобби поступила по велению совести и не заслуживает порицания...

— Дайте хотя бы слово, что больше этого не случится...

— Я отказываюсь.

— А вы, миссис Бобби?

— Я отказываюсь.

— В таком случае я вынужден воспользоваться правом, данным мне законом... Возвращайтесь в гостиницу, мистер Бобби, и готовьтесь к отъезду. Поезд в Кале отходит в восемь вечера. Мы привезем мадам Бобби на Северный вокзал. Там же вы получите официальный приказ о выдворении из страны и незамедлительно отправитесь в Англию.

— Прекрасно, — доблестно ответил Бобби. — Однако это не означает, что Коксворд — не Коксворд.

В тот же вечер мистер Бобби и его вспыльчивая супруга покинули Париж.

Все кончено? Дело закрыто?

О, нет! Парижане были бы очень удивлены, а главное, испуганы, если бы могли предвидеть ужасные события, последовавшие за убийством у Обелиска.

ЧАСТЬ II

ХИМИК, ДЕТЕКТИВ И РЕПОРТЕР

ЗАПИСКАЯ КНИЖКА МИСТЕРА БОББИ

Действие переносится в Лондон.

Мистер Бобби сидит в одиночестве в маленькой гостиной коттеджа на углу Айлингтон-Гарденс, где он живет уже двадцать лет.

Миссис Бобби нет дома.

Мистер Бобби открывает ящик небольшого секретера, доставшегося ему в наследство от отца, и достает записную книжку в кожаном переплете, снабженную стальным замочком.

Это дневник, который он вел всю жизнь — с самого детства, с семи лет, в согласии с поэтическим принципом: каждый день нужно написать хоть строку. *Nulla dies sine linea**.

Мистер Бобби грустен, но его крепко сжатые губы и твердый подбородок выражают непреклонную решимость.

Он кладет книжку на стол, отпирает замочек, перелистывает страницы и наконец перечитывает запись.

«Я, гражданин Англии, рожденный в Лондоне, чистокровный кокни, чей младенческий плач заглушал торжественный звон колоколов церкви Боу**, был изгнан из Франции и не смог ничего с этим поделать. Простите меня, о предки, сражавшиеся при Азенкуре!***

Провидению, коему сопротивляться бесполезно, было угодно, чтобы это оскорбление не стало последним глотком, испытанным его покорным слугой из чаши горечи!

* Ни дня без строчки (лат.).

** Также Сен-Мэри-ле-Боу, одна из известнейших церквей Лондона (современное здание построено в последней трети XVII в.). Как пишет в примечании автор, «истинным лондонским кокни считается только тот, кто родился в районе, где слышны колокола церкви Боу».

*** В битве при Азенкуре (25 октября 1415 г.) англичане нанесли сокрушительное поражение французской армии.

В день возвращения в родные пенаты я был вызван письмом в Скотланд-Ярд; сухой тон послания не превещал ничего хорошего.

Меня принял мистер Сюингтроу, мой непосредственный начальник.

Ободренный твердостью Сюзан — то есть миссис Бобби — я приветствовал его как человек, уверенный в благородстве своих намерений.

Но что стоят все достоинства человека пред лицом клеветы и того, что я осмелился бы назвать недостатком ума?

Мне поставили на вид мое поведение в дружественной стране, где я вмешался в дело, не имеющее ко мне никакого касательства, привлек к себе и Англии недоброжелательное внимание публики и — самое неприятное — выставил британскую полицию в неприглядном и подозрительном некомпетентном свете.

Напрасно я пытался объяснить. Напрасно я говорил, что руководствовался принципом любви к истине и желанием быть полезным; тщетно упоминал я о моральных и религиозных основах, которые старался воплотить в жизнь.

Как видно, я был обречен с самого начала. Ни один из моих доводов не произвел желаемого эффекта. И наконец меня уведомили, что вплоть до дальнейших распоряжений я отстраняюсь от службы.

Я мог лишь поклониться, что я и сделал.

Затем в нескольких не лишенных красноречия словах, которыми я имею основание гордиться, я уважительно высказал протест против данного наказания.

— Мистер Сюингтроу, — сказал я в заключение, — на крови мучеников, увлажнившей землю, взошел урожай истины. Смиренность не позволяет мне сравнивать себя с этими святыми предшественниками, но позвольте мне заявить, что ошибка, несчастной жертвой которой я пал, может прискорбно сказаться на общественной морали.

Мой начальник, смутившись, ответил замечанием, каковое я отношу к несправедливым обидам.

— Вы идиот, — сказал он. — Успокойтесь и ждите, что-то да выяснится.

И я направился домой — там я, к счастью, мог излить на груди спутницы жизни всю горечь, наполнявшую мое сердце.

— Мистер Бобби, — сказала эта удивительная женщина, — оскорбление, которому вас подвергли, распространяется и на меня. Я жду, что вы очистите свое и мое имя.

Ее слова указали, в чем состоит мой долг. Отныне я посвящу свою жизнь поиску истины. Я обязан понять, каким образом Коксворд, убитый в Париже 2 апреля, мог наводиться в Лондоне всего четырьмя часами ранее.

Здесь я должен сделать одно признание. Я ознакомился с газетой, отметившей его присутствие в Лондоне в ночь с 1 на 2 апреля. Я питаю глубокое уважение к британской прессе и ни на миг не сомневался в истинности этого утверждения, хотя изначально, узнав о нем из французских газет, отнесся к нему с немалым подозрением.

Я не удивился, когда на следующий день, повторив расследование, уже предпринятое моими критиками, удостоверился в том, что опрошенные свидетели говорили правду. Все они присутствовали на боксерском матче, в ходе которого Коксворд потерпел поражение.

Как оказалось, он пошатнулся, получив апперкот в подбородок, попытался войти в клинч, но был сбит на пол ударом левой. Тогда он признал свое поражение, в чем винили трусость. Но сейчас, когда я сложил вместе все детали, мне кажется, что у Коксворда имелся хитроумный план и что он решил сэкономить силы для задуманного им злодеяния, а именно похищения часов, каковое и было раскрыто несколько минут спустя.

Я точно установил время.

Ровно без пяти час Коксворд, вполне бодрый и проворный, выскочил из окна первого этажа Shadow's Inn и побежал прочь, преследуемый разъяренной толпой.

Меня ничуть не поразило, что Коксворд оказался вором, так как я давно знал, что представляла собой эта личность. Все выглядело более чем правдоподобным; свидетели хорошо знали Коксворда и не могли ошибочно его опознать (как и я, поскольку несколько раз его арестовывал).

Известно, что преследуемый Коксворд скрылся поблизости от Хайбюри-Кресент. Но появился ли он где-либо после этого? Нет. О нем больше никто не слышал. Многочисленные таверны, которые он посещал, не удостоились его визита. Должен добавить, что я, отбросив свою врожденную деликатность, снизошел даже до розысков некоей Бесси Белл, ведущей самый предосудительный образ жизни и состоявшей в неопределенных отношениях с Коксвордом. Найдя ее, я — несмотря на все отвращение, какое внушают мне подобные создания, особенно когда приходится сталкиваться с ними не по службе — допросил ее и выяснил, что Коксворд не приходил и к ней; однако это обстоятельство, как она с цинизмом заявила, ничуть ее не заботило.

Следовательно, все указывает на то, что Коксворд по какой-то причине покинул Лондон или, возможно, скоропостижно умер. Я установил, что он не появлялся и во всех низкопробных спортивных заведениях — а их, Господь свидетель, немало. Гипотеза внезапной смерти показалась бы кому-нибудь другому, но только не мне, наиболее логичной; и все же я решил ее рассмотреть. Мертвый оставляет следы: его тело хоронят, топят в воде или сжигают, как в Индии.

Но нигде не было и следа трупа Коксворда.

Получается, я собрал факты, доказывающие правоту моих обвинителей: Коксворд жив, и нет никаких свидетельств обратного. С другой стороны, я своими глазами видел его тело в парижском море. Возникает вопрос: что произошло с Коксвордом между часом ночи, когда его потеряли из виду поблизости от Хайбюри-Кресент, и пятью утра, когда его тело (его, и никого другого!) нашли висющим на ограде Обелиска.

«Ищите и обряцете», сказал Господь. Я не перестану искать.

В записной книжке мистера Бобби подробно отражены все перипетии тщательного расследования.

Собранная информация указывала, например, что во время боксерского поединка и похищения часов Коксворд был пьян в стельку — и потому не мог уйти далеко.

Вследствие этого мистер Бобби методически изучил все улицы, переулки и дворы вокруг Хайбюри-Кресент. Под более или менее благовидными предложениями он стучался и в частные дома, философски сносил ругань жителей и оставался бесстрастным и непреклонным.

Круг его поисков стал сужаться, когда он добрался до Корсика-стрит, новой улицы с еще редкой застройкой, проложенной прямо через поля. Внимание детектива привлек стоявший на отшибе особняк с всегда закрытыми окнами и опущенными шторами.

Дом окружала довольно высокая стена, и он на первый взгляд казался необитаемым.

Естественно, мистер Бобби попытался проникнуть в этот таинственный дом, возбуждавший в нем острое любопытство.

Заглянем через его плечо в записную книжку.

«Любой другой сдался бы, столкнувшись с такой трудной задачей. Ни следа Коксворда. Я уверен — совершенно уверен — что он не входил ни в один из домов поблизости от Хайбюри-Кресент. Я проверил их все, кроме одного.

Конечно, я побывал у двери последнего; я стучал дверным молотком, звонил в звонок и всемерно старался проникнуть внутрь. Напрасные старания! Мне никто не отвечал. Возможно, меня не слышали, либо же обитатели или обитатель этого дома принципиально отказываются принимать посетителей.

Я навел кое-какие справки, но не смог удовлетворить свое любопытство — мало того, оно лишь вспыхнуло с новой силой.

Дом принадлежит некоему сэру Ателю Рэндому*, который является, как я понял, потомком одного из старейших лондонских семейств. Этот человек приобрел особняк за достаточно высокую цену, причем расплатился немедленно, выложив, как говорится, «наличные на стол».

Он занимается химическими исследованиями и механикой. Так предположили соседи, видевшие, как в дом при его переезде привезли на подводах огромные ящики. Живет он один, без слуг и, что самое странное, никакие торговцы не доставляют ему провизию.

Покидает он дом очень редко и выезжает на автомобиле такой необычной формы, что никто не в состоянии понять, где может находиться мотор. Этот автомобиль передвигается с необычайной скоростью. Больше я ничего не смог узнать о его транспортном средстве.

Ходят слухи, что раньше он жил в Килберне, у станции Брондсберри**. Однажды ночью он устроил в доме взрыв и был вынужден заплатить солидную компенсацию владельцу и жильцам. Я проверил эти слухи — они оказались правдой.

Одни говорят, что он умалишенный, другие называют его колдуном.

В первые дни пребывания этого затворника в Хайбюри его подозревали в пособничестве анархистам или, по крайней мере, проповедникам анархизма.

Поговаривали, хотя и туманно, также о помолвке сэра Ателя Рэндомы и Мэри Редмор, дочери богатого землевладельца. Но помолвка была внезапно разорвана по непонятной причине.

Сказанное выше основывается лишь на болтовне окрестной прислуги, иначе говоря, на сплетнях.

Похоже на то, что между этим таинственным человеком и исчезновением Коксворда нет никакой связи. Однако я обязан проследить все ниточки.

* Random (англ.) — буквально «случайный».

** Железнодорожная станция в северо-западной части Лондона.

Десять дней спустя.

Кажется, в ночи загорелся огонек. Ввиду трудностей, с которыми я столкнулся при попытке проникнуть в дом сэра Рэндома, я сменил направление своих поисков...

Было не слишком трудно разыскать особняк миллионера Джедедиди Редмора — настоящий замок у Ньюингтон-Парка.

Свои миллионы он заработал, судя по всему, на торговле химическими препаратами. Компания Редмора, приемника Блэквита, до сих пор является одной из самых респектабельных в Сити.

Редмор вдовец, детей у него нет, кроме нежно любимой дочери Мэри. Сведения, собранные мною в его окружении, подтвердили те туманные слухи, что уже доходили до меня. Действительно, сэр Атель, познакомившись с мистером Редмором в качестве заказчика химических препаратов, стал в доме своим, и мало-помалу между ним и девушкой возникла сердечная привязанность. Родословная, образование и состояние сэра Ателя могли только обрадовать мистера Редмонта; выбор дочери не вызвал у него ни малейших возражений, и свадьбу назначили на следующее лето, приблизительно на июнь или июль.

Внезапно и без всяких видимых причин все рухнуло. Мне удалось лишь узнать, что однажды утром сэр Атель буквально ворвался в дом мистера Редмора; он был бледен, подавлен и смотрел безумным взором. Его провели к мисс Мэри. Последовал довольно долгий разговор, причем из гостиной время от времени доносился отчаянный голос сэра Ателя. Наконец он вышел — с искаженным, залитым слезами лицом — и с тех пор в доме не появлялся.

Мисс Мэри, несмотря на подобающую молодым девушкам сдержанность, не могла скрыть своей печали. С того дня она носит траур.

Лично мне чужда сентиментальность, и занят я вещами более важными, чем любовная история. Я уделил бы ей самое поверхностное внимание, но меня насторожила одна подробность.

В ходе долгой беседы с шофером мистера Редмора в заведении “Кингс Армс” (виски там подают превосходный) я узнал... что роковой визит сэра Ателя имел место 2 апреля в 9 часов утра...

Разве это не путеводный огонек?»

II

ОГОНЕК РАЗГОРАЕТСЯ ЯРЧЕ

С апломбом, соответствующим званию детектива (в настоящее время ненадолго, как он надеялся, отправленного в отставку), мистер Бобби явился в особняк Редмора и с порога спросил, может ли он видеть мисс Редмор.

К большому удивлению мистера Бобби, его немедленно пустили, провели в библиотеку и попросили подождать.

Ждать пришлось довольно долго, но мистер Бобби давно считал терпение одной из своих добродетелей, и подобная отсрочка не могла его смутить.

Наконец дверь отворилась, и в комнату вошел человек гигантского роста, с громадными плечами, рыжей бородой и волосами. Очки в золотой оправе, огромный живот, длинные ноги, стать короля, если не императора. Мистер Бобби мгновенно заключил, что перед ним Джедедия Редмор, хоть никогда его раньше не видел.

Это и вправду был мистер Редмор. Резковатым, немного смягченным вежливостью голосом миллионер осведомился, чем заслужил честь визита мистера Бобби.

Несмотря на всю твердость характера, детектив помедлил, прежде чем ответить. Он предпочел бы оказаться наедине с молодой девушкой, которую мог бы очаровать блеском своего ума.

Затем он взял себя в руки.

— Мистер Редмор, — сказал он, — я верю, что искренность является кратчайшим путем к цели. У меня нет приемлемой или очевидной причины отнимать у вас время.

— Что? — несколько менее вежливо переспросил Редмор.

— И однако я здесь, поскольку причины все-таки имеются... тонкие, деликатные причины... и я прошу вас уделить мне несколько минут вашего внимания.

Редмор со скучающим видом кивнул, и детектив продолжал:

— Начнем с нескольких вопросов... и если они покажутся вам неподобающими, умоляю простить меня и помнить, что намерения у меня самые положительные...

— Дорогой сэр, — загремел Редмор, — если в течение пяти минут вы не объясните, зачем пришли, я возьму вас за шиворот и вышвырну в окно!

Бобби утонченно улыбнулся.

— Пяти минут мне достаточно. Не будете ли вы так любезны сказать, известен ли вам сэр Атель Рэндом, проживающий на Корсика-стрит в Хайбюри?

Красное лицо Редмора стало багровым.

— А! Вас прислал этот негодяй! — воскликнул он. — Вы напрасно тратите время, сэр! Идите к двери, там мне будет удобнее вам наподдать!

— Пять минут еще не истекли, и я доверяю вашему слову джентльмена. Итак, имя сэра Рэндома вам известно, так как привело вас в ярость. Продолжаю. Утром 2 апреля в вашем доме произошла некая сцена, означившая конец ранее довольно близких отношений, не так ли?

— Да, сэр. Второго апреля. Мне нечего скрывать. Но Бога ради, вам-то что до этого?

— Поверьте, мною движет не пустое любопытство. Я не намерен вторгаться в ваши личные дела. Но в тот же день произошло и другое событие, и инстинкт подсказывает мне, что оно связано со случившимся здесь.

— Другое событие? Какое? Где?

— В Париже, — благосклонно ответил мистер Бобби.

Мистер Редмор едва сдерживался, а при упоминании Парижа и вовсе вышел из себя. Он был убежден, что сделался жертвой злостного насмешника; потому он осыпал смиренного мистера Бобби малоприятными эпитетами и

велел ему убираться вон.

И тогда мистер Бобби, понимая, что вот-вот проиграет, поставил на карту все и громко вскричал:

— Если мисс Мэри согласится выслушать меня, мы сможем спасти сэра Ателя Рэндома...

Мысль оказалась удачной — дверь мигом открылась и в библиотеку вбежала мисс Мэри.

Ах! прелестное дитя! Двадцатилетняя, пухленькая, розовая девушка с ореолом светлых локонов вокруг лица.

— В чем дело, папа? — выпалила она. — Кто произнес имя...

Она чуть покраснела, заметив Бобби. Тот, джентльмен с головы до ног, отдал дань ее красоте низким поклоном.

— Этот болван, — пояснил Редмор, — явился ко мне с какой-то чепухой. Стал говорить об утре 2 апреля... о дате, которую мы должны забыть навсегда.

Мисс Мэри легким движением приложила руку к сердцу.

— Папа, — сказала она, — как ни больно мне вспоминать этот черный день, помните: я *чрезвычайно* желаю узнать, что случилось в доме упомянутого человека — и тем самым понять, чем было вызвано ужасное несчастье. С вашего разрешения, я хотела бы расспросить мистера...?

— Бобби, — вставил детектив.

Мистер Редмор страшно жалел, что не успел выбросить непрошенного гостя из окна. Но голос дочери был так мягок, так трогательно играл на его отцовских чувствах, что он не осмелился возразить. Он резко повернулся на каблуках и вышел.

Бобби одержал первую победу.

— Говорите, сэр, — быстро промолвила Мэри. — Что вам известно о сэре Ателе?

— К сожалению, до сих пор я ничего не выяснил, мисс! Но, как я имел честь сказать вашему отцу, я обладаю развитой интуицией и хорошим чутьем. Я убежден, что с небольшой помощью с вашей стороны сумею разгадать необъяснимую тайну, в чем вы, быть может, заинтересованы не меньше меня...

— Вы говорите что-то непонятное... Вы знакомы с сэром Ателем?

— Я сделал все возможное и невозможное, чтобы проникнуть к нему... увы, мне не удалось...

— Но что связывает вас с ним?

— Ничего. Послушайте меня, мисс, прошу вас! Верно ли, что утром 2 апреля сэр Атель появился у вас в доме, бледный и растерзанный, что он казался обезумевшим и рассказал что-то, одновременно удивившее и опечалившее вас?

— Это правда.

— Разрешите попросить вас, мисс, повторить его слова — по крайней мере те, которыми вы сочтете возможным со мной поделиться?

Девушка на миг задумалась, бросив взгляд на Бобби. Он показался ей честным человеком.

— За два дня до того утра я видела сэра Ателя, — сказала она. — Он был мил, доброжелателен и полон надежд на — не стыжусь это сказать — наше общее будущее. Второго апреля он пришел сюда в девять утра. Он казался утрюмым и изможденным, его невозможно было узнать. Когда я стала его расспрашивать, он сказал, что навсегда опозорен... что он совершил жуткое преступление — он! воплощение добропорядочности! — что отныне он не имеет права настаивать на выполнении обещаний, которыми мы обменялись, и что я не могу и не должна связывать свою жизнь с преступником! Что я могу еще сказать? Его сбивчивая речь, прерываемая рыданиями, ужаснула меня... Я просила его объясниться, уверяла, что прошу его, даже если он совершил какой-то опрометчивый поступок, и помогу ему загладить вину... Внезапно он выбежал... и с тех пор не возвращался...

Девушка закрыла лицо руками и заплакала.

Бобби, внимательно слушавший ее, спросил:

— Не замечали ли вы у сэра Ателя каких-либо признаков душевного расстройства?

— Никогда! Конечно, он часто бывал занят и погружен в себя. Я знаю, что он посвятил всю свою жизнь, все свои дарования работе над неким изобретением... Иногда он про-

бовал объяснить мне его суть... но при всем желании я не могла его понять... и мое невежество в научных вопросах не позволяло мне следить за его рассуждениями...

— К какой области относился его труд?

— Однажды он сказал мне, что если его усилия принесут плоды, дирижабли и аэропланы покажутся детскими игрушками, и из Лондона в Нью-Йорк можно будет добраться за два часа.

Мистер Бобби вскочил и, подчиняясь непреодолимой силе, станцевал джигу, напевая при этом старинную негритянскую песенку: «Эй, пастушки, выходите вечером...»

— Сэр! Вы, кажется, сами сошли с ума! — с некоторым волнением воскликнула мисс Мэри.

Мистер Бобби опустился в кресло.

— Простите, мисс... Я не повредился в уме и не имел намерения вас оскорбить... Но то, что вы сказали! Если бы вы только знали!... тысячи километров за два часа... а от Лондона до Парижа... 350 километров... сушая ерунда! Минут десять, не больше! И вот Коксворд... да, конечно!.. Связь существует... существует!

— Я ничего не понимаю...

— Я тоже! — ответил Бобби. — Но интуиция сработала! Чутье не подвело!

Он вдруг остановился и вновь заговорил корректным тоном:

— Мисс Мэри Редмор, я должен увидеться с сэром Ателем. Даю вам слово британского гражданина и истинного лондонского кокни, что мною движут в этом деле самые честные намерения. Добавлю также, что меня тронуло ваше горе — я женат, мисс, и знаю силу женской привязанности к избраннику — и я готов помочь вам исправить случившееся 2 апреля, если только это возможно... Помогите мне увидеться с сэром Ателем... и он вновь будет у ваших ног...

— Ах! Неужели вы способны совершить такое чудо?

— При взгляде на вас, мисс, оно не кажется мне неосуществимым. Я уверен, что сэр Атель глубоко страдал, отказавшись от счастья быть вашим супругом. В его жизни произошла какая-то катастрофа... я чувствую, ощущаю это, но

не могу объяснить, что именно... надеюсь только, что мне удастся облегчить ее последствия...

— Какое счастье приносят мне ваши слова! Я потеряла, увы, всякую надежду... и, сама не знаю почему, доверяю вам...

— Тогда ответьте на мой вопрос. Можете ли вы устроить мне встречу с сэром Ателем?

— Не знаю, что вам и ответить. Я позабыла о гордости... писала ему... но он не отвечал...

— Но ваши письма он получал?

— О, в этом я уверена. Моя камеристка лично опускала письма в его почтовый ящик.

— И может опустить еще одно?

— Конечно!

Мистер Бобби потер лоб.

— Пишите, мисс, пишите скорее. Напишите сэру Ателю, что вы просите его встретиться с джентльменом, который придет к нему сегодня в пять часов вечера...

Он остановился и затем решительно махнул рукой.

— Терять нечего! Кто не рискует, проигрывает!

И снова начал диктовать:

— ...с целью побеседовать о человеке, чья фотография прилагается...

Бобби достал из кармана фотографию, и мисс Мэри послушно вложила ее в конверт.

Это была фотография Коксворда...

III

ДВА ВИЗИТА ВМЕСТО ОДНОГО

Ровно без четверти пять кто-то позвонил в дверь сэра Ателя Рэндома.

Дверь резко повернулась на петлях.

В дубовом проеме показался молодой, очень бледный и довольно высокий человек — тип современного англичани-

на с безукоризненным пробором в черных волосах и усами, спускавшимися по уголкам рта в кельтской манере.

Увидев перед собой незнакомца, сэр Атель Рэндом, чуть запинаясь, проговорил:

— Я получил письмо от мисс Мэри Редмор... Прошу вас, сэр, входите...

Посетитель, не медля, последовал за ним.

Сэр Атель провел его в небольшой двор, где стояло одноэтажное здание, похожее на мастерскую. Затем он открыл незаметную дверь в левом крыле строения и вежливым жестом пригласил гостя войти.

За дверью находился своего рода кабинет — очень светлый и чистый, с длинным столом посередине. Стол был уставлен физическими и химическими приборами и приспособлениями от градуированного барометра до двугорлых реторт. Рядом лежали многочисленные бумаги и чертежи.

Сэр Атель указал на стул и гость уселся, разглядывая хозяина.

Привлекательный молодой англичанин, казалось, был не в себе. На вид ему было лет двадцать пять. Немного запавшие глаза под высоким и выпуклым лбом светились умом и горели лихорадочным внутренним жаром, подавляемым усилием воли. Твердо очерченный рот, полные крепкие губы.

Все в этом человеке производило впечатление энергичности и мужественности.

Посетитель, высокий господин лет пятидесяти с довольно тонкими чертами лица, остро подстриженными кончиками усов и короткими седеющими волосами, вежливо снял шляпу, которую носил чуть набекрень, и сильной волосатой рукой отставил в сторону трость — такую толстую, что ее можно было принять за дубину.

Конечно же, это был не мистер Бобби.

Не успел сэр Атель заговорить, как гость извлек из кармана записную книжку, из книжки достал визитную карточку и протянул хозяину.

Сэр Атель прочитал: «Артюр де Лаберже». В левом нижнем углу было зачеркнуто какое-то слово и сверху припи-

сано: «Le Nouvelliste, Paris».

Сэр Атель и глазом не моргнул.

— Я журналист, сэр. Специальный корреспондент парижского «Нувеллиста». Раньше работал в «Репортере», но ушел по причине, которая вряд ли будет вам интересна. Прошу уделить мне несколько минут...

— Это о вас писала мне мисс Редмор?

Лаберже счел за лучшее молча поклониться.

— Вы пришли поговорить со мной о человеке, чья фотография была послана мне в письме, сообщавшем о вашем визите...

Лаберже, несмотря на все свое самообладание, достойное специального корреспондента «Нувеллиста», вздрогнул от удивления. Прежде он действительно работал в редакции «Репортера», откуда ушел по очень простым соображениям, о которых мы расскажем позднее. Этим утром он выехал из Парижа и совершенно не понимал, как неизвестная молодая женщина могла сообщить сэру Ателю о его прибытии.

— Месье, — заговорил он, — думаю, всего несколько слов убедят вас, насколько полезен может быть мой визит для нас обоих. Позвольте в первую очередь сказать, что у нашей газеты миллион читателей; эта цифра свидетельствует об известности, какой пользуется «Нувеллист» во Франции и за ее пределами....

— Я никогда не читаю газеты, — мягко сказал сэр Атель.

— Жаль слышать, сэр! Пресса играет в мире великую воспитательную роль! Пойдем дальше... Не могли бы вы ответить на один вопрос: вы сэр Атель Рэндом, проживающий в Хайбюри, Лондон?

— Да, это я... Но прежде, чем вы продолжите расспросы, разрешите мне в свою очередь задать вам вопрос. Вы тот человек, о визите которого сообщила мне мисс Мэри Редмор?

— Заверяю вас...

— Можете ли вы что-либо сообщить мне о человеке, чью фотографию мне прислали?

Спокойно и совершенно хладнокровно сэр Атель протянул посетителю фотографию из конверта с письмом, продиктованным Бобби...

Сейчас, пожалуй, самое время вспомнить, что Лаберже был одним из героев парижского инцидента с Коксвордом и Бобби. Именно расследование, проведенное Лаберже в Лондоне совместно с адвокатом Эдвином Баттлвортом, помогло установить, что Коксворд в ночь с 1 на 2 апреля находился в английской столице. Благодаря собранным Лаберже сведениям «Репортер» одержал полную победу над «Нувеллистом» и сумел унижить конкурента.

Лаберже получал в «Репортере» очень щедрое жалование, но всегда ставил деньги превыше лояльности. Он разыскал главного редактора «Нувеллиста» и предложил тому за плату, на какую не мог надеяться в «Репортере», стать верной ищейкой газеты. Он также обещал употребить все свои таланты на поиски способов чувствительно и болезненно отомстить «Репортеру» за поражение.

Моральная сторона этого шага была, безусловно, сомнительна; однако моральные нормы определенных кругов следует принимать такими, какие они есть, не вставая на котурны неподкупной честности.

Журналистские способности Лаберже были широко известны и признаны. Он славился тем, что не упускал из виду никакие подробности, всюду успевал и мог сделать самые неожиданные выводы из кажущейся незначительной мелочи.

Сэр Атель не испытывал в отношении его никаких подозрений: мисс Мэри не назвала фамилию посетителя, так почему ему не называться Лаберже?

Последний поглядел на фотографию. Необходимо помнить, что раньше он видел только изуродованный труп Коксворда с заплывшими глазами и сломанной челюстью. Труп этот имел мало общего с изображенным на фотографии живым человеком со скотской и задиристой физиономией.

В невольном порыве чистосердечия, столь неподходящего для людей его профессии, Лаберже ответил:

— Я не знаю этого человека...

— В таком случае, сэр, — сказал сэр Атель, вставая, — мне не о чем с вами говорить, и я попрошу вас...

Его фразу прервал громкий звонок.

Сэр Атель с неожиданной силой схватил Лаберже за руку, заставил его подняться, подтолкнул к двери и пересек вместе с ним двор. Он уже открыл дверь и собрался было вытолкать Лаберже на улицу, когда одновременно раздались два возгласа:

— Мистер Бобби!

— Как! Писака из «Репортера»!

Мистер Бобби с первого взгляда узнал корреспондента газеты, вдоволь поиздевавшейся над ним. Детектив выставил кулаки и был готов угостить Лаберже хорошеньким свингом, но заметил сэра Ателя, взял себя в руки и, поклонившись, сказал:

— От мисс Редмор...

Удивленный вмешательством еще одного незнакомца, который произнес магическое «Сезам, откройся!», сэр Атель выпустил Лаберже. Последний смущенно прислонился к косяку.

Внезапное появление Бобби не слишком его обрадовало.

Бобби поглядел на него с подчеркнутым высокомерием и обратился к сэру Ателю:

— Вы получили фотографию?

— Значит, это вас я ждал...

— Да, сэр!... А этот тип... не знаю уж, как он оказался у вас на пороге... но знаю, что он мерзавец и предатель... и призываю вас выгнать его вон...

— Эй, полегче! Что это вы там говорите? У меня прямо уши горят, — воскликнул Лаберже.

— Сэр, — холодно сказал сэр Атель, — попрошу вас успокоиться. Я вас не знаю и знать не желаю. Вы обманом... с неизвестной мне целью... проникли в мой дом... и я прошу вас уйти.

— Пусть так! — заявил Лаберже, успевший криво, как уличный хулиган, нацепить на голову шляпу. — Вы показали мне фотографию человека, которого я не узнал... я вам

тоже кое-что покажу... и надеюсь, что вы это узнаете...

Он поспешно достал из бокового кармана обрывок бумаги — фирменного бланка с несколькими написанными от руки строками.

Сэр Атель глянул и воскликнул:

— Разумеется! Это фрагмент письма...

— Адресованного и отправленного вам и, как я понимаю, связанного с заказом химических препаратов...

— Совершенно верно. Но... — продолжал Атель дрожащим голосом, — каким образом это письмо очутилось у вас? Где вы его нашли?

— Я все объясню, сэр, когда вежливость возьмет в вас верх над горячностью, невольно заставляющей меня сомневаться в вашей рассудительности.

Сэр Атель на миг задумался.

— Вы правы, — сказал он. — Простите меня. Мистер Бобби, прошу вас пройти в мой кабинет. А вас, мистер Лаберже, я попрошу дать мне полчаса... может быть, час... Вы можете подождать в лаборатории...

Настоящий репортер не должен руководствоваться гордостью и формальностями. В конце концов, что нужно было Лаберже? Поговорить с сэром Ателем. Часом раньше, часом позже, какая разница?

— К вашим услугам, — сказал Лаберже, кланяясь почти вежливо.

Бобби, поразмыслив, решил не ввязываться в ссору и вошел вслед за сэром Ателем в кабинет.

Затем сэр Атель отвел репортера в небольшое строение посреди сада и указал на полки, занятые колбами, склянками и прочими стеклянными сосудами.

— В ваших интересах, призываю вас ни к чему не прикасаться: здесь есть опасные и даже взрывчатые вещества. Мне крайне не хотелось бы стать причиной еще одного инцидента.

Последние слова сэр Атель произнес сквозь зубы.

— Не беспокойтесь! — громко рассмеялся Лаберже. — Моя шкура мне дорога, и я не намерен ничего трогать... Говорите, час? Буду очень благодарен, если вы не станете ис-

пытывать мое терпение...

— Постараюсь по возможности сократить ваше ожидание, — сказал сэр Атель.

Они кивнули друг другу и англичанин удалился.

IV

ТРИУМФ МИСТЕРА БОББИ

Все это время мистер Бобби стискивал кулаки. Какой злой рок столкнул его с одним из тех, кого он ненавидел до смерти, с негодяем, оскорбившим его, издевавшимся над ним... столкнул в ту минуту, когда дело Коксворда, как подсказывала блестящая интуиция, вот-вот должно принять совершенно иной оборот...

— Довольно, Бобби! Обиды в сторону... У тебя есть долг, ты обязан восстановить честь имени, что носит твоя достойная жена... Будь мужчиной, вооружись всем своим незаурядным интеллектом... месть подождет, это блюдо лучше подавать холодным...

Возвратился сэр Атель. Бобби по-военному щелкнул каблуками и поклонился.

— Сэр, — сказал молодой англичанин, — вас направила ко мне женщина, которая для меня дороже жизни. В силу ужасных и трагических обстоятельств я был принужден расстаться с ней. В ее письмо была вложена фотография...

— Вы знаете этого человека? — не в силах больше терпеть, воскликнул Бобби.

— Знаю ли я его? Увы, я видел его всего лишь несколько секунд... жуткий, дьявольский миг... только чудом его черты запечатлелись в моей памяти...

— Вам известно, кто он?

— Нет!..

— И когда вы видели его?

— О! этот день я никогда не забуду... это было...

— Позвольте мне сказать... В ночь с 1 на 2 апреля...

— Да! но откуда вы знаете?

Бобби с важностью поклонился.

— Как бы вам сказать... Верная догадка... интуиция, сэр Атель, интуиция... Дату я назвал правильно?

— Совершенно правильно.

— И произошло это между часом и двумя часами ночи?

— В час тридцать пять. Да, в ту минуту роковая случайность разрушила всю мою жизнь... боль, отчаяние и раскаяние воцарились в моем сердце... навсегда, навсегда!

И молодой ученый закрыл лицо руками.

— Погодите! — Бобби властно поднял руку. — Если вы находитесь в таком состоянии из-за этого человека... то должен сказать вам, что Джон Коксворд — вы, кажется, не знаете его имени...

— Впервые слышу...

— Что Джон Коксворд был самым отъявленным мерзавцем, когда-либо волочившим ноги по тротуарам Лондона!

— Вы говорите... «был»? Значит, он и вправду...

— Мертв! Мертв, как пень! О чем особо сожалеть не приходится, так как смерть избавила его от виселицы, на которой он бы вскоре несомненно очутился.

— Какая разница! Он был человеком... я не имел права отнимать его жизнь... Но, скажите мне... вы уверены, что он умер?..

— Я сам видел его труп и опознал его.

— Ах! Труп найден... где же?

— Прошу вас, сэр, соберитесь с силами... в этом-то и заключается суть дела... здесь средоточие тайны, в которую я пытаюсь проникнуть... Труп Джона Коксворда был найден в пять часов утра 2 апреля на площади Согласия в Париже.

— В Париже! — выпрямился сэр Атель.

— Да, сэр — то есть на расстоянии 250 миль отсюда по прямой линии. Временной отрезок между часом тридцатью пятью и пятью утра составляет ровно три часа и двадцать пять минут... отнимем десять минут, так как Париж опережает нас по времени... остается три часа пятнадцать минут. Может ли человек, добровольно или нет, совершить подоб-

ное путешествие за такое короткое время?

— О да, это возможно! — воскликнул сэр Атель. — Мало того, это в три или четыре раза больше, чем нужно. Сэр, 250 миль можно покрыть за три четверти часа!

Вполне понятно, почему Бобби не прерывал собеседника. Недавний тусклый огонек превратился в ослепительное сияние. И все-таки что-то беспокоило детектива.

— Возможно и самое невероятное, — заметил он. — Но согласитесь, трудно поверить, что упомянутый Джон Коксворд, практически бродяга, без гроша в кармане, обладал таким быстрым средством передвижения. Несмотря на все доверие к вам, позвольте мне высказать некоторые сомнения...

Сэр Атель раздраженно отмахнулся.

— Говорю же вам, он должен был оказаться в Париже в два тридцать, самое позднее...

Затем он пробормотал:

— Да, я помню... Врилиолет был направлен на восток...

— Врилио... что? — вскричал Бобби.

— Ах! Вы не понимаете... не можете понять... вы не знаете... что жалкое существо, которое вы видите перед собой, владеет могучей силой, способной творить любые чудеса... Когда случилось несчастье, мне оставалось немного, совсем немного... ничтожные мелочи... и эта невероятная энергия, подвластная мне, была бы открыта пораженному миру!

— Какое несчастье? — во весь голос закричал Бобби.

При виде волнения молодого англичанина он уже спокойней продолжал:

— Сэр Атель, я состою в британской полиции Его Величества. В результате инцидента с этим негодяем Коксвордом меня в любую минуту могут отправить в отставку. Иными словами, я буду опозорен пред лицом всей Англии и, что будет для меня еще больнее — пред лицом миссис Бобби, моей достойнейшей жены... Я человек рассудительный, люблю точность, и мне нужны факты, только факты... Умоляю, скажите мне, где и когда вы видели Коксворда и каким чудесным образом он, будучи жив здесь, три часа спустя оказался мертвым в Париже?

Сэр Атель прижал ладонь ко лбу.

— Вы правы... Мой секрет душит меня... Я уже наполовину выдал его, и мне определенно полегчает, если я все вам расскажу.

Он начал лихорадочно расхаживать по комнате.

— Так вот, благодаря изучению редкоземельных элементов...*

— Хм? — вопросительно вставил Бобби.

— Ах, да... вы не знаете основ науки... Иридий, галлий, таллий, полоний — все это для вас варварские слова, не имеющие никакого смысла...

— Я слышал о ради, — скромно заметил Бобби.

— Ладно, оставим это... короче говоря, я открыл способ конденсации удивительной, колоссальной радиографической энергии в предельно малом и легком объеме.

Сэр Атель достал из кармана предмет, похожий на часы.

— Поглядите... стоит мне только нажать вот здесь, и эта энергия разорвет вас на части...

Бобби чуть отступил и вспомнил о миссис Бобби.

— Не бойтесь, — внезапно упокоившись, сказал сэр Атель. — Я продолжаю... Далее я соорудил летательный аппарат: он тяжелее воздуха, но не нуждается в воздухе как в средстве опоры и движется без посторонней помощи. Ему не страшны ни буря, ни ветер. Он летит, как выпущенный из пушки снаряд, благодаря собственной движущей силе — и более того, сила эта неисчерпаема!

— Чудесный аппарат, — сказал Бобби. Видя, как горят глаза сэра Ателя, он невольно подумал, что тот вполне может оказаться опасным сумасшедшим.

— Нет, всего лишь прекрасный, — поправил сэр Атель. — Эта конструкция, еще не завершенная, но доведенная почти до совершенства, находилась в том маленьком дворе, через который мы проходили. Она представляла собой простой корпус из дерева и металла, способный выдержать са-

* По современной классификации, к редкоземельным элементам относятся скандий, иттрий, лантан и лантаноиды.

мые сильные воздействия. Двигатель, то есть действующая часть, центр, мозг и одновременно солнечное сплетение аппарата, был готов к утру 1 апреля. Я также установил в своем Бриллиолете комфортное пилотское сиденье...

Я зарядил мотор и разложил по внутренним отделениям аппарата запасы провизии и генеративного материала. Их хватило бы мне на несколько недель, и все это заняло очень мало места...

Я решил вылететь на рассвете 2 апреля. Но куда? Мне хотелось взлететь прямо вверх, в небо, в пространство, в пьянящую беспредельность, с невыразимой радостью сознавая, что я и только я окончательно покорил воздух...

А после, по возвращении, с какой гордостью я предстал бы перед мисс Мэри Редмор... я прокричал бы ей: «Властелин Вселенной у ваших ног!»

Увы! Роковая судьба не дремала! Она готовилась нанести удар, который уничтожил все мои надежды и навсегда сломал мне жизнь!

Сэр Атель замолчал. Его лицо выражало отчаяние.

— Не стоит! Послушайте, — решительно возразил Бобби, — сын великой Англии не может сдаться!.. Я сам пережил в жизни немало взлетов и падений, но всегда гордо противостоял судьбе — и побеждал!

Сэр Атель, казалось, даже не расслышал эту героическую речь. Он продолжал:

— Весь день 1 апреля я провел за вычислениями и проверкой аппарата. Я отправил мисс Мэри Редмор письмо. В нем я сообщал о своем отъезде и скором возвращении; я также скромно и без всякого хвастовства описал непредставимую важность своего изобретения.

Торопливо перекусив двумя таблетками Бертло*, я сел в кресло здесь, у окна, и стал с любовью глядеть на аппарат, казавшийся в лунном свете таким изящным и полным сил...

* Виднейший французский химик Пьер Эжен Бертло (1827-1907) в конце XIX в. предсказывал, что через сто лет химики научатся заменять обычную еду синтетическими таблетками; как можно видеть, Лермина взял на вооружение эту пока еще фантастическую идею.

Я задремал, грезя о будущем...

И вдруг...

Меня пробудил необычный шум...

Я открыл глаза и увидел на стене, у ворот, человеческую фигуру.

Я вскочил и выбежал наружу. Увы! Я все же опоздал!

Незнакомец, чье лицо я ясно разглядел в свете луны, метнулся к аппарату, яростно жестикулируя... Забыл вам сказать, что мой Врилиолет немного напоминает по форме портшез...

Неизвестный резко открыл дверцу и скрылся в аппарате.

«Берегитесь! — крикнул я. — Не двигайтесь и ни к чему не прикасайтесь!»

Что случилось потом? Я могу только гадать. Несомненно, незнакомец занял сиденье, расположенное так, что с него можно было легко дотянуться до всех механических частей аппарата... Протянув руку, он случайно схватился за одну из рукояток, приводившую в действие ту колоссальную силу, о которой я вам рассказывал...

Я не успел ему помешать, а на мои крики он не обращал внимания... И вот я увидел, как верхний пропеллер начал с головокружительной быстротой вращаться... а затем Врилиолет легко, как бабочка, поднялся с земли и с быстротой пушечного снаряда исчез в небе, в ночи, в черной бескрайней бездне...

Меня словно кто-то по голове ударил, и я упал, как подкошенный.

Поймите, мистер Бобби! Мою мирную жизнь, посвященную науке и труду, внезапно перевернула двойная катастрофа!

Я убил человека, — незнакомца, спору нет, но собрата по человечеству!

— «Убил, убил!» — вмешался Бобби. — Да он сам себя убил!

— Но разве не я создал орудие его смерти? Я один умел управлять этой могучей машиной... зачем я только оставил ее во дворе...

— Вы забываете, что во двор можно было попасть, лишь перебравшись через стену, а на такое решится только пьяный или умалишенный! Нормальные люди не лезут на стены, черт побери — а если лезут, пусть пеняют на себя... Как я понимаю, вы узнали человека на фотографии...

— Я видел его очень недолго, но у меня нет никаких сомнений... О, несчастный!

— Лучше скажите — негодяй и преступник! Джона Коксворда ждала веревка, и вы, сами того не подозревая, оказали обществу большую услугу, избавив всех нас от этого мерзавца.

— Его лицо встает передо мной каждую ночь... Я помню, какой жуткий крик он издал, когда почувствовал, что аппарат отрывается от земли...

— Сентиментальность излишня! — безапелляционно заявил Бобби. — Поделом ему! Перестаньте винить себя в смерти злодея Коксворда... Но как вы объясните тот факт, что его мертвое тело было найдено висящим на ограде Обелиска в Париже — а не, скажем, на Трафальгар-сквер, у памятника Нельсону?

— К сожалению, объяснение самое простое... Бедняга, унесенный Врилиолетом, был растерян, ошарашен, не понимал, что с ним случилось... Я сам устанавливал систему управления и знал все ее тонкости, но этого нельзя сказать о постороннем...

Головокружительная скорость полета, шум пропеллера, гул мотора — ничем не сдерживаемый, он вращался, должно быть, с безумной скоростью... и все это в сочетании с ночной темнотой и страхом перед громадным окружающим пространством... Я полагаю, что несчастный впал в панику, попытался выбраться из адского устройства...

— И упал на площадь Согласия в Париже! Значит, Коксворд — это Коксворд! Моя честь восстановлена! О, сэр Атель, как благодарна будет вам миссис Бобби! И как я поквитаюсь с этими французскими борзописцами, осыпавшими меня оскорблениями! О, они будут раздавлены, обещаю вам...

Лаберже терпеливо прождал больше часа — признания сэра Ателя заняли немало времени. Затем он решил во что бы то ни стало найти человека, с которым собирался поговорить.

Он выбрался из лаборатории, без труда обнаружил двор, заметил дверь, за которой скрылись сэр Атель и мистер Бобби и, долго не раздумывая, прервал затянувшуюся беседу. Короче говоря, он повернул ручку и распахнул дверь в тот самый момент, когда мистер Бобби, в жестоком предвкушении близкой мести, произносил свой монолог, сопровождая его яростными жестами.

Завидев Лаберже, одного из бывших преследователей, мистер Бобби подбежал к репортеру, схватил его за галстук и заорал:

— Ха-ха! Коксворд — не Коксворд? Ха! В час ночи он был в Лондоне и не мог оказаться в пять утра на площади Согласия в Париже? Так вы писали? А вот и мог, месье журналист — и я это докажу!

Лаберже был гораздо сильнее Бобби. Он взял детектива за руки, отстранил и заставил сесть. Затем, обращаясь к сэру Ателю, он сказал:

— Искренне прошу меня извинить, месье, но мне не хотелось бы ждать слишком долго. Сейчас, когда вы выслушали этого идиота, не изволите ли выслушать и меня?

Сэр Атель едва заметил нового собеседника. Он весь ушел в раздумья. Детектив пролил свет на личность его жертвы. Коксворд был негодяем, бандитом! То, что ученый считал преступлением, на глазах превращалось в несчастный случай...

— Тысяча извинений, сэр, — сказал он Лаберже. — Виноват, я позабыл о вас, так как мистер Бобби сообщил мне важные и чрезвычайно интересные новости...

Бобби не преминул воскликнуть:

— Новости о Коксворде... Помните, как все вы, жалкая кучка французских глупцов, накинудись на меня, когда я утверждал, что труп у Обелиска — это Коксворд! Как вы смеялись, как оскорбляли полицию моей страны и пытались запятнать честь Англии в лице ее скромного и преданного слуги! Придется вам покаяться, месье, и признать, что это

вы, ничтожные шелкоперы, очернили своей глупой ложью честного человека и тем самым совершили отвратительное деяние. Знайте, наказание за него падет на вас и в этом мире, и в мире ином!..

Лаберже глядел на Бобби, ничего не понимая. Почему этот человек снова вспомнил о Коксворде? Лаберже твердо знал, что одновременно присутствовать в двух местах невозможно. В конце концов, он сам, еще работая в «Репортере», провел расследование и заручился показаниями свидетелей, заверенными лондонским адвокатом. Но теперь он состоял в штате «Нувеллиста» и был бы очень рад, окажись Бобби в здравом уме, а Коксворд из Лондона и парижский мертвец — действительно одним и тем же человеком. Новый патрон Лаберже, редактор «Нувеллиста», люто ненавидел конкурентов из «Репортера» и дорого заплатил бы, чтобы вставить им палки в колеса...

И Лаберже обратился к сэру Ателю, продолжавшему сидеть с равнодушным видом:

— Похоже, ваш разговор с этим джентльменом коснулся нелепого дела Коксворда, которое ненадолго взбудоражило Париж. Коксворд никак не мог оказаться в Париже 2 апреля в три часа утра...

— Ах, — вздрогнул сэр Атель, — вероятно, он оказался там намного раньше...

— Так вечером 1 апреля его не было в Лондоне?

— Нет, он был здесь... Увы, я хорошо это знаю.

— Но это невозможно!

— Вам это кажется невозможным, — холодно возразил сэр Атель, — но это правда. Несчастный Коксворд покинул мой дом, точнее сказать, двор в час тридцать пять утра...

— И покрыл такое расстояние за несколько часов?

— Гораздо быстрее, сэр.

— Не понимаю!

— Чему тут удивляться! — воскликнул Бобби. — Разве французские невежды способны что-либо понять? Разве им знакомы редкоземельные элементы, тадий, фороний?

Бравый детектив несколько запутался в научной номенклатуре, но смело продолжал:

— А Врилиолет, месье журналист? Электрическая сила, что перевернет мир! От Лондона до Пекина за полчаса! Да что вы обо всем этом знаете?..

Лаберже, как и все французские журналисты, был наделен живым воображением и способностью быстро усваивать новые факты.

— Значит, речь идет об электрической машине? — спросил он сэра Ателя.

— Термин не совсем точен... скорее радиоактивной... но мне пришлось употребить выражение «электрическая», чтобы было понятней...

— И эта машина — летательный аппарат? — продолжал Лаберже.

— Да...

— И на этом устройстве Коксворд совершил путешествие из Лондона в Париж?.. в ночь с 1 на 2 апреля?

— К сожалению... могу подтвердить... И теперь я принужден оплакивать смерть человека и гибель машины, разработка и постройка которой стоили мне двух лет труда... Не знаю, хватит ли у меня духа восстановить аппарат...

— Аппарат... машина... — пробормотал Лаберже, охваченный, казалось, сильным волнением. — Как выглядит ваша машина?

— Она напоминает караульную будку... или портшез...

— Но именно из-за подобной машины я и отправился с журналистской миссией в Лондон!.. Помните, я показывал адресованное вам письмо из химической компании?

— Конечно! Конечно! — вскричал сэр Атель. — Произошло столько всего, что я и забыл... Да, это письмо было отправлено мне... Где вы его нашли?

— На пустыре в квартале Карьер д'Америк, в Париже...

Но здесь нам придется объяснить, с чем был связан этот новый поворот событий.

ТАЙНА XIX АРОНДИСМАНА

Инцидент с Коксвордом — как ни забавлял он парижских бездельников, в особенности из-за эпической схватки двух крупнейших газет, «Нувеллиста» и «Репортера» — вскоре канул в пропасть забвения.

Внимание любопытных отвлек свежий политический скандал: в парламенте обменялись пощечинами два высокопоставленных и претендовавших на министерские посты депутата. Бульварные хроникеры, во всем искавшие человеческие слабости, быстро установили, что причиной ссоры был не государственный бюджет Франции, а одна маленькая, пухленькая и приятная во всех отношениях особа, которая с большим успехом исполняла роль стрекозы в ревью, шедшем в театре «Варьете».

За этим последовал сенсационный арест сотрудника одного министерства. Он так тянулся к радостям большого света, что тайком растратил наследство пятидесяти семейств; а впрочем, дело было довольно банальным.

После резни на бульваре Менильмонтан и женитьбы американского миллиардера на бесприданнице с громкой аристократической фамилией в мире парижской журналистики вновь воцарилось затишье, и он погрузился в неизбывную тоску.

Напрасно заголовки оповещали о банкротствах и ужасных пожарах: публика, как говорится, не «покупалась», и горы нераспроданных экземпляров только росли.

Истинный талант репортера заключается в том, чтобы найти саму по себе маловажную тему, поднять вокруг нее шумиху, раздуть микроскопические подробности и таким образом придать ей привлекательный для читателей ореол необычности.

Лаберже был мастером подобных операций. Он недавно перешел в «Нувеллист» из «Репортера», получив солидную прибавку к жалованью, и теперь отчаянно цеплялся за

любую мелочь, мечтая ударить в колокола сенсации.

Однажды он узнал следующее:

В одном из живописных районов Парижа, на восточной окраине парка Бют-Шомон, по соседству с площадью Данюб и больницей Герольда* и рядом с укреплениями, тянутся еще не застроенные земли.

В этом месте когда-то находились старинные каменоломни, позднее названные «Американскими карьерами» и давно заброшенные**.

На заполнение и укрепление подземных пустот были истрачены значительные средства, но под верхним пластом почвы, судя по всему, залегают подвижные слои. Несмотря на все меры предосторожности, в земле порой открываются глубокие трещины, что грозит несчастными случаями.

Сравнительно недавно бедная работница, проходившая по пустоши, была застигнута подобным внезапным обвалом и наверняка погибла бы, не подоспей вовремя помощь.

Спаси ее удалось только ценой немалых усилий; как ни странно, она совершенно не пострадала.

После ряда таких несчастных случаев было решено обнести участок деревянной оградой и формально запретить к нему доступ до проведения работ по укреплению почвы.

С течением времени бродяги, апаши и бездомные проделали лазы в ограде и нередко скрывались в карьерах от полиции: место было достаточно уединенным и пользовалось в округе дурной славой.

Как-то утром несколько мальчишек, прогуливавших школу, пробрались через ограду и рассыпались по этому царству песка, булыжников и гипса с невинной целью поиграть в мяч.

Вдруг послышались ужасные крики, и дети выбежали на улицу: одни были бледны, как смерть, и казались полу-

* Детская общественная больница, построенная в конце XIX в. и просуществовавшая почти 100 лет в 19-м арондисмане Парижа.

** Городская легенда объясняет название Carrières d'Amérique тем, что отсюда якобы брали камень для строительства Белого дома в Вашингтоне, что не соответствует истине.

мертвыми, с трясущимися конечностями... другие не пытались им помочь, а сами с нечленораздельными воплями разбежались во все стороны.

Хотя людей вокруг было мало, вскоре собрались прохожие и окружили детей. Пострадавших, которые бились в самых настоящих судорогах, подняли с земли, а наиболее проворных детей допросили.

Мальчишки бессвязно отвечали, что на пустоши на них набросилось какое-то чудовище. Зверь исцарапал их когтями, искусал, едва не проглотил...

Конечно, в этих рассказах было много преувеличений, ведь руки и ноги у всех героев остались целы... Но что-то все же произошло. Прохожие, люди без сомнения храбрые, не осмелились проникнуть за ограду и остались снаружи. А изнутри, из-за досок, доносился глухой гул, не предвещавший ничего хорошего.

К счастью, поблизости оказались двое полицейских. Они подошли ближе с величественной медлительностью, характерной для их профессии — и увидели трех детей в возрасте от восьми до двенадцати лет, лежавших теперь на земле без движения. В ответ на вопросы полицейских вновь последовали бессвязные объяснения. В них часто повторялись слова «чудовище» и «дикий зверь».

Полицейские засвистели в свистки, призывая коллег; когда стражей порядка стало четверо, они разделились на пары. Первые двое понесли детей (те были живы, но лишились чувств) в комиссариат. Вторая пара, с саблями в руках, осталась охранять лаз в ограде.

— Не заглянуть ли нам внутрь? — спросил один из полицейских.

— Идет! — ответил его товарищ.

Доблестные полицейские с трудом протиснули свои широкие плечи в довольно узкий лаз.

Пустошь была длиной метров в четыреста и шириной в добрую сотню. Неровная почва, усеянная грудками камней, местами горбилась песчаными холмиками, поросшими редкой травой. Ближе к улице виднелась воронка глубиной около метра. Там, полускрытое разбросанными камнями и галь-

кой и комьями земли, виднелось что-то похожее на газетный киоск или тумбу для афиш.

Полицейские недоверчиво осмотрели предмет. Им приходилось видеть унесенные грабителями и выброшенные на пустоши небольшие сейфы. Но представить, что воры переправили за ограду киоск или «веспасьен»... * Это казалось не просто странным, а прямо-таки невероятным.

Опасаясь встречи с диким животным — ведь какое-нибудь животное действительно могло сбежать из зверинца или цирка — наши герои обнажили оружие. Затем один из них, склонившись над воронкой, протянул руку и прикоснулся к странному предмету кончиком сабли.

Он мгновенно испустил крик боли, подскочил на метр вверх и упал на руки своего компаньона.

— Эй! Эй!.. Что с тобой, старина?

Но «старина» не отвечал, а его руки и ноги судорожно подергивались...

И хуже всего, что и второй полицейский вдруг ощутил непонятную слабость. Все его тело словно покалывало, перед глазами вращались огненные вспышки...

Полицейский невольно выпустил своего товарища, и тот упал на землю.

Затем сержант внезапно почувствовал облегчение — но непобедимая слабость сковала его, и он опустился на одно колено, мотая головой, точно оглушенный ударом палки по черепу...

Придя в себя, он увидел у лаза районного комиссара в сопровождении секретаря и полудюжины полицейских.

Толпа разрослась и теперь, ободренная появлением властей, ринулась на пустошь вслед за ними.

Процессию возглавляла горстка уличных мальчишек.

Полицейские увидели, что их товарищи попали в беду, и бросились на помощь. Стоило им прикоснуться к пострадавшим, как их затрясло; правда, на этом неприятности и закончились.

* Уличный писсуар (фр.).

— В чем дело? — спросил комиссар. — Чему мы обязаны вашим состоянием?

Второй полицейский обрел дар речи.

— Адская машина! Там, в воронке!..

Комиссар поглядел в ту сторону, куда указывал полицейский, и увидел крышу киоска — для ясности мы будем пользоваться этим словом. Она была увенчана металлическим стержнем, несомненно, предназначенным для флага или вымпела.

— Что это еще такое?

— Если бы мы знали! — ответил полицейский. — Мой товарищ притронулся кончиком сабли... и повалился на землю... совсем как моя жена, когда ей съездишь...

— Но мне сказали, что здесь бродит опасное животное... хищный зверь...

— Нет, тут только эта штука... думаю, это какая-то машина анархистов...

Комиссар пожал плечами. Он был озадачен. На всякий случай комиссар решил держаться подальше от непонятного предмета и запретил своим людям к нему прикасаться. Кто знает: мысль об анархистах могла оказаться не такой уж безумной...

Из киоска явственно доносилось рыканье, прерывистое ворчание, какое мог бы издавать разъяренный хищник или взведенная громадная пружина механизма. Оно то смолкало, то начинало звучать вновь... что, конечно, мало успокаивало...

Полицейского — того, что с саблей — привели в чувство большой порцией вишневки, но он, как ни старался, не смог передать свои ощущения. Можно было только догадаться, что они были не самыми приятными.

Что оставалось делать? К счастью, у администрации на все случаи жизни имеются руководящие принципы. В данном случае принцип был прост: нужно передать дело вышестоящим лицам.

Комиссар так и поступил, тем более что такое решение освобождало его от всякой ответственности. Прежде всего необходимо было собрать сведения для доклада и по возмож-

ности точнее описать таинственный предмет, наполовину или на три четверти заваленный камнями и песком.

Приблизившись со всей осмотрительностью, какой требовал гражданский долг, комиссар стал диктовать свои наблюдения секретарю.

Крыша «киоска» была округлой и отдаленно напоминала германский военный шлем. Ее поддерживали четыре небольшие металлические опоры, соединенные поперечными креплениями из серебра или, скорее, никеля.

Сам предмет был прямоугольной формы.

Клетка — это слово определено подходило к нему больше, чем «киоск» — возвышалась над землей сантиметров на семьдесят; нижняя часть ушла в землю.

Изнутри, как уже сказано, время от времени доносился непонятный гул. Он напоминал рокот мотора, приводившего в движение колесо или турбину.

В рапорте были тщательно перечислены странные явления, вызываемые прикосновением к предмету. Комиссар, признавая свою неосведомленность, тем не менее описал их как «электрические или близкие к тому».

Во время осмотра произошел небольшой инцидент. Один из мальчишек, разгуливая по пустоши, нашел глубоко вонзившийся в стену обломок металла — плоский, удлиненный, с округлыми концами, похожий на лопасть или крыло. Мальчишка попытался было вытащить его из стены, но комиссар решительно воспротивился, заявив, что продолжением столь блестяще начатого им расследования займутся вышестоящие инстанции.

Не стоит и говорить, что комиссар допросил окрестных жителей. Все они с редким единодушием показали, что ничего не ведают о странной машине и не знают, как она очутилась на пустоши.

Через полчаса дети и полицейский, оглушенные непонятными разрядами, пришли в себя.

Вызванный на место плотник заделал лаз, рядом поставили на страже полицейского и все с облегчением вернулись к своим делам. Рапорт комиссара был отправлен в префектуру, где наверняка — в связи с безобидным характером

происшествия — был бы похоронен в коробке № 7, если не в папке № 23.

Но мы забыли о нашем приятеле Лаберже... Как говорилось выше, он отчаянно искал сенсацию и готов был, как достопамятный шекспировский Ричард III, променять своего коня и даже самого себя на трехголового теленка или жуткий катаклизм где-нибудь в Ножан-сюр-Марн*.

«Служба информаторов», как выражался Лаберже, была у него поставлена прекрасно, и он одним из первых узнал о странном происшествии на улице Карьер д'Америк. Его кровь прирожденного репортера закипела.

Возможно, это был какой-то пустяк, но инстинкты Лаберже подсказывали, что за ним что-то кроется...

Он, конечно же, и не подозревал, не мог подозревать, что то было начало самого ужасного, самого поразительного, самого непостижимого испытания, когда-либо выпадавшего на долю Парижа.

Быть может, умей Лаберже заглядывать в будущее, он сам отступил бы пред лицом чудовищных событий, которые невольно вызвал к жизни...

Но сейчас Лаберже вдохновлял профессиональный долг. «Нувеллист» прекрасно платил, и Лаберже должен был отрабатывать свое жалованье.

На следующее утро газета вышла с заголовками:

ЗЛОВЕЩЕЕ ЯВЛЕНИЕ В СЕРДЦЕ ПАРИЖА

ТРОЕ ДЕТЕЙ ОГЛУШЕНЫ ЭЛЕКТРИЧЕСКИМ ТОКОМ

ПОЛИЦЕЙСКИЙ СРАЖЕН РАЗРЯДОМ

Лаберже с чувством описал в статье обстоятельства находки inferнальной машины и первые причиненные ею несчастья, закончив ядовитой критикой:

* Городок в регионе Иль-де-Франс, ныне фактически окраина Парижа.

«Прошло уже двенадцать часов, и мы с сожалением вынуждены констатировать, что власти не предприняли никаких шагов, чтобы предотвратить непосредственную угрозу для населения. Впору спросить, не пришло ли время Городской лаборатории доказать свою полезность, в которой мы так часто сомневаемся?»

«Репортер», раздраженный дезертирством ведущего журналиста, не замедлил вступить в бой:

«Некоторые газеты, испытывая недостаток сенсационных новостей, готовы поднять шум вокруг любой мелочи. Как нам сообщают, речь идет просто о физическом приборе, электрическом устройстве или лейденской банке, брошенной грабителями на пустыре... Несколько электрических искр причинили больше волнения, чем вреда...»

Ага! Прежние патроны в деле! Что ж, Лаберже повеселится...

Он успел первым — и он им покажет. В следующем выпуске «Нувеллист» атаковал по всему фронту:

«Хриплый лай безголосой прессы не сумеет помешать нам исполнить свой долг.

Мы уже сообщали о появлении неведомой и таинственной опасности в виде машины, чье воздействие до сих пор не поддается никакому объяснению. Увы, в этом случае мы не боимся обвинений в преувеличениях.

Вчера мы сообщали о находке на пустоши, расположенной на окраине XIX арондисмана, странного электрического или, возможно, рентгенографического устройства. Это устройство едва не лишило жизни невинных детей и храброго стража общественного порядка.

Сегодня утром, побывав в больнице Герольда, мы узнали, что состояние жертв удовлетворительное, но все еще вызывает некоторую тревогу. Пациенты, которых мы смогли опросить, поведали нам подробности происшествия. Все сошлись на том, что прикосновение к указанной

машине повергло их в шок. Один из пострадавших мальчиков сравнил испытанные им ощущения с «ударом кнута сразу по всем костям», а полицейский — с «резким пинком в затылок».

Перед глазами жертв замелькали искры, а их конечности словно парализовало.

Совершенно ясно, что эти явления имеют электрическую природу и что мы имеем дело с неизвестным аппаратом, испускающим разряды наподобие самых мощных батарей.

Однако, мы слишком поспешно стали обвинять власти в бездействии.

Рано утром месье Лепин, не жалеющий времени и усилий во имя общественного блага, в сопровождении главы Городской лаборатории месье Лустало и ассистентов последнего, уже был на пустоши близ улицы Карьер д'Америк.

Большая толпа успела запрудить соседние улицы и для сдерживания ее понадобились значительные силы полиции.

Ходили слухи, что устройство, имеющее примерный объем в два кубических метра (часть его погружена в землю, что препятствует более точным измерениям), начинено взрывчаткой и грозит взорваться.

Жители соседних домов покинули квартиры и вывезли свои скудные пожитки — район этот является одним из самых бедных в Париже.

Когда полицейские расчистили в толпе проход для нашего отважного префекта, все с уважением сняли шляпы.

Месье Лепин был в костюме и котелке. Держался он, как обычно, очень спокойно, и на его губах играла немного скептическая улыбка. Вздуродораженные толпы для него не новость.

Его спокойное мужество подбодрило любопытных, которых с трудом удалось удержать от штурма ограды. Несколько энергичных слов, какими наш префект владеет в совершенстве, предотвратили настоящее вторжение.

Месье Лепин, месье Лустало и ассистенты из Городской лаборатории остались на пустоши одни в окруже-

нии дюжины полицейских.

Они немедленно приблизились к машине. Один из полицейских, который накануне в числе первых осматривал таинственный аппарат, заявил, что положение машины изменилось: она перекосилась и погрузилась на несколько сантиметров глубже.

В первую очередь следовало проверить, не прекратились ли замеченные днем ранее электрические явления. Месье Лустало установил изоляторы: при необходимости они должны были сыграть роль громоотводов и, если машина действительно была заряжена электричеством, отвести его в землю.

Эти приготовления продолжались довольно долго. Нетерпение публики возрастало с каждой минутой.

Несмотря на уговоры полицейских, многие забрались на ограду. Над ней виднелись сотни голов.

Месье Лепин посоветовался с месье Лустало; последний заметил, что реальной опасности нет и что в любом случае с ней легко будет справиться.

— Начинайте, — распорядился префект, с обычной смелостью стоя в первом ряду.

Месье Лустало подозвал одного из ассистентов. Тот, надев резиновую перчатку и вооружившись металлическим прутом, проверил изоляторы, убедился, что они действуют, и ввел прут в соприкосновение с крышей машины...

В этот момент раздался ужасный взрыв (звук походил на выстрел из малокалиберной пушки). В то же время на несколько метров вверх с пугающим шумом взметнулось пламя.

Несмотря на защиту изоляторов, несчастный электрик был подброшен на два метра в воздух и рухнул на месье Лепина. Префект, крепко стоя на ногах, спокойный и неустрашимый, поймал электрика в объятия и тем смягчил его падение.

Толпа встретила необъяснимое явление испуганными криками. Секунду спустя ограда очистилась от любопытных и они разбежались с воплями ужаса.

К счастью, электрик, по фамилии Даржан (Эмиль), не слишком пострадал и отделался скорее испугом. После падения он ненадолго потерял сознание, но укрепляющие капли и несколько глотков кислорода быстро избавили его от всех последствий разряда.

Так или иначе, продолжение экспериментов в подобных условиях было чревато очевидной опасностью. Кроме того, месье Лустало, несмотря на свои неоспоримые познания, выглядел растерянным и упавшим голосом бормотал:

— Не понимаю... не понимаю... Что делать?

Однако префект, продолжавший улыбаться и довольный тем, что инцидент не привел к более трагическим последствиям, с привычной инициативой взял дело в свои руки и принял надлежащие меры.

— Что делать? — сказал он месье Лустало. — Очень просто: ничего! Вполне ясно, что дальнейшие попытки что-то выяснить опасны. В сверхъестественное мы с вами не верим, не так ли? В Париже достаточно ученых, и они вскоре разберутся с этой маленькой проблемой. Нужно только защитить население от его собственной опрометчивости. Об этом мы позаботимся.

И действительно, через час прибыли солдаты и заняли посты на всех дорогах и улицах, ведущих к указанной пустоши.

Месье Лепин отправился в министерство внутренних дел и сообщил министру о результатах предварительного расследования.

Была без промедления назначена комиссия под председательством месье Пуанкаре; в нее вошли видные члены Академии наук и Консерватории искусств и ремесел**.*

Будет уместно напомнить острякам из прессы, что подобная электрическая машина весьма далека от лейденской банки (!!!), оставленной на пустыре грабителями.

* Анри Пуанкаре (1854-1912) — выдающийся французский математик, механик, физик и астроном.

** Знаменитое высшее учебное инженерно-техническое заведение в Париже, основанное в 1794 г.

Наша газета была первой и единственной, указавшей на всю необычность приведенных фактов. Возможно, наши скептические коллеги наконец поймут, что признать их — гораздо достойней, чем печатать издевательские и безвкусные заметки...»

Можно только представить, какой эффект вызвала в Париже эта сенсационная статья! Большой город склонен к коллективной панике. Везде, от каморок консьержек до великосветских гостиных, царил тревога... Люди боялись. Одна ультра-пессимистическая газета обвинила анархистов и нигилистов в подготовке чудовищного нападения на Париж, давно приговоренный ими к уничтожению.

Поговаривали, что гостиницы опустели. Деловые круги были обеспокоены. Появилось официальное заявление, призванное поднять дух горожан, но результат оказался, как всегда, совершенно противоположным.

В то же время — такова уж противоречивая человеческая природа — весь Париж ринулся в Бют-Шомон, на улицу Манен и бульвар Серюрье**, где винные заведения буквально процветали. Укрепления соперничали в популярности с бульварами и Булонским лесом...

Комиссия посетила пустошь, но не установила ничего нового — помимо того несколько тревожного обстоятельства, что аппарат еще глубже ушел в почву. Земля вокруг машины продолжала оседать.

Естественно, репортер Лаберже, умевший пробираться повсюду и всегда искавший пути попасть в самые запретные места, незаметно присоединился к комиссии. Пока жрецы науки с важным видом стояли у аппарата, он отошел в сторону и стал осматривать различные трещины и ямы в поисках новых улики.

Так он обнаружил вторую, а затем и третью лопасть пропеллера. Все его сомнения рассеялись: аппарат явно был средством передвижения, вероятно, новым автомобилем.

** Т. е. в XIX-й арондисман.

Изобретатель, видимо, испытывал его в неподходящих условиях. Оставалось это подтвердить.

В песчаной яме обнаружился обломок дерева со сломанным замком на нем — очевидно, остатки какого-то ящика. Рядом зоркий Лаберже заметил обрывок бумаги, прижатый к земле скатившимся сверху камнем. Это и был фрагмент письма на бланке лондонской «Лорелл и Ко.»; на нем значился адрес получателя: «Сэр Атель Рэндом, Корсика-стрит, Хайбюри, Лондон N. W.».

Вот каким образом репортер «Нувеллиста» оказался в доме на Корсика-стрит в компании сэра Ателя Рэндома и отставного детектива Бобби...

Объяснения не заняли много времени. Сэр Атель Рэндом не стал отпираться.

Да, таинственный аппарат, найденный в Париже — это его чудесный Врилиолет, а крушение машины в XIX арондисмане было прямым следствием бесцеремонного вторжения мистера Коксворда...

Относительно опасности, угрожавшей парижанам, сэр Атель высказался уклончиво, но его лихорадочное возбуждение свидетельствовало о внутренней тревоге.

— Да, да, — бормотал он, расхаживая по комнате, — там больше 50 граммов... движущая сила огромна... и если поршень А соприкоснется с резервуаром D... о, это будет ужасно!

— Послушайте, — вмешался Лаберже, — давайте говорить по существу. Вы признаете, что по вашей ошибке или, точнее, благодаря вашему изобретательскому гению целому району Парижа сейчас грозит опасность. Ваша обязанность — исправить причиненное вами зло!... Нельзя допустить новую катастрофу...

— Вы правы! — воскликнул сэр Атель. — Нет смысла раздумывать, как поведет себя врилией...

— Что вы сказали?

— Ах! простите, вы же не знаете! «Врилией» — так называл я открытое мною вещество, обладающее невероятной мощностью. Мы должны немедленно отправиться в Париж...

— На это я и надеялся. Но как мы попадем туда? У вас есть какой-нибудь новый аппарат, пусть хоть работающий на адском огне?

— Увы! Единственная модель аппарата сейчас в Париже...

— Ладно! Тогда нам, как простым смертным, остается обычный транспорт. Который сейчас час?.. Четверть второго... есть поезд через Булонь в два двадцать, прибывает в Париж в девять вечера... годится! В путь!.. Вы готовы?

— Да! Пять минут!.. Мне нужно захватить кое-какие субстанции... они необходимы для того, что мне предстоит сделать...

Он быстро открыл вделанный в стену сейф с толстыми, как борта броненосца, стенками. Из сейфа сэр Атель достал два небольших металлических сосуда и положил их в карман.

— Ах, да! Вы, вероятно, не успели поесть?

— По правде сказать, нет, — ответил Лаберже. — В нашем деле иногда приходится голодать.

Сэр Атель протянул ему золотую коробочку в форме табакерки:

— Проглотите один из этих шариков.

— Что это?..

— Таблетки Бергло. Одной такой таблетки вам хватит на сутки.

— Синтетическая пища? Хм! Значит, по приезде обойдусь без ужина...

— Я бы тоже хотел таблетку, — робко сказал Бобби. После рассказа Лаберже он чувствовал себя забытым.

— А! наш смелый детектив! — сказал репортер. — Вы-то поужинаете дома.

— Но я... я собираюсь поехать с вами!

— Вы! — воскликнул Лаберже. — Зачем?

— Что значит зачем? — выпрямился Бобби. — Кто больше всех заинтересован в исходе дела? Вы забываете, месье Лаберже, что это вы, да, именно вы навлекли на британскую полицию и ее скромного представителя всеобщее презрение... Я вас смертельно ненавижу и не скрываю этого... но

готов протянуть вам руку... если вы во всеуслышание признаете, что Коксворд — это Коксворд...

— С радостью, друг мой! — сказал в свою очередь Лаберже, протягивая ему руку. — Это только естественно... и я обязан извиниться перед вами...

— Ах! что ж, я доволен... Все это не столько для меня, сколько для миссис Бобби... Наконец-то она сможет ходить по улицам с гордо поднятой головой...

— Поднятой как угодно высоко! Значит, вы хотите вернуться в Париж, мой храбрый Бобби? Да будет так!.. Сэр Атель, дайте нашему доброму детективу таблетку и не будем терять время... Черинг-Кросс далеко, нам нужно еще пересечь весь Лондон...

— Для этого есть метрополитен, — сказал Бобби. — Мы еще успеем протелеграфировать с вокзала... Я должен сообщить миссис Бобби о своем отъезде.

— Да, верно.

— А я, — сказал сэр Атель, — должен известить мисс Редмор.

— Мне и самому нужно на телеграф, — заметил Лаберже. — Заголовок «Нувеллиста» войдет в историю, а «Репортер» захлебнется от злости!

И все трое, захлопнув за собой дверь дома на Корсика-стрит, помчались на станцию Айлингтон.

VI

РЕВАНШ «НУВЕЛЛИСТА»

Сказать по правде, Париж — если воспользоваться известным выражением — был не в восторге, так как на пус-тоши заметили новые явления.

Ночью аппарат стал испускать странные вспышки света. Одновременно он погружался все глубже, а неистощимый источник электричества, казалось, по-прежнему излучал свои флюиды.

Газеты неистовствовали. Враждебные прогрессу издания праздновали банкротство науки.

Чем же занималась постоянно заседавшая комиссия, в состав которой вошли все академические знаменитости? Ее дебаты, увы, скатились в бесполезную и невразумительную болтовню.

Единственное рассудительное и поддержанное в конце концов всеми мнение высказал прославленный месье Верлоре, прозванный «королем авиации» после изобретения им колесного парашюта.

По его мнению, аппарат являлся своего рода геликоптером и был основан на принципе, представленном в 1784 году в Академии наук Лонуа и Бьенвеню; в 1870 году к нему вернулся Пено*, снабдивший свою модель закрученной резиновой полосой. Месье Верлоре также напомнил о чудесных экспериментах месье Маре** с механическими насекомыми.

— Все указывает, — сказал он, — что перед нами такого рода аппарат. Эту гипотезу подтверждают найденные на пустоши лопасти пропеллера.

Обосновав первый пункт, месье Верлоре перешел к мотору; его мощность он описал как колоссальную и сказал, что мотор, очевидно, работает на электричестве.

— Бесспорно, — заметил месье Алавуэн, блестящий инженер-автомобилист. — Это уже установленный факт, и не нужно быть большим ученым, чтобы сформулировать гипотезу, с которой никто не станет спорить. Электрический мотор — очень хорошо. Но почему этот мотор все еще работает? Как и чем объяснить его постоянное действие, что называется даже на почве — ведь устройство вот-вот исчезнет в земле, словно невидимый механизм врывается в нее, как бур?

* Здесь корректно описаны различные фазы в истории изобретения геликоптера, включая первую действующую модель К. де Лонуа и Ж. Бьенвеню и «резиновую» модель А. Пено.

** Французский ученый Э.-Ж. Маре (1830-1904), пионер фотографии, кинематографии, авиации и пр.

Кто из нас знаком с такой мощной батареей постоянного действия?

Объяснение месье Верлоре лишь множит вопросы. Электричество — согласен. Но где источник этого электричества? Как нам отключить этот источник? Мы собрались здесь, чтобы найти решение проблемы, но мне не кажется, что мы хоть на шаг приблизились к решению.

После этого пессимистического заключения дискуссия быстро превратилась в обмен ядовитыми и язвительными замечаниями, доводы уступили место личной неприязни, и два знаменитых мужа науки, сверкая лысынями, были даже готовы выдрать друг у друга последние волосы...

Солидная *Le Temps*, в пятичасовом выпуске, не удержалась от юмористического отчета об этом плодотворном заседании, причем завершила свою вдохновенную статью вошедшей в поговорку фразой: «Вот причина немоты вашей дочери»*.

Париж хотел бы вздохнуть свободней, но странная тревога не отпускала город. Все ощущали тягостное беспокойство, шутки замирали на губах.

Верно, на террасах кафе было не протолкнуться, но та добродушная беззаботность, что делает атмосферу нашей страны столь легкой и привлекательной, куда-то исчезла. Разговоры вдруг смолкали, будто до собеседников внезапно долетал невесть откуда какой-то пугающий слух. Обстановка напоминала дни осады Парижа. Таинственный, необъяснимый характер происходящего пробуждал в душах некий испуганный мистицизм — ведь сверхъестественное у каждого из нас невольно вызывает опасения.

В шесть вечера появился выпуск «Репортера». В номере многословно описывались дневные происшествия, сопровождавшие медленную, но бесперебойную работу аппарата, и состояние почвы, в которую он неустанно вгрызался.

Разумеется, досталось и пресловутой комиссии. Газета называла ученых «голыми королями». Эта злобная критика ничуть не успокоила публику. Парижане с куда большей

* Мольер, «Лекарь поневоле» (пер. Н. Ман).

смелостью ждали комету Галлея, которая в конце концов пролетела мимо, наградив их зрелищем величественного северного сияния.

Но сейчас опасность казалась более непосредственной, более ощутимой, так сказать.

Каждый предлагал свой и, как правило, неосуществимый план борьбы с нею: например, расстрелять аппарат из пушки или похоронить его под тоннами камней. Но кто мог поручиться, что попадание снаряда либо груз камней или песка не вызовет ужасный взрыв?

Короче говоря, «Репортер» не возымел успеха. И хотя к концу статьи он начал подшучивать и зубоскалить, в публикации возникло недовольство, которое вылилось в акты насилия против невинной газеты, включая аутодафе на перекрестке Монмартр.

«Нувеллист» запаздывал, и кучки людей ждали у ярко-зеленого здания редакции, построенного газетой на углу rue Друо. Раздавались крики и даже брань.

Кто знает, какие капризы движут толпой? Отдельные безумцы уже набрасывались на стеклянные витрины, где обычно вывешивались свежие номера, и под их тростями летели осколки. Другие грозили кулаками в сторону огромного окна на втором этаже, служившего экраном для показа наиболее сенсационных новостей. Окно оставалось белым и безмолвным.

Была половина седьмого, наступали сумерки. Внезапно вспышка магния осветила фасад. В тот же миг разом зажглись все электрические лампы... и на белом фоне окна проступили огромные черные буквы.

Толпа, то и дело разражаясь бешеными овациями и приветственными возгласами, читала:

СПАСЕНЫ!!!

ТАЙНА РАСКРЫТА!

ВСЯКАЯ ОПАСНОСТЬ СЕГОДНЯ НОЧЬЮ ИСЧЕЗНЕТ.

Через четверть часа

«НУВЕЛЛИСТ»

расскажет всю правду!

КОКСВОРД ДЕЙСТВИТЕЛЬНО БЫЛ КОКСВОРДОМ!

Когда на бульваре появились газетчики, началось настоящее беснование, в котором с новой силой проявились атавистические, дикарские инстинкты толпы. Газеты буквально рвали на части, люди дрались за них, целые кипы номеров падали на тротуар, и на них набрасывались, раздирая нетерпеливыми ногтями.

Но разносчикам платили хорошо, и им было все равно, а в редакции «Нувеллиста» только радовались — газета вмиг вернула себе популярность и нанесла конкуренту оглушительный удар, от которого он вряд ли оправится.

С этой целью «Нувеллист» специально задержал выпуск, хотя телеграмма, отправленная Лаберже перед отъездом из Лондона, была уже три часа как получена. Она была напечатана большими буквами на первой полосе и гласила:

«Ключ к тайне найден. Таинственный механизм является летательным аппаратом, работающим на новоизобретенной батарее колоссальной мощности. Изобретатель, сэр Атель Рэндом, выезжает в Париж, куда мы с ним прибудем вечером вместе с мистером Бобби, английским детективом, который подвергся таким нападкам наших коллег, хотя верно опознал в мертвеце с Обелиска боксера Коксворда и говорил истинную правду. Коксворд добрался из Лондона в Париж за час на аппарате сэра Рэндома, называемом Врилиолет.

Все объяснения и доказательства будут предоставлены изобретателем этим вечером на встрече с научной комиссией, если последняя соблаговолит его выслушать.

Через час после этого аппарат будет нейтрализован. Причин для тревоги больше нет. Парижу не угрожает никакая опасность».

Ниже следовал пробел в полсантиметра, а далее еще одна телеграмма:

«Прибываем в Париж в девять пятнадцать.

Лаберже».

VII

ЧУДЕСА ВРИЛИЯ

Прежде чем попасть в редакцию, эти депеши — как заведено в нашей стране, где цензура отменена — прошли через министерство внутренних дел. Копии также были направлены, опять-таки как заведено, в префектуру полиции. В ожидании большого притока любопытных на Северный вокзал, куда прибывали спасители Парижа, были приняты чрезвычайные меры по обеспечению порядка.

Но эти меры были лишь предосторожностью. Перед Парижем поезд остановился в Пантене; там троих путешественников, с исключительной вежливостью, попросили выйти из вагона.

Лаберже узнал месье Лепина. Узнал его и Бобби — и содрогнулся до глубины души, с негодованием вспомнив, как его и миссис Бобби выдворили из страны.

Что же касается сэра Ателя, то последний, будучи одновременно воплощением британского духа и аристократом, не выказал ни малейшего удивления.

Префект рассыпался в любезностях. Он обменялся несколькими добросердечными словами с Бобби и объяснил сэру Ателю, что принятые меры вызваны лишь заботой об общественном порядке.

В нескольких словах он описал царившую в Париже тревогу и взрыв эмоций и надежд, вызванный приездом сэра Ателя.

— Месье Лаберже, — сказал префект, — может подтвердить, что в подобные моменты толпу бывает очень трудно успокоить и призвать к благоразумию.

Поэтому я решил, что для вас будет лучше, по крайней мере временно, избежать знакомства с чрезмерным энтузиазмом нашего населения.

Если вы не возражаете, мы немедленно направимся в министерство внутренних дел. Там вы встретитесь с членами научной комиссии, назначенной в связи с угрозой катастрофы. Вас попросят без утайки рассказать о свойствах так встревожившего нас механизма, сообщить, каким образом он оказался здесь и наконец обрисовать меры, которые необходимо принять для предотвращения каких-либо новых осложнений...

— Месье, — сказал сэр Атель, — я всецело в вашем распоряжении и распоряжении властей; и пусть не все случившееся было моей виной, я знаю, что только я один могу все исправить. Я понимаю, что должен буду объяснить все как можно более ясно и кратко, что я сделаю, заранее предвидя определенный скептицизм — каковой, я надеюсь, мне будет нетрудно преодолеть.

— Могу я сопровождать вас, сэр Атель? — спросил Лаберже.

— Конечно. Вы сможете добавить ценные подробности.

— Полагаю, — сказал в свою очередь мистер Бобби, — что нет никаких причин отказать в том же лояльному и преданному слуге Его Британского Величества, питающему вдобавок некоторое справедливое недовольство в отношении французских властей...

— Тем более что злоключения храброго мистера Бобби, — со смехом вставил Лаберже, — тесно связаны с машиной сэра Ателя.

— Что вы имеете в виду?

— Эта машина — летательный аппарат, — сказал сэр Атель, — и на нем прибыл в Париж некий Коксворд.

— Тот самый Коксворд, — подчеркнул Бобби.

— Ну хорошо, хорошо, — сказал префект. — Я не совсем понял, но у вас будет время объясниться. Лучше выслушать все стороны. Комиссия сможет вынести решение на основе всей полноты фактов...

— Позвольте мне на несколько минут отлучиться и позвонить в газету, — сказал Лаберже. — После этого я буду весь ваш...

— Только побыстрее. Автомобиль ждет. Мы поедем прямо на площадь Бово*.

Через несколько минут автомобиль на полной скорости понесся в сторону Парижа.

Ровно в десять он остановился у подъезда министерства.

Приехавших встретил секретарь, который немедленно провел их в приемную перед кабинетом министра.

— Позвольте мне войти первым, — сказал префект. — Не беспокойтесь, долго ждать не придется.

Он вошел в кабинет министра. Тот встал из-за стола и двинулся навстречу.

— Я ждал вас, дорогой префект. Мне докладывают, что волнение растет с каждой минутой. Кто знает, что могут сотворить наши brave парижане в пылу страстей, приправленных щепоткой страха... Ваш англичанин здесь?

— Да... и должен сказать, он вызывает доверие. Настоящий светский человек и притом, судя по внешности, человек исключительного ума. Его взгляд поразит вас, как поразила меня.

— И он знает, что делать с этим злосчастным механизмом, который причинил нам столько хлопот?

— Конечно, так как называет себя его изобретателем. С ним также приехал репортер Лаберже...

— А! старый знакомый... к нему-то я особого доверия не испытываю...

— Если только он не заинтересован в правде, а я думаю, что дело так и обстоит. Я также хотел бы представить вам

* На площади Бово расположена штаб-квартира французского министерства внутренних дел.

мистера Бобби...

— Кого? Что за мистер Бобби?

— Господин министр, возможно, помнит английского детектива? Он чуть не перевернул Париж вверх дном, утверждая, что мертвец, найденный в пять утра у Обелиска на площади Согласия — это некий Коксворд, находившийся в час ночи в Лондоне...

— Да-да, он еще устроил скандал, настаивая на этой выдумке...

— Оказавшейся правдой!

— Вы хотите сказать...

— Господин министр, когда вы выслушаете сэра Ателя, вы все поймете. Речь идет не о мистической тайне, но о научной загадке... Полагаю, господа члены комиссии будут очень удивлены...

— В самом деле? Что ж, надеюсь, ваш мудрый англичанин освободит нас от этого кошмара...

— Вы не хотите сперва поговорить с сэром Ателем Рэндомом?

— Какой смысл? Комиссии он скажет то же, что и мне. Не стоит зря тратить время. Я предстану перед комиссией и для начала вынесу предупреждение — барометр, надо сказать, клонится к буре. Вас вызовут минут через пять.

Префект возвратился к сэру Ателю. Тот был серьезен и задумчив.

За все это время сэр Атель не обменялся ни словом со своими двумя спутниками.

Вскоре дверь отворилась и министерский пристав громко провозгласил:

— Господин префект полиции и пришедшие с ним лица!

Префект взял сэра Ателя под руку и ввел его в зал, где за длинным, крытым зеленым бархатом столом, согласно обычному регламенту, восседала комиссия.

Лаберже и Бобби последовали за ними.

По знаку президента пристав усадил их. Префект оказался на одном конце стола, министр на другом, среди членов комиссии.

Заговорил председатель:

— Господин префект, по вашей просьбе мы созвали срочное заседание. Будем благодарны, если вы объясните нам причины такой срочности, и можете быть уверены, что мы выслушаем вас с большим интересом.

— Я нахожусь здесь лишь в качестве сопровождающего. Имею честь представить вам сэра Ателя Рэндома, британского гражданина. Сэр Атель даст точное объяснение фактов, так взбудораживших Париж. Господа Лаберже, репортер из «Нувеллиста», и Бобби, сотрудник британской полиции, смогут подтвердить сказанное в докладе сэра Ателя.

Следует упомянуть, что месье Пуанкаре, который в последнюю минуту не смог явиться на заседание, передал бразды правления старейшине комиссии, уважаемому месье Алавуэну.

Широкое багровое лицо месье Алавуэна украшали огромные белые бакенбарды, похожие на плавающие.

— Месье Рэндом, — сказал он англичанину, — мы слушаем вас.

Сэр Атель поднялся.

Как мы уже говорили, сэр Атель был довольно высокого роста, очень худой, с правильным лицом и горящими черными глазами. Помимо лба мыслителя, достойного Виктора Гюго, в нем прежде всего поражало изящное благородство всего облика, красота рук, сдержанность жестов и гармоническая звучность голоса, одновременно очень мужественного и пленительного.

Не без смущения он начал:

— Как мне сообщили, господа, Париж обеспокоен появлением необычного аппарата. Машина упала на пустоши, на одной из окраин, и к ней до сих пор никто не смог приблизиться... Это устройство, частично погруженное в землю, схоже по форме с одним из ваших газетных киосков или караульной будкой, какие располагаются у входов в ваши казармы... Мне также сообщили, что на некотором расстоянии от машины были найдены обломки металлического пропеллера.

— Да, это так. Но можете ли вы сказать нам, что это за машина и откуда она взялась?

— Нет ничего проще, — ответил сэр Атель. — Это устройство — воздушный автомобиль, машина тяжелее воздуха. От аэропланов ее отличает то, что у нее нет ни крыльев, ни хвоста; также она в основном металлическая и ей не страшен ни ветер, ни воздушные бури.

— Род геликоптера, — торопливо сказал месье Верлоре, бросив торжествующий взгляд на своего оппонента Алавуэна.

— Если угодно, — сказал сэр Атель. — Я излагаю эти подробности, чтобы вы не сомневались в моем знакомстве с данным аппаратом. Иначе и быть не может: я сам его построил.

— Вы механик? — спросил месье Алавуэн с легким оттенком презрения в голосе.

— Позвольте представиться: сэр Атель Рэндом, ученик и скромный соратник Уильяма Крукса*, президента Королевского научного общества в Лондоне... Если вас интересует, я мог бы перечислить титулы и дипломы, полученные мною в важнейших научных институтах Великобритании. Некоторые из вас могут помнить небольшой доклад о редкоземельных элементах, который я имел честь прочитать; ваш покойный коллега Бертло любезно охарактеризовал его в терминах, какие, признаюсь, заставили бы гордиться любого...

— Да, я помню его очень хорошо! — послышался надтреснутый голос. — Этот доклад был напечатан в «Журналь де саван»... ** Замечательный труд...

— Благодарю вас, — сказал сэр Атель. — Но вернемся к интересующему нас вопросу. Устройство очень простое; от прежних конструкций его отличает наличие двух пропеллеров — сверху и снизу. Их приводит в движение ведущий вал, обычный металлический стержень, соединенный с очень небольшим двигателем. Направление полета определяется наклоном одного из пропеллеров, управляемых пилотом.

* Уильям Крукс (1832-1919) — виднейший английский химик и физик, первооткрыватель таллия.

** Старейший научно-литературный журнал в Европе, издается с 1665 г.

Я собирался совершить первое и решающее испытание нового летательного аппарата в конце этого месяца. Я безусловно посетил бы Париж, но он стал бы только остановкой, так как мой замысел предусматривал кругосветный полет через Россию, Сибирь, Китай и Японию с возвращением из Северной Америки...

Сэр Атель на мгновение замолчал, заметив, что члены комиссии начали проявлять нетерпение и обмениваться недоверчивыми взглядами.

Министр спрашивал себя, не стал ли он жертвой грандиозного розыгрыша или мании умалишенного.

Но префект, более привычный к невероятным неожиданностям — и, как сказано, испытывавший доверие к сэру Ателю — сделал англичанину знак продолжать.

Сэр Атель спокойно, словно говорил о самых простых и понятных вещах в мире, произнес:

— Я понимаю, господа, что мои утверждения могут, на первый взгляд, показаться несколько преувеличенными.

Прошу вас поверить, что все сказанное мною абсолютно соответствует истине. Кроме того, я с радостью предоставляю вам неопровержимые доказательства...

— Позвольте замечание, — сказал прославленный Алауэн. — Вы говорили о двигателе. Как он устроен? Какое вещество служит топливом?

— Это я объясню позже. Разрешите мне продолжать доклад согласно разработанному плану...

Вас больше всего интересует, каким образом этот аппарат, находившийся в час ночи 1 апреля во дворе моего дома на Корсика-стрит, в лондонском пригороде Хайбюри, оказался на пустыре в вашей столице. Вот как это случилось...

И он сжато рассказал о том, что нам уже известно — о вторжении незнакомца, неожиданном взлете, исчезновении машины.

— Несчастный, о судьбе которого я сожалею, унесся прочь с головокружительной скоростью... Вероятно, он случайно, не имея никакого представления об управлении, привел в действие мотор. По моим оценкам, он поднялся на высоту двух или, возможно, трех тысяч метров. Машина была на-

правлена на восток. Он полетел прямо во Францию. Я предполагаю — так как здесь я перехожу к гипотезам — что бедняга, когда потрясение от старта прошло, впал в панику, попытался выбраться из аппарата. Что он сделал?.. На какой рычаг нажал?.. Я узнаю это только после тщательного осмотра аппарата. Подозреваю, что он что-то сотворил с верхним пропеллером; в этом случае спуск был молниеносным. Несчастный потерял равновесие и выпал из машины над центром Парижа. Как мне сообщили, его труп был найден у подножия одного из местных монументов...

Как мне кажется, аппарат, мотор которого продолжал работать, совершил затем громадный скачок в сторону. Но равновесие было нарушено и машина упала на пустоши, проделав воронку в земле.

Вчера я узнал, что несчастная жертва собственной неосторожности — некий Джон Коксворд и что его личность было трудно установить, так как казалось невероятным, что он мог присутствовать в двух отдаленных друг от друга местах почти одновременно...

Подробные объяснения по этому поводу вам может дать мистер Бобби. Его показания подтвердит свидетельство месье Лаберже...

Члены комиссии были весьма озадачены.

Вся история была изложена таким серьезным тоном, что они, несмотря на всю свою пристрастность, никак не могли заподозрить сэра Ателя в мистификации.

Но с научной точки зрения все это выглядело бессмыслицей, а знаменитые ученые больше всего боялись розыгрыша. Это подорвало бы авторитет представляемых ими славных академий.

Заслушали Бобби и Лаберже. Крайне торжественный отчет английского детектива (с полным основанием указавшего на несправедливые гонения, причиненные ему делом Коксворда) и, по контрасту, довольно непринужденный рассказ обрадованного приключением репортера произвели впечатление на комиссию, но не убедили ее. Страх сделаться посмешищем взял верх.

Посоветовавшись с коллегами, председатель сказал:

— Сэр Атель Рэндом, мы далеки от мысли ставить под сомнение ваши слова. Но, как вы понимаете, вопрос чрезвычайного серьезен.

Вы предложили извлечь и убрать или, по крайней мере, нейтрализовать опасный аппарат, который по понятным причинам беспокоит город Париж.

Но прежде, чем мы разрешим такого рода попытку, каковая, заметьте, поставит под угрозу не только вашу жизнь, но и безопасность целого района Парижа, мы хотели бы узнать больше.

Вы говорили об очень маленьком моторе, способном работать на протяжении дней, недель, а возможно, и месяцев...

— Вы вполне можете сказать — лет, — заметил сэр Атель.

— Не нуждаясь в топливе?

— Именно.

— Но вы сами понимаете, что говорите о чем-то исключительном... противоречащем всему нашему опыту... практически чудесном...

— Здесь нет никаких чудес, — прервал председателя сэр Атель. — И это не более странно, чем банальный сосуд со смесью двух невидимых газов, кислорода и водорода, где под воздействием электрической искры осаждается вода.

Месье Алавуэн покашлял: у этого дьявола на все был наготове ответ!

— Как бы то ни было, вы едва ли удивитесь, месье, если мы попросим вас вкратце описать устройство вашего двигателя и рассказать об используемом вами топливе...

— Я боялся, что мои объяснения отнимут слишком много времени, — сказал сэр Атель. — Полагаю, вы хотели бы как можно скорее положить конец царящей в городе тревоге. Но я не могу ответить отказом на вашу просьбу.

Мой мотор не нуждается в каком-либо топливе. Он сам является веществом, производящим движение собственным действием.

Это колоссальная сила. Миллиграмма этого вещества достаточно, чтобы полностью разрушить дом наподобие того, где мы сейчас находимся.

Эта сила неисчерпаема. За сутки работы расходуется одна десятиллионная часть грамма вещества.

Некоторые из терпеливо слушавших членов комиссии не смогли сдержать недоверчивые возгласы:

— Хо! Ха!

Сэр Атель впервые за весь вечер улыбнулся.

— Если вы предоставите в мое распоряжение большой обломок песчаника или мрамора, я продемонстрирую вам — конечно, не подвергая никого опасности — одно из свойств моего вещества.

Последовало минутное колебание: предложение было соблазнительным. И молодежь, и старики любят эксперименты — в них всегда есть что-то театральное.

Посреди зеленого стола стояла громадная мраморная чернильница. Весила она по меньшей мере килограмма три и никогда не ведала чернил.

— Давайте заканчивать, — сказал месье Алавуэн. — Направьте свою *силу* (последнее слово он иронически подчеркнул) на эту чернильницу.

Сэр Атель подошел ближе:

— Эта вещь не обладает художественной ценностью. Очень хорошо... вам не придется сожалеть.

Он пошарил в жилетном кармане и достал предмет, похожий на тонкий и элегантный карандаш в золотой оправе. Затем он показал его членам комиссии.

— Как видите, предмет очень маленький. Но в этой трубке содержится сила, которую не опишешь никакими словами.

Заметив встревоженное выражение на лицах слушателей, сэр Атель поспешил добавить:

— Не бойтесь, господа. Опыт не будет сопровождаться каким-либо шумом или другими неприятными явлениями.

Тем не менее, все затаили дыхание. Даже у самых храбрых что-то зануло в груди.

Глаза префекта выкатились от любопытства.

Министр был обязан казаться невозмутимым и потому лишь слегка опустил веки.

Сэр Атель подошел к столу, переставил чернильницу ближе к краю, наклонился над ней, как хирург, выбирающий, куда вонзить скальпель — и прикоснулся к мрамору кончиком своего орудия...

Послышался тихий, очень тихий треск, словно лопнула пружина часов.

И, вместо чернильницы, на столе осталась лишь небольшая горстка пепла; ее не хватило бы наполнить и подставку для яйца.

Раздались крики, все вскочили и сгруппировались вокруг. Ученые не могли больше сомневаться: они видели, видели собственными глазами...

— Кажется, один из ваших соотечественников, доктор Лебон*, называет это диссоциацией материи, — сказал сэр Атель.

— Удивительно! Поразительно! Невероятно!.. И все с помощью этой маленькой трубочки...

К предмету, который сэр Атель держал между большим и указательным пальцами, как стебель цветка, со всех сторон тянулись руки.

Но англичанин лишь чуть повернул наконечник и положил стержень обратно в карман.

— Не стоит рисковать, — сказал он. — С этим нужно обращаться очень деликатно, а использование подразумевает длительный период обучения... Овладение этой силой, господа, заняло у меня десять лет...

— Из чего состоит ваше вещество? Как вы его получили?..

— Подобные вопросы заведут нас очень далеко, — отвечал сэр Атель.

— Но название у него хотя бы имеется?

— Я навал его «врилий»...

* Имеется в виду французский ученый-универсалист Гюстав Лебон (1841-1931), наиболее известный как психолог, антрополог и социолог. Лебон писал о «диссоциации» вещества и «внутриатомной» энергии в работе *L'Évolution des Forces* (1907), предсказывавшей наступление атомного века.

— Врилий? — недоумевали собравшиеся. Этимология названия была им непонятна, так как оно не основывалось на греческом корне.

— Имя фантастическое, господа. Возможно, вы читали весьма примечательный роман «Грядущая раса» одного из наиболее знаменитых моих соотечественников, сэра Эдварда Бульвер-Литтона*. Это, если хотите, утопический роман, но я вижу в нем предсказание будущего. В нем рассказывается о людях, которых наука вооружила могучей, непреодолимой, но в то же время управляемой силой. Эта сила доступна всем — мужчинам, женщинам и детям. Она способна преодолеть все препятствия, сломить любое сопротивление, и потому возможные последствия ее применения нейтрализуют друг друга. Под страхом обоюдного разрушения и уничтожения, никто не осмеливается напасть на ближнего...

Под влиянием этой силы на земле воцаряются добродетель, терпимость и добросердечие — но только потому, прошу заметить, что данная сила не сконцентрирована в руках немногих, а служит всем, от слабейших до самых могущественных. Она восстанавливает равенство и, тем самым, свободу...

Наш Бульвер назвал эту силу «вриль». Вот почему я назвал открытое мною вещество «врилий»...

Что же касается самой субстанции, то природу ее я могу объяснить в нескольких словах. Она аналогична галлию, открытому вашим великим компатриотом Лекоком де Буабодраном, а также радио вашего бессмертного Кюри. Она возглавляет группу редкоземельных элементов, которые я могу перечислить по памяти: иттрий, палладий, осмий, рутений, ванадий и наконец полоний, недавно открытый мадам Кюри. Основываясь на трудах моих предшественников — сэра Уильяма Рамзая, лорда Рэлея и Нормана Локьера —

* Э. Бульвер-Литтон (1803-1873) — английский писатель, поэт, драматург, политик и оккультист (в оригинале ошибочно — «Генри»). Указанный роман вышел в 1871 г.

а также господ Бертло, Беккереля, Лебона* и многих других, я открыл врилий и в качестве первого опыта практического применения решил использовать его в авиации...

Мотор моего аппарата и есть врилий, выделяющий собственную силу, как радий выделяет свет и тепло, но в таких размерах, что в правильно сконструированном механизме может обеспечить до двадцати тысяч оборотов в минуту.

Приспособление, которое вы только что видели, снабжено крошечным алмазным сверлом. Врилий приводит его в движение, и оно способно за секунду уничтожить самый прочный камень. Воздействие, однако, должно применяться к тому, что индийская наука называет центром «лайи» — иначе говоря, к той точке конкретной массы, где все молекулы соединены и поддерживают друг друга. Подробней я объясню это позже.

Я слишком долго говорю, господа, и боюсь, что начинаю испытывать ваше терпение... Если я заслужил ваше доверие, позвольте мне приступить к необходимым действиям по нейтрализации Врилиолета... и избавлению прекрасного Парижа от невольной причиненных бед...

Раздались шумные одобрительные возгласы и аплодисменты — молодой англичанин сумел преодолеть недоверие и скрытую зависть маститых ученых. Разумеется, позднее они придут в себя и утверждения сэра Ателя покажутся им фантазиями, если не прямой ложью. Но сейчас, при виде горстки мраморной пыли, их энтузиазм не знал границ.

Министр и префект завладели сэром Ателем и обсудили с ним необходимые меры. Операция была назначена на десять часов утра.

Сэра Ателя немного тревожило лишь одно: врилий в поврежденном аппарате мог вызвать колоссальные вспышки и ужаснуть всю округу. Нельзя было допускать никакой паники.

Англичанин обещал обо всем позаботиться — «по крайней мере, обо всем, что можно предусмотреть», добавил он.

* Перечислены имена виднейших английских и французских физиков и химиков XIX — начала XX в.

Кроме того, опасность, если она и имеется, будет угрожать только ему одному. Министр стал возражать, предлагая ему подумать о предосторожностях и, если требуется, отложить операцию, но сэр Атель спокойно ответил:

— Господин министр, любой скромный химик рискует жизнью в своей лаборатории двадцать раз на день. А статистика доказывает, — заключил он с улыбкой, — что химики обычно доживают до преклонного возраста.

Сэр Атель и представители французских властей договорились встретиться в половине десятого утра у пустоши на улице Карьер д'Америк. Цепь солдат будет удерживать публику на достаточном расстоянии. Сэр Атель намеревался действовать один; никто не будет его сопровождать, кроме облеченного высшей властью лица, префекта полиции...

— И репортера из «Нувеллиста»! — добавил кто-то, в ком по голосу нетрудно было узнать Лаберже.

— Я не могу ни в чем вам отказать, — вежливо ответил сэр Атель.

— А как же я? — осмелился вставить Бобби. — Если бы я не поднял такой шум вокруг Коксворда, разве заметили бы его газеты?.. Разве не вылитый на меня ушат грязи помог раскрыть все дело? Сэр Атель, вы проявите неблагодарность, если меня не возьмете...

— Вы пойдете с нами, дорогой мистер Бобби, — сказал англичанин.

Они попрощались и вышли.

Сэр Атель решил остановиться в «Карлтоне»; отсюда его на следующее утро должен был забрать Лаберже.

Обменявшись у входа в министерство рукопожатиями с молодым англичанином, Лаберже остался наедине с Бобби и фамильярно взял детектива под руку.

— А мы, старина Бобби, отправимся в редакцию «Нувеллиста»... Вас должны увидеть... Мы вас сфотографируем, и завтра ваш портрет появится на первой полосе.... Вы можете мне написать статью, а потом мы с вами поужинаем в «Америкен». Эй! Трюфели, шампанское и красотики! Выше голову, Бобби! Ха-ха!

И Бобби позволил репортеру увлечь себя навстречу приключениям...

Увы! Наши герои считали, что развязка близка...

Могли ли они предугадать, какую каверзу уготовила им судьба?

ЧАСТЬ III

ПАРИЖ ДО СОТВОРЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

КАТАСТРОФА, СТАВШАЯ НАЧАЛОМ

На следующее утро, в назначенный час, все были на месте — не говоря о сотне тысяч парижан. Привлеченные искрометными статьями Лаберже, они поспешили в Бют-Шомон и заполнили соседние улицы, надеясь увидеть первооткрывателя врилия и его расправу с собственным аппаратом.

Непостоянство — характерная черта нашего национального духа, и достаточно было заверений газетной статьи, чтобы рассеять всякий страх. В этом путешествии в дебри Бельвилля парижане видели лишь приятную прогулку.

К тому же Лаберже, исправно передав все объяснения сэра Ателя, придал своей статье, скажем так, оптимистическую ноту, изобразив предстоящую операцию как суший пустяк для великого изобретателя. Никто и не думал его за это корить: важно было, в первую очередь, успокоить жителей Парижа, как правило, быстро впадающих в панику.

Толпа, состоявшая из представителей всех социальных слоев, была несколько разочарована, обнаружив метрах в пятистах от пустоши цепь солдат.

Последовало несколько стычек, поскольку многие в толпе считали, что звания или должности дают им особые права.

Сенаторы, парламентарии и обладатели всевозможных пропусков громко протестовали. Но войска исправно выполняли приказ, и никто из протестующих не смог проникнуть за цепь.

Два случившихся в то утро происшествия немало способствовали тревоге месье Лепина.

Во-первых, какой-то жалкий пьяница сумел ночью пробраться на пустошь и, как видно, приблизился к аппарату. Он дорого заплатил за эту выходку: утром его нашли в нескольких метрах от машины. Он был неподвижен и казался мертвым.

Несчастливого отправили в ближайший госпиталь; но, несмотря на все усилия врачей, он оставался в коме и жизнь его висела на волоске.

— Что скажете? Может ваш врилий оживлять мертвых? — спросил месье Лепин.

— Не совсем, — улыбнулся сэр Атель. — Но я верю, что пока тело не разложилось и в нем остается малейшая искра жизни, врилий способен его гальванизировать и восстановить. Я опробовал это на животных, найденных во льду — они казались мертвыми и не подавали никаких признаков жизни. Врилий оживил их, причем все функции организма при этом восстановились...

— Вы настоящий волшебник...

— Не забывайте, что когда-то так называли алхимиков. А они, как показал ваш Бертло, были лишь предшественниками современных ученых и просто опередили свое время...

Второе происшествие, привлечшее внимание префекта, носило более серьезный характер.

Один из высокопоставленных чиновников префектуры департамента Сены*, месье Жерар, автор ряда интересных исследований подземного Парижа, явился к нему рано утром и с чертежами в руках показал, что подпочвенные слои в районе улицы Карьер д'Америк проявляют значительную нестабильность. К сожалению, исследования были далеки от полноты, но имелось достаточно доказательств в виде частых в этой местности провалов.

Чиновник беспокоился, что запланированная операция может привести к новой катастрофе.

— Мы должны признать, — добавил месье Жерар, — что строение подпочвенных слоев остается для нас совершенно неизвестным. По некоторым личным наблюдениям я могу заключить, что под ними залегают крайне древние, четвертичные или даже третичные страты; это подтверждается находкой определенных окаменелостей.

* К департаменту Сены до 1968 г. наряду с другими районами относился город Париж.

Я склонен полагать, — заключил ученый геолог, — что тысячи лет назад эта часть Парижа подверглась вулканическому либо иному катаклизму. Окончательное формирование слоев еще не завершилось, и потому существует опасность провалов.

Месье Лепин был встревожен этим сообщением и счел своим долгом передать его сэру Ателю.

Впервые за утро лицо английского ученого выразило некоторую озабоченность, но вскоре он взял себя в руки и сказал:

— Это только гипотезы. Всякий человек действия знает, что должен учитывать неожиданности. Вы сами видите, месье префект, что присутствие аппарата чревато постоянной опасностью. Я не хочу винить себя в новых смертях. Хотя бедняга Коксворд был очень сомнительной личностью, я не перестаю корить себя... Необходимо сделать все, чтобы избежать повторения подобной трагедии. Кроме того, как я уже говорил, рисковать буду только я.

Он сделал неопределенный жест рукой.

— Я беру на себя ответственность за все... кроме непредставимого...

— Тогда приступайте, месье, — сказал префект. — Надеюсь, результат оправдает ваши надежды. И позвольте позжать вашу руку — руку мужественного, достойного уважения человека.

На пустоши, кроме сэра Ателя, остались только Лаберже и Бобби, получившие личное приглашение англичанина.

Последний отвел Лаберже в сторону и сказал:

— Месье, вы вели себя безукоризненно, и я благодарен вам за оказанное мне доверие. Я уверен в успехе, однако обязан предусмотреть любые последствия: никто не может быть полностью защищен от прихотей случайности. Если со мной что-нибудь произойдет, окажите мне услугу и отошлите это письмо адресату — мисс Мэри Редмор, моей невесте.

— В подобной услуге не отказывают, — ответил Лаберже. — Однако я вполне уверен, что это будет ни к чему. Вовпервых, мы безопасно выберемся из этой переделки, а вовторых, если вас постигнет несчастье, оно не обойдет и ме-

ня, так как я собираюсь держаться рядом с вами...

— Не согласен! — поспешно воскликнул сэр Атель. — Я имею право распоряжаться своей жизнью, но не жизнью других... Благодарю вас за то, что вы сопровождали меня этим утром... а теперь прошу вас уйти.

— Ни за что. Я остаюсь... Надежный и преданный помощник может оказаться вам полезным... Бывает, приходится опираться и на руку не такого уж знающего человека... Говорите что угодно, я не отступлюсь... Но я бы посоветовал вам отослать нашего приятеля Бобби... тем более что он не привык к ночной жизни Парижа и, вероятно, страдает похмельем... а, Бобби?

— Я здесь, — приблизился детектив. — Можете на меня рассчитывать.

— Дорогой Бобби, вы благородны и храбры, вы несете на своих плечах всю славу великой Англии... но сейчас сделайте милость и уберите восояси.

— Убирайтесь? — переспросил Бобби, потрясенно глядя на Лаберже.

— Это означает — покиньте нас, исчезните, короче говоря, уходите...

— Я?! уйти?! — вскричал Бобби, встав в стойку и выставив перед собой кулаки, как боксер. — Сэр Атель, вы дали мне слово! Я обязан остаться здесь и увидеть все, что произойдет! Вы дали мне обещание, и если собираетесь его нарушить, я буду жаловаться... послу Великобритании...

— Эй! Эй! Не расстраивайтесь, малыш Бобби, — сказал Лаберже. Детектив ему нравился, и он обращался к мистери Бобби все более фамильярно. — Нам было бы очень неприятно сообщить миссис Бобби о вашей гибели...

— Я к этому готов, как и вы! Если нам суждено погибнуть, погибнем вместе! Я должен очистить имя полиции Его Величества... и исполню свой долг...

Сэр Атель пожал плечами:

— Как хотите... В конце концов, мы можем друг другу пригодиться. За работу — иначе подумают, что я медлю.

Напомним в нескольких словах, какова была ситуация на пустоши.

Почти на самой середине пустыря находилось углубление в форме воронки, наполовину заполненное песком и камнями. В нем покоился знаменитый Врилиолет, на две трети ушедший в землю. При падении с крыши аппарата, напоминавшей немецкий военный шлем, слетел пропеллер.

Врилиолет походил на прямоугольную коробку с металлическими решетчатыми стенками. В одной из них виднелась дверца.

Снаружи не имелось никаких ручек или выступов, за которые можно было бы подцепить аппарат. Дверца была закрыта и плотно завалена камнями и песком. Чтобы извлечь Врилиолет из земляной ловушки, понадобились бы тяжелые подъемные краны и лебедки.

Сэр Атель приблизился к машине с медными, как показалось его спутникам, инструментами в руках, позволявшими обследовать аппарат на расстоянии.

На руки его были надеты длинные, доходившие до локтя перчатки из гибкой и сверкающей металлической ткани, похожие на кольчужные рукавицы и нарукавники средневековых рыцарей.

Сэр Атель был немного бледен, но лицо его выражало непреклонную решимость.

Жестом он велел своим друзьям отойти и спустился в воронку. Выбрав самое надежное место и расставив ноги для упора, он взял в руку прут в форме епископского жезла и стал легко прикасаться им к опорам крыши.

Послышался треск, посыпались быстрые искры — словно разряжался аккумулятор при контакте с проводником. Искры, однако, были странного цвета — черные с красно-коричневым отливом.

С каждым прикосновением жезла крыша чуть отделялась от опор. Она перекосилась, и зазор между нею и стенками с одной стороны увеличился.

— Месье Лаберже, — сказал сэр Атель, — не будете ли вы так добры передать мне вон тот инструмент, напоминающий букву S? Не бойтесь, он безобиден...

Инструмент оказался ближе к Бобби. Детектив, торопясь помочь, бросился вперед, схватил инструмент и, наклонив-

шись над краем воронки, протянул его сэру Ателю...

Но Бобби совсем забыл о предательском песчаном склоне... Он поскользнулся и покатился, как мяч, на дно воронки...

Бобби упал между ног сэра Ателя, и тот, потеряв равновесие, был отброшен к аппарату. Прут в его руке со всей силы хлестнул по машине...

Лаберже кинулся вперед и, нагнувшись, ухватил Бобби за ноги, пытаясь вытащить его из воронки...

Что было потом?

Громоподобный удар — очевидно, прут заставил аппарат вырваться из земли. Врилиолет закрутился в воздухе.

Затем на острие шлема, еще державшегося на опорах, мелькнула ослепительная вспышка, и к небу взметнулись метровые языки огня...

Раздался чудовищный треск...

Земля в радиусе более десяти метров внезапно провалилась... поднялись и с угрожающим гулом осели волны песка и камней...

Казалось, разверзлась бездна...

Страшный провал поглотил все — и Врилиолет, и трех человек...

Камни и песок летели в неожиданно открывшуюся пропасть... Когда префект, министр и полицейские прибежали на шум, они не увидели ничего, кроме хаоса земли и камней и провала глубиной более десяти метров, закрывшегося за тремя храбрецами...

Послышался хор отчаянных криков...

Сэр Атель Рэндом заплатил жизнью за героическую попытку спасти Париж — и с ним погибли два мужественных спутника, детектив Бобби и репортер Лаберже.

Ужасающая трагедия!

II

ТРЕВОГА И СТРАХ

Катастрофа оказала на Париж самое удручающее влияние. Газеты осыпали власти оскорблениями, виня их в том, что не были приняты самые элементарные меры предосторожности.

Несмотря на все опровержения, ходили слухи, что чиновники отказались предварительно укрепить почву, как требовал несчастный сэр Атель.

«Это истинное убийство! — восклицал “Репортер”. — Неслыханное легкомыслие! Что делало все это время управление дорог? Почему не вызвали квалифицированных инженеров? Стоит произойти какой-то мелочи на общественной дороге, как вызывают пожарных, но сейчас, пред лицом такой серьезной задачи, была проявлена преступная халатность».

Под критический огонь попала и префектура департамента Сены. Означает ли все это, что подземный мир Парижа совершенно не изучен? Для чего же тогда издавать за большие деньги и за счет налогоплательщиков бесконечные карты и чертежи? Неужели Франция снова станет посмешищем для всей Европы?

«Нувеллист» вышел в двойной траурной рамке. Да, Лаберже был сотрудником газеты (его биография заняла три колонки на первой полосе!) — но разве и Бобби не был своим, разве «Нувеллист» со всем пылом не защищал его от позорных нападок жестокой и лживой прессы?

Не пора ли всем разделить ответственность? Возьмем министра, который с такой легкостью допустил к опасной машине человека, чью опытность подтверждали лишь его собственные заявления!

А так называемые ученые? Они с небывалой доверчивостью поверили в фантастические бредни и, ничем их не подтвердив, позволили людям рискнуть жизнью!

О да, они поверили во всемогущество врилия!

Эти вольнодумцы вдруг проявили веру! На сей раз наука поистине потерпела грандиозное поражение. Совершенно ясно, что несчастный Рэндом был всего лишь безумцем и сумел провести ученых с помощью каких-то фокусов. Подобным фокусом и была так называемая «диссоциация» мраморной чернильницы — но почему-то в этот трюк поверили все, включая префекта полиции, которого никак нельзя назвать человеком наивным.

Эхо скандала гремело и в палате депутатов*, где лидер крайних левых буквально набросился на правительство, громя все министерства, службы и руководителей армии, флота и общественных работ.

Что можно ожидать от правительства, не сумевшего даже защитить землю парижского квартала? Сегодня рухнул в пропасть участок XIX арондисмана, завтра в нее рухнет вся Франция! *(Громкие аплодисменты со скамей крайне левых и правых, оратор возвращается на место, осыпаемый теплыми поздравлениями).*

Главе кабинета министров потребовалось все умение, ловкость и приправленная иронией горячность, чтобы отразить атаку. Воплощая собой известную метафору непоколебимой скалы, он решительно встал на защиту превосходного государственного здания нашей страны.

— Какая польза в адресованных нам горьких словах? К чему эти несправедливые нападки, которым мы можем противопоставить только спокойствие чистой и незапятнанной совести? Спасут ли слова несчастных, провалившихся под землю? Допустим, мы выпустим из рук министерские портфели, этот предмет мечтаний некоторых из собравшихся — но разве земля по такому случаю разверзнется и выпустит жертв? Мы без колебаний, с твердым сердцем берем на себя всю ответственность за случившееся — ибо мы готовы принять и ответственность за те меры, что уже были приняты и предстоит принять ради трудной задачи спасе-

* В описываемое время — законодательная палата французского парламента, избиравшаяся всеобщим голосованием и составлявшая вместе с Сенатом Национальную ассамблею.

ния трех людей, трех мучеников Науки! *(Громкие аплодисменты со скамей левых и центристов. Оратор возвращается на место, осыпаемый теплыми поздравлениями).*

Вотум доверия правительству был принят большинством в 293 голоса.

Тем временем работы продолжались.

На пустошь была вызвана вся когорта парижских инженеров: специалисты по рытью колодцев и туннелей, прокладке канализационных труб и каналов. Не было никакой надежды спасти жертв катастрофы, но общественное мнение необходимо было успокоить, доказав всем, что правительство не дремлет.

Посреди пустоши виднелась дыра, большая, гигантская дыра глубиной метров в двенадцать, окаймленная довольно прочным на вид валом земли и камней. На дне ее высилась бесформенная гора камней и песка, казалось, уходящая с каждой минутой все ниже.

Оказавшись под этой массой, сэр Атель и его спутники — к их счастью! — даже не страдали. Очевидно, катастрофа была мгновенной, молниеносной.

Оставался ли хоть малейший шанс изменить их судьбу, которая была решена, вероятно, с первого же мгновения? Никто из инженеров не был готов ответить на этот вопрос утвердительно.

Более того, характер почвы свидетельствовал, что любые работы лишь вызовут новые обвалы и увеличат объем каменной массы на дне; жертвы же под ней, скорее всего, давно мертвы.

И все-таки решено было совершить невозможное.

Решили сперва укрепить стены провала, а затем опустить на дно некое подобие землечерпалки и с ее помощью извлечь как можно большее количество песка и камней. И хотя никто не мог сказать наверняка, к последнему этапу надеялись приступить через сорок восемь часов, но никак не ранее.

Эти меры, конечно, были неудовлетворительными, но лучшего придумать не смогли. Иллюзий никто из инженеров не питал — они просто пытались пробудить их в других...

Публичный траур не замедлил последовать: погода стояла чудесная, террасы кафе и театров были переполнены... Многие с радостью организовали бы приемы, балы и торжественные обеды в честь жертв, но поскольку те были мертвы...

В недрах редакции «Репортера» зародилась гениальная мысль — сгладить воздействие прискорбной победы «Нувеллиста».

Одного из сотрудников отправили в Лондон, велел сообщить о случившемся вдове мистера Бобби и привезти ее в Париж.

Он выполнил поручение, и несчастную женщину, проливавшую слезы по своему храброму мужу-детективу, стали возить по бульварам в экипаже, украшенном черным штандартом с надписью золотыми буквами: «От *“Репортера”* вдове мученика».

Газета объявила также сбор средств для спасения мадам Бобби от нужды. Редакция пожертвовала тысячу франков.

«Нувеллист», не желая оставаться в стороне, призвал всех журналистов и интеллектуалов жертвовать на памятник Лаберже, герою репортажа. К работе над памятником намеревались привлечь великого Родена. Представлялась статуя наподобие «Моисея» Микеланджело, чьи электрические рога должны были символизировать природу погубившей Лаберже катастрофы.

Забыли лишь о сэре Ателе Рэндоме — но он, в конце концов, был истинным виновником бедствия. Жертвой его предполагаемого изобретения уже стал Джон Коксворд, а теперь псевдонаучные фантазии англичанина привели к смерти и его самого, и еще двух людей.

Один только научный обозреватель Эмиль Готье* поднял голос в защиту сэра Ателя, изложив в хорошо аргументированной статье его теорию редкоземельных элементов и врилия. Будущее, утверждал Готье, реабилитирует сэра Ателя, павшего жертвой несчастного

* Э. Готье (1853-1937) — французский анархист, позднее журналист, публицист, популяризатор науки.

случая, ко-торый он никак не мог предусмотреть... Далее журналист винил в происшедшем нерадивость чиновников и ярост-но обрушивался на префектуру Сены.

Спустя сутки распространилось известие, что в Париж приехала мисс Мэри Редмор, сейчас уже, увы, бывшая невеста сэра Ателя Рэндома. Несчастливая молодая женщина, глубоко любившая сэра Ателя, пребывала в безутешном горе и хотела поклониться жуткой могиле на пустоши, где ничто не напоминало о возлюбленном...

Ее сопровождал отец, энергичный мистер Редмор. Он решительно поддержал дочь, отказываясь признать, что французская сторона не могла отвечать за ужасную катастрофу. Редмор немедленно связался с лучшими адвокатами и собирался от имени семьи сэра Ателя (наделившей его всеми полномочиями) предъявить иск парижским властям. Ущерб он оценил в двадцать тысяч фунтов стерлингов — примерно пятьсот тысяч франков.

На бульварах начали продавать листки с сатирической песенкой на мотив «Фуальда»*, где рассказывалось об англичанине, мечтавшем взлететь с помощью врилия к солнцу, но угодившем вместо того в яму. Издатель листков быстро озолотился...

А теперь, вероятно, пришло время рассказать, что случилось с тремя действующими лицами трагедии...

III

ПОД ПАРИЖЕМ

Любой рассудительный человек, не подверженный фантастическим полетам воображения, согласится с тем, что

* Имеется в виду бывший судья и имперский прокурор, чье убийство в 1817 г. и последующие судебные процессы вызвали большой общественный резонанс. Приведенные три куплета песенки даны в пересказе.

аппарат размером с караульную будку и три человека, заваленные сотнями кубических метров камней и песка, с вероятностью 999 против 1 будут раздавлены.

И однако, изучив различные факты, приведенные в газетах, вы с удивлением заметите, какую роль в самых ужасных происшествиях играет то непонятное нам явление, что именуется случайностью.

Кровельщик падает с высоты шестого этажа, задевает за балкон и мягко приземляется на спасительную телегу с мусором; и все это — без всяких чудес, без всякого нарушения известных и установленных наукой законов!

Два автомобилиста сидят в одной машине, и оба одинаково защищены ее корпусом; тормоза отказывают, автомобиль врезается в какое-нибудь препятствие, и вот один гибнет на месте, а второй отделяется небольшими внутренними повреждениями и может спокойно требовать компенсации от Высшей Силы, неведомого творца всех наших бед.

Бушует буря, и девять из десяти кораблей спасаются от урагана и vyplывают в спокойные воды. Но десятый, новейший и самый прочный, с самым опытным капитаном, исчезает в пучине моря, а из пассажиров выживает только один, причем он хром, никогда раньше не путешествовал по морю и, разумеется, умеет только барахтаться в воде.

На тротуаре у моего дома лежит шкурка от апельсина. С утра сотни людей ходили, гуляли, бежали и галлопировали здесь, даже не глядя под ноги. Я выхожу, вижу шкурку, ударом ноги отправляю ее в сточную канаву, падаю и ломаю ногу.

Жизнь и смерть зависят от тысячи обстоятельств. Некоторые из них видимы, и мы считаем, что можем их избежать; другие сокрыты и тайком, без нашего ведома, подводят итог нашей жизни.

Нет ничего невероятней правды и ничего правдивей невероятного.

Вот почему, хотя рассказ наш может показаться удивительным и недостоверным, недоверие читателя говорит лишь о недостатке опыта.

Как сказал Араго*, слово «невозможное» существует только в чистой математике... или относится к повторению!

Поэтому было бы исключительной ограниченностью поражаться тому, что на глубине, которую мы еще не успели измерить и выразить в цифрах, мы находим...

Сэр Ателя Рэндома! Он сидит, подперев лоб рукой, погруженный в глубокие размышления...

Сидит? Но на чем?

Очень просто. На полу своего киоска, или будки, если вам будет угодно.

У него сломаны кости? Он, по крайней мере, потрясен? Ничуть. Он очень спокоен, ум его ясен, он рассуждает здраво, как никогда.

Он лишь немного удивлен тем, что: 1) оказался внутри своего летательного аппарата; 2) не слышит никаких звуков и чувствует полное и тягостное одиночество; 3) ощутил во время катастрофы скорее плавный спуск, чем падение.

Вокруг царит полная темнота; только на ощупь сэр Атель сумел разобраться, где находится.

Он ощупывал стены и пол с предельной осторожностью, зная по опыту, какую опасность может представлять неловкое движение в помещении, оборудованном со всех сторон опасными и требующими деликатного обращения механизмами.

Вследствие этого сэр Атель принял самое мудрое решение: он замер без движения и начал спокойно и последовательно оценивать свое положение.

Сэр Атель, как уже догадался читатель, обладал умом точным и методическим и рассматривал все вопросы по порядку.

Сидеть глубоко под землей в грозящей взрывом коробке было, безусловно, не лучшим на свете занятием.

Но, с другой стороны, было истинным наслаждением слышать биение своего сердца, напрягать мускулы, следить за работой мозга — одним словом, оказаться после такого переполоха живым.

* Д. Ф. Араго (1786-1853) — французский физик, астроном и политик.

И сэр Атель начал произносить про себя следующий монолог.

— Я хорошо помню, что был уже близок к успеху. Через несколько минут, путем должного приложения силы врилия, я медленно приподнял бы Врилиолет.

Я собирался, как только дверца освободится, со всей осторожностью дотянуться до центрального изолятора и нейтрализовать действие врилия, что обездвижило бы аппарат. Затем мы подняли бы его обычным способом — хватило бы канатов и нескольких сильных рук.

Что же случилось? Помню, я уже разрядил часть конденсаторов... еще две-три секунды, и я достиг бы цели. Отчетливо помню, что мне понадобился один из заготовленных инструментов... Я потянулся к верхней пружине двери... сумел просунуть руку...

Согласен, не стоило просить кого-то — месье Лаберже, если не ошибаюсь — подать мне нужный инструмент. Как раз в этот момент на меня покатилося чье-то тяжелое тело, и мой прут с наконечником из врилия ударился о стену...

Дальнейшее сэр Атель объяснил себе так: дверца каким-то образом открылась и закрылась за ним, а внезапно освобожденная сила врилия вызвала обвал и падение аппарата. Наука часто сталкивается с фактами, причины которых неизвестны; предложенное объяснение выстраивало их в систему, только и всего.

Очевидно, в результате внезапного толчка и сотрясения сработали некоторые переключатели, что привело к нейтрализации врилия — в настоящий момент аппарат казался безусловно «мертвым» и не выделял ни энергию, ни свет, ни тепло. Этим вопросом придется немедленно заняться, если ситуация позволит.

«Но все это, — подумал сэр Атель, — никак не подсказывает мне, как выбраться из более чем рискованного положения, в котором я нахожусь».

Внезапно дрожь пробежала по его телу.

Вернулась зловещая мысль, которую он на время отогнал от себя.

Он был не единственной жертвой. С ним были Лаберже, гениальный репортер, и Бобби, выдающийся британский сыщик. Погибли ли двое несчастных? Разорвали ли их на куски разряды врилия, сопровождавшие катастрофу? А может, что еще ужасней, они были раздавлены тоннами камней?..

Сэр Атель был добросердечным человеком. Его научные исследования были призваны по мере возможности способствовать процветанию всего человечества. Какое значение имела его жизнь? Он давно ею пожертвовал.

Но имел ли он право распоряжаться жизнью других? В эту минуту он не мог отрицать свою ответственность.

Почему, сознавая все опасности операции, с которыми он один мог совладать, он проявил такую слабость и позволил этим двоим сопровождать себя?

В случае Коксворда он мог сказать в свою защиту, что боксер сам вторгся к нему в дом. Сэр Атель был лишь свидетелем трагедии и никак в ней не участвовал.

Но он ни в чем не мог обвинить Лаберже и Бобби. Они последовали за ним по своей воле и ради его же блага. И ему, как честному человеку, следовало наотрез им отказать.

Быть может, им руководило нелепое тщеславие, и ему хотелось, чтобы рядом были свидетели его победы? При этой мысли сэр Атель покраснел.

Он сказал себе, что в конечном счете искупил свою вину: из бездны, где он очутился, выхода не было! Смерть будет для него подобающим наказанием.

Сэр Атель почувствовал, что слабеет под грузом этих болезненных раздумий. Вся энергия покинула его. Будь то по причине недостатка кислорода или моральных терзаний — нервы его были расшатаны, голова кружилась, перед глазами стоял туман.

Он чувствовал себя похороненным заживо и отчаянно сжимал руками грудь, сотрясаясь в конвульсивном спазме.

Этот жест спас его.

Он почувствовал под пальцами знакомые предметы — маленькие и плоские, как конфетные, коробочки. В них он держал частички врилия.

Врилий! Как! У него было это удивительное вещество, эта универсальная машина, эта панацея, эта сила, которой ничто не могло противиться! И он позволил себе упасть духом? К чему постигать одну из сокровеннейших тайн природы, если это открытие не может выручить его из беды?

И если сам он не умер, быть может, и спутники его спаслись?

Одна прикосновение к коробочкам с врилием привело сэра Ателя в чувство. Нет, нет, он не сдастся, он будет сражаться, он победит!

В темноте он словно увидел перед собой милое лицо Мэри Редмор; видение вдохнуло в него мужество.

— Я нахожусь во Врилиолете, — сказал он себе. — Но что с управлением? Это необходимо понять, и для этого мне нужен свет. Свет мне обеспечит врилий.

Существовала еще одна опасность — любое неловкое движение могло запустить механизмы и вызвать еще один взрыв, поскольку в аппарате временно хранились запасы полученного в лаборатории врилиа.

С бесконечной осторожностью сэр Атель достал из жилетного кармана похожий на карандаш стержень, с помощью которого накануне уничтожил мраморную чернильницу. Затем он повернул кольцо, регулирующее действие устройства, и нажал на кнопку. Послышался негромкий щелчок и из трубочки вырвалось пламя, похожее на огонь ацетиленовой горелки.

Яркий свет залил кабину. Она напоминала телефонную кабинку. Стены усеивали небольшие черные коробки, снабженные кнопками и рычагами. Они служили своеобразной «клавиатурой» для управления аппаратом. Пучки проводов соединяли их с маленькой сферой, расположенной на металлической стойке. Как мы уже знаем, эта стойка, проходившая сверху вниз через всю кабину, представляла собой вал, вращавший верхний и нижний пропеллеры.

С первого же взгляда сэр Атель понял, что случилось. При падении аппарата один из рычагов управления сдвинулся от резкого толчка и увеличил обороты. Двигатель придал валу пропеллера гигантскую скорость.

Верхний пропеллер был сломан, но нижний остался цел и вонзился в рыхлую землю, как штопор или, точнее, архимедов винт. Так возникла полость, куда, словно в шахту, опустился аппарат. Сила трения тормозила спуск, и он был плавным.

Но почему Врилиолет остановился?

Атель зажег настенную лампу — теперь его движения ничего не сковывало. Он снова задумался. Заряд врилия, приводивший в движение мотор и различные части механизма, почти иссяк, но все еще оставался вполне действенным. Было очевидно, что дальнейшему спуску помешала какая-то мощная преграда.

Вскоре Атель установил причину остановки.

Пройдя несколько слоев земли, песка и мелких камней, не оказывавших особого сопротивления, нижний пропеллер внезапно замер. Это огромное сверло увязло в чем-то, что не могло преодолеть. Вращательное движение прекратилось, и аппарат застыл на месте.

Сэр Атель знал, однако, что ни одно известное науке вещество не могло устоять перед силой врилия. Следовательно, необходимо было искать иное объяснение. Так и оказалось: по вине мелкой поломки, которую можно было легко устранить, прервался контакт между мотором и валом...

Короче говоря, благодаря невероятному стечению обстоятельств и превосходному качеству использованных при постройке машины материалов, Врилиолет почти не пострадал, и сэр Атель не сомневался, что сможет привести его в действие.

Но здесь возникал наиболее серьезный вопрос.

Не вызовет ли это новый обвал? Куда направить аппарат? Иными словами, где он? Как глубоко?

Английский ученый отчетливо припоминал, что на какое-то время потерял сознание... но на какое? Находился ли он на глубине десяти, двадцати, тридцати или ста метров под землей? Происходил ли спуск вертикально или под углом? На все эти вопросы ответа у него не было.

Атель поглядел на часы. Стрелки показывали час. Значит, с момента катастрофы, то есть с десяти утра, прошло

три часа. Но где доказательство, что сейчас час дня, а не час ночи?

Сэр Атель осторожно провернул колесико завода. Механический способ помог — судя по числу оборотов, был час дня. Но как долго он оставался без сознания?

Загадка не становилась проще.

И наконец, что окружает Врилиолет? Камень, песок?.. Как узнать?..

Сэр Атель решил подкрепиться и открыл коробочку с таблетками Бергло.

Всем известна гипотеза нашего великого химика: настает день, когда органическую пищу заменят для человека составляющие ее химические элементы, сконденсированная «сущность» мяса, овощей, молока — азот, углерод, фосфор и прочие вещества в виде таблеток или пилюль. Небольшого их количества будет достаточно для поддержания жизни человека и восстановления его сил.

Сэр Атель долго изучал этот вопрос и частично его решил.

В коробочке размером не больше квадратного дециметра он хранил запас провизии, которого хватило бы на целые месяцы.

Боясь, что вновь наступит физическое истощение, сэр Атель принял две богатые азотом таблетки и даже прибавил к ним чашку кофе (в виде таблетки) — он должен был мыслить ясно.

Он сразу почувствовал прилив сил и бодрости. Он готов был сражаться за свою жизнь. А на крайний случай у него оставалось последнее и самое эффективное средство: если органы оставались целы, подкожная инъекция врилиа возвращала организму жизненную энергию.

Уверенность в себе — первое условие успеха.

В тесной кабинке, где с трудом можно было повернуться, сэр Атель осмотрел один за другим все механизмы аппарата и отключил все контакты, которые могли запустить механизмы. Он ничего не оставил на волю случая — и будто генерал, тщательно изучивший все поле будущего сражения, подал сам себе сигнал к началу боя.

В этот миг он впервые поднял глаза вверх и увидел, что потолок кабинки приподнят. Верно, он ведь и сам пытался снять с аппарата верхушку в форме прусского шлема. В момент падения «крышка» Врилиолета (за неимением лучшего термина назовем ее так) перекосилась, образовав щель, через которую можно было выглянуть наружу.

Сэр Атель взобрался на сиденье. Высокий рост позволил ему просунуть голову в щель. Его окружала абсолютная темнота, однако он почувствовал на лице теплое дуновение. Казалось, вокруг лежало некое открытое пространство. Он достал свой незаменимый стержень, пригодный для любой надобности, и вытянул руку.

Из устройства ударил яркий луч света. Ученый вскрикнул от удивления. Врилиолет не увяз в плотной породе, как он думал вначале. Над ним и, главное, перед дверью — которую он не открывал, боясь, что в машину хлынет поток земли и камней — была пустота. В отдалении громоздились, как ему показалось, каменные утесы или скалы.

Не медля, сэр Атель открыл дверь, высунулся за порог и осветил темноту своим миниатюрным факелом.

Он находился в обширной пещере; стены ее состояли из огромных, наваленных друг на друга и спрессованных каменных глыб, производивших впечатление несокрушимой мощи.

Пол пещеры он не видел — между ним и Врилиолетом лежало более метра пустоты. Сэр Атель направил луч света в эту пустоту; ему почудилось, что он заглянул в глубокую, непроницаемую для глаз бездну. Затем он разглядел каменный пол, казавшийся тонким, как цементное покрытие, панцирем над бездонной пропастью.

Панцирь, однако, выглядел достаточно прочным.

Сэр Атель решился, оттолкнулся от пола кабинки, прыгнул вниз и секунду спустя уже благополучно стоял под высоким потолком пещеры.

Воздух в ней был густой, затхлый, почти удушающий и пропитанный тошнотворным запахом плесени.

Но сэр Атель не обращал внимания на эти мелочи: он был свободен! Подсознательно он боялся, что навсегда ос-

танется заперт, похоронен во Врилиолете, превратившемся в гроб... умрет медленной, ужасной смертью от удушья в тишине и неподвижности...

Ни один путешественник не испытывал такого восторга при виде широкого горизонта, ясного неба и громадных равнин с зелеными рощами, как наш ученый, окруженный со всех сторон каменными стенами. Вот доказательство того, сколь относительно все человеческие радости!

И сэр Атель с энтузиазмом воскликнул:

— Да здравствует жизнь!.. Да здравствует наука!

— Кто это там орет? — осведомился голос, исходящий будто из самых глубин земли.

IV

ВСЕ ИЛИ НИЧЕГО

Сэр Атель совершенно не ожидал услышать в этой мрачной пещере человеческий голос. На миг он задохнулся и лишился дара речи, но тут же пришел в себя и, приложив руки, прокричал в импровизированный рупор:

— Кто здесь?

Немного неразборчивый голос ответил откуда-то изда-лека:

— Я, Эзеб де Лаберже*, репортер «Нувеллиста»!

— А я — сэр Атель Рэндом!

— Черт вас раздери! (Простите за выражение, но так и было сказано). Вы тот еще субъект! В хорошенькую передрягу мы из-за вас угодили!

— Где вы?

— Не знаю... там, тут, где-то или нигде, в двухстах или трехстах футах под землей!

— Вы ранены?

* Видимо, ошибка автора, так как выше Лаберже назван Артюром.

— Не знаю... но разбит, уничтожен, не могу пошевелиться... О! все бы отдал за коктейль в кафе «Бубурош»!

— Не падайте духом! Мы выберемся! Главное, что мы живы!.. Послушайте! — Он повел лучом вокруг себя. — Вы видите свет? отражение?

— Ничего не вижу... Голова кружится...

— Ладно! Не двигайтесь и ждите!

Лаберже порывал что-то неразборчивое.

Сэр Атель, чья способность мыслить логически полностью восстановилась, быстро заключил, что пещера, где он находился, должна быть связана с другой полостью или пещерой и что пол первой пещеры образовывал, вероятно, потолок второй.

Вооруженный светильником, он начал внимательно осматривать пещеру, постепенно приближаясь к Врилиолету, занимавшему один из углов.

Он дважды обошел пещеру, но — к своему удивлению — не нашел ни следа отверстия, сквозь которое Лаберже мог бы, так сказать, «провалиться в подвал».

Неожиданно он остановился перед черноватой массой, которую замечал и раньше. На первый взгляд она показалась ему камнем, окрашенным чуть темнее остальных.

Но сейчас он задел эту массу ногой и был изумлен, ощутив что-то мягкое и пружинистое. Он наклонился и пощупал находку ладонью.

— Какая-то груда тряпок, — пробормотал сэр Атель. — Если только...

Да, под грудой тряпок прощупывалось тело! Тело какого-то существа!

Но он тщетно старался разглядеть при свете своей лампы форму, очертания этого тела. Он видел только размытый округлый контур под чем-то, походившим на черную ткань.

Внезапно он вскрикнул: это было человеческое тело, но так плотно засевшее в камнях, что вытащить его не представлялось возможным.

Жив ли этот человек? Умер? Несчастный лежал неподвижно — ни конвульсий, ни дрожи... И все-таки, приложив

ладонь к ткани, сэр Атель почувствовал теплоту.

Он опустилсЯ на колени, прижался ухом к ткани и прислушался.

Человек дышал! Он был жив!... А ткань была сюртуком, английским сюртуком...

И с губ сэра Ателя сорвалось имя:

— Бобби!

Под сюртуком что-то зашевелилось. Значит, Бобби услышал... Его голова где-то там, внизу...

Сэр Атель лихорадочно раздумывал. Самое простое — схватиться за сюртук со спины и вытащить Бобби. Но камень так плотно прилегал со всех сторон, что это едва ли удалось бы сделать.

К счастью, сэр Атель не готов был так легко сдаться. Он с усилием просунул руки между каменной кромкой и телом, расставил ноги, напрягся и принялся изо всех сил расшатывать каменную гробницу, сдавливавшую грудь несчастного.

Затем в него закрался новый страх — тело, освобожденное из каменных объятий, могло упасть в нижнюю пещеру. Следовательно, сэру Ателю необходимо было приложить всю свою недюжинную силу в двух направлениях — одной рукой высвобождать, а другой придерживать тело...

Наконец тело чуть наклонилось, показались плечи и голова. Последнее усилие — и Бобби, да, Бобби появился из дыры, где так неловко застрял.

Но в каком он был состоянии! Бледный как смерть, с закрытыми глазами и раной на лбу, из которой текли капли крови!..

Сэр Атель проверил его пульс, прощупал грудь. Ничего не сломано. Это было чудом. После падения Бобби просто лишился чувств. Врилий, скорее!..

Портмоне ученого можно было смело назвать настоящим ящичком для инструментов вкупе с медицинским арсеналом. Сэр Атель мигом достал маленький шприц, обнажил голень Бобби и сделал инъекцию.

Затем, в ожидании целебного эффекта, сэр Атель вернулся к тому месту, откуда слышал голос Лаберже. Рядом,

однако, он не нашел ни единой трещины в полу пещеры. Быть может, голос Лаберже доносился из отверстия, в котором застрял бедняга Бобби?

Сэр Атель оказался прав — Лаберже, потеряв терпение, начал кричать снизу:

— Эй, вы там, наверху! Хотите, чтобы я сгнил в этих ка-
такомбах? ..

Тело Бобби больше не закрывало отверстие, и голос ре-
портера звучал громко и отчетливо. По той же причине жур-
налист прежде не видел луч фонаря сэра Ателя, но теперь
заметил его прямо над собой.

— Послушайте! — крикнул сэр Атель. — Мы не можем
скрывать от самих себя, что наше положение более чем кри-
тическое. Во-первых, хочу вам сказать, что Бобби здесь, со
мною, и через несколько минут оправится...

— Здорово! — ребячески отозвался Лаберже. — Не хоте-
лось бы его потерять.

— Мы трое сможем объединить усилия... Попытаемся
выбраться отсюда. Мы должны оставаться спокойными и
призвать на помощь всю свою сообразительность. Вы суме-
ли немного отдохнуть?

— Да, да... Если бы я мог что-то видеть, я был бы в пол-
ном порядке... но в незнакомой и темной пещере, знаете ли,
приходится трудно...

— Я попробую осветить ее, как смогу. Отвечайте на мои
вопросы.

— Хорошо!

Сэр Атель лег на землю и просунул руку со стержнем в
отверстие.

— Замечательно! — крикнул снизу Лаберже. — Газовое
освещение на всех этажах! Что может быть лучше!

— Вы можете встать и оглядеться?

— Я уже на ногах. Тут не очень приятно. Какой-то грот
или пещера... но колоссальная!

— Какова примерная высота потолка?

— Хм... не могу точно разглядеть... метров пять или
шесть...

— Вы можете подняться к отверстию?

— Нет! никаких уступов! Стены ровные, негде поставить ногу и даже ногтем зацепиться!

— То есть к нам вы взобраться не можете?

— Никак. Разве что по лестнице из трех акробатов...

— Дайте подумать! Я оставлю вас на минутку в темноте — нужно присмотреть за Бобби.

— Конечно! Я весь терпение!

Сэр Атель услышал, что Бобби зашевелился за его спиной. Он обернулся. Бобби привстал и смотрел на него широко раскрытыми, непонимающими глазами. При этом он странно жестикулировал, словно неслышно обращаясь к кому-то невидимому. Очевидно, пережитое потрясение несколько расстроило его умственные способности. Когда сэр Атель приблизился, Бобби в страхе отшатнулся.

Сэр Атель мягко заговорил с ним, и лицо Бобби мало-помалу обрело обычное выражение. Наконец он узнал собеседника и вскричал:

— Боже мой! Ура Англии! Да здравствует Его Величество король и император!

Это патриотическое излияние вернуло детективу уверенность в себе.

— Итак, мы живы! — сказал он. — О, миссис Бобби будет рада это узнать! Я немедленно отправлю ей телеграмму.

— Гм-м! — произнес сэр Атель. — Прошу заметить, дорогой Бобби, что прежде нам необходимо выбраться отсюда.

Бобби с немного загнанным видом огляделся:

— Господи! Где мы?

— Говоря попросту, в нескольких сотнях футов под землей.

— Ох! — воскликнул детектив. — Глубоко... Мы обречены?

— Пока кровь бежит в наших венах, разум ясен, а мускулы крепки, отчаиваться нечего, — ответил сэр Атель. — Вы не пострадали?

— Ничего серьезного.

— Можете мыслить здраво?

— Почти.

— Так вот, я, сэр Атель Рэндом, заявляю вам, что мы не должны признавать поражение, пока не испробуем все способы выбраться из этой ловушки. Вспомните, Бобби, что вы британский гражданин. Мы с вами должны защитить честь нашей страны. Не забудьте, внизу под нами француз, который увидит все.

— Француз? Какой француз?

— Ваш приятель Лаберже.

— В самом деле? Так он не более мертв, чем мы!

— Вы можете наклониться к этому отверстию и поговорить с ним.

— Эй! Месье Лаберже, how do you do?...

— Quite well, much obliged!* — с громким смехом отвечал репортер.

— Где вы?

— Сказал бы, да сам не знаю. Но сейчас пусть лучше сэр Атель расскажет, есть ли у него какие-нибудь мысли насчет спасения наших потрохов.

— Я обращаюсь к вам обоим, — сказал англичанин. — Мы оказались в некоей пропасти. Глубину ее мы не знаем. Врилиолет чудесным образом пережил катастрофу и проделал своеобразный колодец, на дно которого мы упали. Вы находились над ним, возможно, на крыше. Скалистые породы остановили Врилиолет. Вы, месье Лаберже, попали в ту же пещеру, что и мы с мистером Бобби; но в полу ее есть отверстие, куда вы провалились и, к счастью, не переломали себе кости... Мистер Бобби полетел туда же вслед за вами, но застрял в отверстии, сжатый со всех сторон, как алмаз в золотом кольце... Я его вытащил, но хотелось бы сделать и большее. Давайте подумаем. Взобраться вверх по колодцу мы не в силах, к тому же он, вероятно, завален камнями, а снаряжения для подобного подъема у нас нет. Даже врилий не может нам помочь.

Заключение таково: нужно искать другой выход.

* Как ваши дела? — Вполне хорошо, благодарю вас (англ.).

Некоторые обстоятельства — темнота, голод — нам не страшны. Врилий поможет нам преодолеть физические преграды. Мы будем искать и с помощью науки, возможно, найдем путь к поверхности земли...

— Ах! Париж! Бульвары! — комически простонал Лаберже. — И стаканчик доброго пива!

— И последнее. Поскольку вы, Лаберже, не можете пасть наверх, нам придется спуститься к вам. Оттуда мы и начнем исследование пещеры... Мистер Бобби, у вас есть возражения против этого плана?

— Никаких! — ответил Бобби, выпятив грудь. — С врилием я готов идти хоть на край света!

— К несчастью, край нашего света сейчас довольно близко... Начнем. Мистер Бобби, оставайтесь на месте. Я вернусь во Врилиолет, в бедную изувеченную машину... Мне нужно кое-чем запастись. Мистер Бобби, вытяните руку со светильником и посветите мне...

Сэр Атель подтянулся и забрался в кабинку. Через пять минут он появился с небольшой коробочкой и мотком провода толщиной с мизинец в руках.

— А теперь, дорогой мистер Бобби, окажите мне честь и поднимите руки. Я обвяжу вас под мышками и спущу к вашему другу, месье Лаберже. Вы не возражаете?

— С этого момента позвольте считать, что я на службе, а вы — мой начальник...

— Perfectly well! Go on!*

Через минуту Бобби был прочно обвязан и, с врученной ему сэром Ателем коробкой в руках, скользнул в отверстие, позволявшее свободно спускаться в вертикальном положении.

Начался спуск.

Пять метров! Лаберже был прав. Все прошло гладко.

— Бобби у меня в руках! — крикнул Лаберже. — Сердце так и колотится... Кстати, а как вы собираетесь к нам присоединиться?

— А вот как!

* Прекрасно! Вперед! (англ.).

Сэр Атель, гибкий и мускулистый, повис на руках на краю отверстия, разжал руки, упал вниз, покатился по полу и сразу вскочил на ноги. Миг спустя он зажег свой фонарь.

— Примите по таблетке Бертло, — сказал он. — Нам понадобятся все силы.

— Неплохо, — заметил Лаберже, разжевывая таблетку, — но с отбивной не сравнишь...

— Нам не до чревоугодия. Коробку, мистер Бобби!

Сэр Атель открыл коробку и достал два стержня, которые также превратил в фонари и вручил своим спутникам.

— Осмотримся, — сказал он.

Двигаясь гуськом, они стали осматривать громадное подземное пространство, ставшее их тюрьмой. Сэр Атель шел впереди.

Внезапно он испустил крик радости.

— Есть проход...

Сэр Атель только что заметил очень длинную и узкую трещину, казалось, проделанную в стене топором.

— Мы спасены! — оптимистичным тоном заявил Бобби.

— При условии, — заметил сэр Атель, — что этот коридор, который кажется мне очень узким, нас куда-то выведет...

— Везде лучше, чем здесь!...

— Это правда, — согласился Лаберже. — Только подумайте, что сейчас над нами ходят, прогуливаются, шутят парижане!.. А прямо над моей головой, возможно, находится пивная! Ну да ладно! Куда, черт побери, подевался наш англичанин?

Пока он говорил, сэр Атель решительно шагнул к трещине и исчез из виду.

— Пойдите там! — крикнул из трещины ученый. — Нам не стоит рисковать всем троим!

Последовало долгое молчание. Затем раздался голос:

— Идите сюда!... Только осторожно, спуск довольно крутой...

— Спуск! — вздохнул репортер. — Ах! мы и не собирались спускаться, как говорил старина Корнель. Кто знает, дружище Бобби, может, мы выберемся отсюда к антипо-

дам, на какой-нибудь неизвестный остров в Тихом океане... Мне-то все равно, но идти придется долго, а у меня через два часа назначено свидание на улице Тетбу!*

И он быстро протиснулся в туннель, задевая за стены широкими плечами. Бобби послушно двинулся следом.

— Ну-с, что вы думаете о нашем положении, месье дю Вриль? — спросил репортер, нагнав сэра Ателя.

Ученый, расставив ноги, освещал лучом света вернюю часть стены.

— Вы не геолог? — спросил он Лаберже.

— Хм! Я имею некоторое представление о геологии, как и обо всем остальном... Хороший журналист должен во всем разбираться — а вдруг окажешься на конференции в Сорбонне, посвященной вращению земного шара...

— Хорошо! Вы меня поймете, а это все, что требуется... Должен признаться, я крайне поражен. Как и вы, я не знаю, на какой глубине мы находимся; поэтому я не мог представить себе строение слоев. Окружающие нас породы относятся к последней эпохе третичного периода, которую мы называем миоценом. Вслед за ним начался плиоцен... Именно в это время сформировалась почва, на которой стоит ныне Париж...

— В таком случае, — сказал Лаберже, с сожалением закуривая свою последнюю сигарету, — это было задолго до 1830 года...**

— С тех пор прошли сотни тысяч лет...

— А камень хорошо сохранился... и не скажешь...

— И все-таки, какие перевороты, какие потрясения пережила Земля в это время! — воскликнул сэр Атель. — Могучие природные катаклизмы, какие мы не можем даже вообразить, с удивительной быстротой изменяли климатические условия... яркое солнце и тропическая жара почти мгновенно сменялись ливнями и снежными бурями, яростно

* Эта улица с XIX в. известна и описывалась в литературе как место, где жили куртизанки и содержанки состоятельных парижан.

** Намек на «Июльскую революцию» 1830 г., покончившую с властью Бурбонов.

хлещущие ветры превращали сугробы в ледники... То было время микролитов и вулканических извержений в Оверни...

— Уважаемый сэр, — вмешался репортер, — простите, что я вас прерываю, но не могли бы вы отложить эти объяснения... Время идет (он посмотрел на часы), скоро час аперитива...

— Вы правы! — засмеялся сэр Атель. — Когда ученым овладевает демон науки, он забывает обо всем...

— По крайней мере, может эта наука и все ее зубодробительные термины указать нам путь к спасению?

— Увы! Ничуть! Но катаклизмы, происходившие в ту эпоху, были столь колоссальны, что допустимы любые гипотезы... Мы можем найти выход в самый неожиданный момент...

— Или не найти его совсем! Это совершенно понятно. Так или иначе, я веду записи. Это будет мой лучший репортаж! У меня уже есть название: «Путешествие в миоцен»! Но должен сказать, что мне очень хочется увидеть его напечатанным...

Они двинулись вперед. Коридор внезапно расширился; идти, однако, стало труднее — камни и выбоины заставляли путешественников спотыкаться на каждом шагу.

И вдруг у всех троих одновременно вырвались возгласы изумления и разочарования.

Перед ними, перегораживая весь туннель, высилась ровная, гладкая стена, словно отлитая из бетона. Ни единой трещины или отверстия... Длинный коридор, по которому они так долго шли, упирался в тупик...

Лаберже был так разочарован, что позволил себе энергичное непарламентское выражение. Храбрый Бобби, тщательно следивший за корректностью костюма и манер, повторил то же на своем языке...

Молчал лишь сэр Атель. На его лбу выступили крупные капли пота.

Это был конец, отчаяние, смерть...

Даже если они повернут назад, через два с лишним часа они окажутся в пещере, из которой никакого другого выхода нет.

Они окружены, отрезаны, похоронены заживо...

— Нас п... — лаконично сказал Лаберже.

— Прощайте, миссис Бобби, — с горечью прошептал детектив.

— И все это моя вина! — воскликнул сэр Атель. — Поскорей бы смерть избавила меня от вечных сожалений!

— Не сокрушайтесь так, старина, — принялся утешать его Лаберже. — Нашей прекрасной карьере пришел конец, и лично я убежден, что моя гибель станет истинной катастрофой для мира. Правда, мир ее переживет. Нам остается только с достоинством уйти. Эта мысль меня несколько раздражает: я всегда мечтал умереть красиво, но протянуть ноги в грязной и уродливой пещере, пусть и эпохи плиоцена... Жаль, что нам никто не сервирует прощальный обед с шампанским, кофе и ликерами... выбираю шерри или «Фернет-Бранка»!

Бобби готов был заплакать, как ребенок:

— Я не хочу умирать... Сделайте что-нибудь, сэр Атель. Вы ученый. У вас есть врилий.

Услышав это слово, сэр Атель поднял голову. Да, Бобби прав. У него в руках огромная сила. Можно ли ее не использовать, пускай даже безрассудно, безумно? Всякая надежда потеряна — что ж, пришло время рискнуть всем!

— Послушайте, друзья, — твердо сказал он. — Мистер Бобби прав. У меня есть врилий. В коробке есть инструменты. Я могу попробовать пробурить стену, что преграждает нам путь... а за ней... быть может, нас ждет спасение.

— Отлично, — сказал Лаберже. — Действуйте.

— Но знайте, что риск велик... Стена может являться одной из опор потолка... потолок может рухнуть, и тогда... мгновенная смерть...

— И тогда мы умрем, только и всего. Если мы будем продолжать сидеть здесь и рассуждать, то рано или поздно лишимся рассудка... А это будет очень неприятно... начнем спорить, драться... даже пожирать друг друга...

— Брр! — сказал Бобби.

— Да, дитя мое!.. Когда теряешь голову, вполне может вздуматься пожевать руку... Месье Рэнсом, даю вам полное

согласие... Пусть ваше сверло из врилия вламывается, впи-
вается, режет, крушит эту стену... Что бы ни случилось, я
за... И помните, что я, Лаберже, не держу на вас никакого
зла. Не ваша вина, что этот идиот Коксворд разбился в ва-
шем летательном аппарате. Я видел, как вы рисковали всем,
чтобы исправить причиненный им урон и избавить наших
прекрасных парижан от сильнейшего страха. Вы рискнули
даже своей жизнью, но все пошло не очень гладко. Мы-то
с Бобби здесь добровольно, мы сами этого хотели. Вот вам
моя рука — пожмите ее, как друг, с которым я предпочел бы
чокнуться рюмочкой лучшего вермута на террасе кафе «Кар-
динал»... или «Верон», если там вам больше нравится. По
крайней мере, мы примем смерть мужественно, с философ-
ским спокойствием, сожалея только, что нам не выпало по-
жить еще немного...

Лаберже, не отличавшийся сентиментальностью, про-
изнес эту тираду немного хриплым голосом — его слова ис-
ходили от самого сердца и комком застревали в горле.

Сэр Атель пожал протянутую руку репортера.

— Вот и моя рука, — сказал Бобби, протягивая руку. — Я
также ни в чем вас не виню.

Все трое обменялись рукопожатиями.

— Ну и картина... «Клятва Горациев»!* — вставил неиспра-
вимый Лаберже.

Сэр Атель не произнес ни слова: бледный, но очень спо-
койный, полностью владея собой, он склонился над короб-
кой, которую Бобби поставил на пол, и стал тщательно вы-
бирать инструменты.

Затем он выпрямился с широкой улыбкой на лице.

Несмотря на страшную опасность, грозившую ему и его
друзьям, страсть к науке влила в сэра Ателя новые силы... Его
ждал один из интереснейших экспериментов, в каком мог
проявить себя врилий.

— Отойдите на несколько метров, — сказал он, — иначе
вас могут задеть обломки камня... а мы и без того рискуем...

* Знаменитое полотно французского живописца Ж.-Л. Давида (1748-1825).

И сэр Атель приложил к стене нечто похожее на бур, укрепленный на конце крепкого металлического прута и снабженный маленькой сферой — очевидно, в ней находился врилий.

Он нажал на рычажок: вылетела искра, раздался скрежещущий звук, как будто что-то вращалось с немыслимой скоростью... Бур прошел слой гипса и в воздух поднялись, постепенно опадая, мельчайшие частицы пыли...

— Победа! — воскликнул сэр Атель. — Толщина стены не превышает тридцати дюймов. У нас получится!

Он отвел бур, оставивший в стене большое отверстие, после вновь начал терпеливо сверлить в другом месте, как грабитель, вскрывающий банковский сейф.

Через несколько минут в стене образовался прямоугольник из отверстий, соединенных тонкими перемычками.

Сэр Атель сменил наконечник аппарата на нечто похожее на молоток и снова нажал на рычажок. На сей раз посыпались искры подлиннее; они трещали, как револьверные выстрелы.

Каменная панель пошла трещинами, подломилась, упала...

В стене появился проход площадью с квадратный метр. Путь был свободен.

Сэр Атель просунул в отверстие голову, плечи и руки, осветил своим фонарем-стержнем и вдруг закричал:

— Друзья!... чудо!... алмазная пещера!

V

НЕВИДАННЫЙ ЗВЕРИНЕЦ

Нет, не алмазы! Лед!

Сверкающие грани, вращающиеся звезды, горящие небесные светила.

Под светом трех лучей врилия они взрывались снопами искр, испускали сияние, вспыхивали огненными цветами в кристаллической пыли...

Опьяневшие при виде этого волшебного мира, путники беспорядочно направляли лучи во все стороны; вспышки их, как ликоподий*, осыпались метеоритным дождем, пере-ливались всполохами северного сияния, крутились светя-щимися колесами, то пропадая на темном, как бесконеч-ное космическое пространство, фоне, то летя в пустоту, как огненные пули.

Сэр Атель первым с энтузиазмом выбрался из прохода и очутился на открытой площадке — вершине громадной колонны, откуда была видна вся пещера. Казалось, бесконечные отражения ее сверкающих сокровищ и разноцвет-ных кометных хвостов все множились, уходя в бесконеч-ность...

Лаберже и Бобби последовали за ним.

Ошеломленные, с расширенными зрачками, они вбира-ли в себя эту пьянящую красоту и наслаждались, как дети, великолепными соцветиями гигантского калейдоскопа. Они позабыли об усталости и пережитой ими смертельной опас-ности, они купались в этом великолепии, пронзавшем все их существо, воспламенявшем в них желание жить!

Сэр Атель первым пришел в себя. С трудом заставив се-бя отвлечься от красот пещеры, он попытался оценить ее размеры, установить ее происхождение и положение отно-сительно поверхности.

Он не сомневался, что этот ледяной грот возник в те да-лекие времена, давность которых еще не сумела определить наука. Пещера возникла в период одного из теллурических катаклизмов, сформировавших земную кору.

Она была огромна. В свете фонаря он видел лишь изло-манные пики, острые иглы, квадратные башни, напомина-вшие средневековые замки, платформы и балюстрады, на-рушавшие все законы тяготения...

* Мелкие сухие споры растений рода Плаун; используются в медицине и иногда добавляются в состав бенгальских огней.

Внизу громоздились возвышенности, холмы, усеянные остриями террасы; ледяные иглы тянулись к свисавшим сверху сталактитам.

А между ними — глубокие, темные, почти черные провалы.

Далеко, на краю поля зрения, на близине фирна выделялось огромное пятно; на самой вершине пика поближе виднелось еще одно, похожее по форме на гигантскую летучую мышь.

Сэр Атель неожиданно ощутил резких холод; ничего общего с теплом соседних пещер, где они пробыли так долго... Он повернулся к проходу и почувствовал, как оттуда в пещеру вливается быстрый поток тепловатого воздуха. Достав карманный термометр, он определил, что в пещере было минус шесть градусов — такая температура не представляла опасности для человеческого организма.

— Ну что, друзья, нравятся вам декорации? — обратился он к своим спутникам.

— Чудесно! Прекрасно! Восхитительно! Изумительно!

Восклицания звенели прилагательными, эпитеты буйствовали...

— «Шатле» бледнеет рядом с этой сценой! Не хватает только танцовщиц в трико! — заявил Лаберже.

— Рождественская сказка! — добавил Бобби.

— Я разделяю ваше восхищение, — сказал сэр Атель. — Но нам впору умерить восторги. Во-первых, здесь довольно холодно...

— Верно. У меня пальцы онемели.

— Во-вторых, нам не помешает разобраться в ситуации...

— Я не против... Где мы?

— На вершине колонны, состоящей из камня и льда, — ответил сэр Атель. — И, чтобы окончательно вырвать вас из царства снов и вернуть к реальности, могу добавить, что мы, если только осмотр пещеры не опровергнет мои слова, ничуть не продвинулись... Мы знаем, как попали сюда, но не знаем, как отсюда выбраться...

— Проклятье! Я и забыл, — сказал Лаберже. — Ни минуты покоя, даже в ста футах под землей! Впрочем, я получил

свои десять минут наслаждения... Говори же, о божество мудрости, и объясни нам, что к чему...

— Прежде всего, инструменты с нами? Коробка?

— У меня под мышкой, — ответил Бобби. — Я следую приказу...

— Хорошо. Врилий нам еще пригодится. Первым делом нам нужно спуститься...

— С нашего насеста, — подсказал Лаберже. — Но я не понимаю, как это осуществить.

— Пустяки... Я вижу природные ступеньки, а в случае необходимости врилий вырубит для нас лестницу. Но прошу вас, месье Лаберже, оглянитесь вокруг и скажите, что вы думаете об этой пещере.

— Вижу, что она огромна... настоящий собор... Погодите-ка, что это там внизу, между двумя ледяными пиками? Что-то колоссальное, совершенно черное... округлое и блестящее...

— Да, вижу. Оно не движется, не так ли?

— Нет. Но их здесь много... Возможно, это громадные обломки черного камня... базальта, гранита... Или что-то наподобие морен — скал, которые выносит на край ледника тающий лед...

— Возможно, — уклончиво ответил сэр Атель. — Я хотел бы это осмотреть.

— Мы пойдем вместе.

— Я пойду один, если позволите.

Властный и почти безапелляционный тон сэра Ателя немного удивил Лаберже; но он успел проникнуться к ученому глубоким уважением и не стал возражать.

— Давайте сперва отдохнем, — уже спокойней предложил сэр Атель. — Нам необходимо поспать. Нужно найти место, где не так холодно...

— Мы можем вернуться назад, — сказал Бобби, указывая на отверстие в стене.

— Думаю, это будет невозможно, — возразил сэр Атель.

— Почему?

— Сами судите. Вершина колонны, где мы находимся, покрыта смерзшимся слоем снега. Приглядитесь внимательно

ней, и вы увидите, что поток теплого воздуха из отверстия уже начал растапливать замерзший участок. Если мы уйдем, то не сможем снова вернуться сюда — снег провалится под нашими ногами, и мы полетим в пропасть.

— Правильно, черт побери! — воскликнул Лаберже. — Но ваш врилий годится, кажется, для всего. Очистим вершину и устроим спальню здесь. Относительно теплый воздух будет кстати.

— Попробуем! — согласился сэра Атель.

Пламя врилия вновь сотворило чудо. Вскоре от снега и льда была очищена круглая площадка диаметром в четыре метра. Скалу высушили горелкой, и путешественники улеглись, не слишком тревожась о будущем.

Лаберже и Бобби сейчас же глубоко заснули.

Но сэра Атель бодрствовал, как добровольный часовой.

Он хорошо понимал, что на этой изолированной вершине ему и его товарищам ничего не угрожает. Однако его продолжала преследовать какая-то смутная, туманная мысль. Она внушала сэру Ателю страх перед новыми опасностями — много более ужасными, чем те, что они уже преодолели.

Он терпеливо ждал. Лаберже храпел, Бобби тяжело дышал во сне. Спутники крепко спали. Он мог действовать.

Сэра Атель надел на голову металлическое кольцо, к которому прикрепил фонарь, и с предельной осторожностью скользнул на склон. Затем он начал спускаться.

Сэра Атель был, как и все англичане, с детства приучен к физическим упражнениям и различным спортивным играм и состязаниям, а вдобавок отличался исключительной силой. Он искусно использовал малейшие трещины в камне и слое льда. Вскоре он оказался на уступе, где смог немного отдохнуть. Он глубоко вдыхал свежий воздух, наполнявший тело бодростью. Конечно, он пока не мог похвастаться, что спас друзей от подстроенного судьбой несчастья — но за все время этого приключения никогда еще не чувствовал себя таким свободным и сильным. Он вступил в борьбу и был уверен, что победит.

Сэра Атель возобновил спуск. Теперь ему открылось дно пещеры — беспорядочный лабиринт громоздившихся друг

на друга, застывших от холода слоев. Они напоминали бурные воды реки, которые внезапно, не завершив движения, замерзли и превратились в лед.

У подножия колонны находилось обширное открытое и темное пространство, своего рода возвышенность, похожая на те пятна, что он видел сверху. Вокруг нее кольцом залегал лед, и темная масса ярко выделялась на фоне ослепительной белизны. Сэр Атель наконец спустился на эту галерею. Самое трудное было позади. Его охватило острое любопытство, сердце забилося так сильно, что готово было, казалось, выскочить из груди.

С большими предосторожностями, опасаясь поставить под угрозу успех своего предприятия, молодой англичанин обогнул ледяную корону.

В свете фонаря он увидел темные пятна; они были поменьше замеченных прежде. Под ногой что-то хрустнуло. Сэр Атель отсоединил фонарь, нагнулся и посветил; затем он поднял непонятный полураздавленный предмет — и невольно вскрикнул от изумления.

Он был достаточно знаком с палеонтологией и мгновенно узнал кость крыла птеродактиля — вымершего животного, чей череп заставил великого анатома Ричарда Оуэна* воскликнуть, что никогда еще природа не создавала орган позвоночного с такой экономией материалов, объединив в нем легкость и силу.

Это открытие подтвердило некоторые мысли, в которых сэр Атель, из научной скромности, и сам себе не признавался. Он решительно покинул ледяной островок и зашагал к огромному черному пятну — тому самому, что первым привлекло его внимание.

Вскоре он понял, что это не базальтовая скала или гранитная масса, а цельный труп гигантского мамонта, также давно вымершего и известного нам в основном по скелетам из глубины палеозойских слоев.

* Р. Оуэн (1804-1892) — виднейший английский зоолог и палеонтолог, предложивший термин «динозавр».

Да, это был мамонт, колоссальный, величественный зверь, один из черновых эскизов природы; его потомком, но только в три раза уменьшенным, стал слон. Дрожа от волнения, сэр Атель разглядывал чудо, прежде встречавшееся лишь в Сибири: холод полностью, вплоть до шкуры, законсервировал громадное животное. Он забрался на плечо чудовища, чтобы поближе рассмотреть голову с двумя изогнутыми бивнями, ощупал руками замерзшие волосы, спустился к огромным ногам, словно высеченным из мраморной скалы.

Он больше не думал об опасности, которой подвергался он и его спутники; он очутился в мире научной мечты, он прикасался к этим конечностям, что не приподняла бы никакая человеческая сила... какой триумф для исследователя!.. какой победоносный ответ противникам теории эволюции!..

Будто в приступе безумия, сэр Атель взобрался на тушу мамонта: отсюда он мог лучше разглядеть другие темные пятна. Теперь он уже не сомневался, что то были допотопные существа, жившие задолго до человека... Когда беглый осмотр подтвердил его гипотезу, он соскочил вниз и бросился к ним.

Он увидел неповрежденную и недвижимую тушу мегатерия с массивным крупом и передними лапами, вооруженными похожими на сабли когтями. Когда-то эти когти хватали и разрывали добычу.

Дальше лежал на боку и словно спал мастодонт, млекопитающий гигант примитивных эпох — рост шесть метров, длина восемь, не считая хобота!

Мегацерос, предок нашего оленя, вероятно, застигнутый врасплох и скованный холодом, веером вздымал на высоту четырех метров свои огромные рога... Он припал на передние ноги и, казалось, готов был завершить прыжок, прерванный катаклизмом.

Сэр Атель чуть не упал, споткнувшись о ледяную мушкетерскую пасть двухметрового крокодила; тот застыл с воинственно раскрытой пастью.

И наконец, он добрался до двух шедевров коллекции — трудно было иначе назвать это поразительное собрание чудовищ.

Первым был бронтозавр, гигант среди динозавров; он достигал в длину не менее пятнадцати метров и весил более пятнадцати тонн! Туловище его было вытянуто, длинная шея поднимала в воздух маленькую голову.

Черное пятно, замеченное Лаберже, оказалось динорнисом, прототипом нашего страуса — колоссальной птицей, достигавшей более трех метров в высоту. Птица стояла, опираясь о камень, и сохранилась на удивление хорошо; ее длинные жесткие перья до сих пор блестели.

Какая катастрофа породила это вызывавшее оторопь явление?.. Очевидно, на весь регион с молниеносной быстротой надвинулась жесточайшая волна холода; животные в ужасе бежали, забыв о вражде и соперничестве... Внезапные снегопады и лед загнали их в эту каверну, где холод застиг их и мгновенно заморозил их кровь и плоть... После над ними сомкнулась бездна, и они навсегда остались похоронены в ледяной гробнице...

Прошли века и тысячелетия... Устрашающие примеры первых творческих усилий природы так и пребывали бы в неизвестности — но их сон был потревожен, потому что боксер Джон Коксворд, украв часы и спасаясь от преследователей, перебрался через ограду дома сэра Ателя Рэндома и спяну, в страхе, попытался укрыться в Врилиолете!

Какие шутки выкидывает судьба!

Сэр Атель утомился после долгого путешествия по пещере, однако не решался оставить товарищей в одиночестве — проснувшись и не найдя его, они могли испугаться и вытворить какую-нибудь глупость...

Радуюсь открытию и напрягая мускулы, мужественный англичанин вновь поднялся на вершину колонны, где оставил Лаберже и Бобби. Те лежали спокойно и без движения, храпя и громко дыша. Сэр Атель опустился на землю и заснул глубоким сном.

Он спал бы не так мирно, если бы знал, какая ужасная катастрофа вскоре постигнет Париж!

VI

ОБВАЛ

Бобби проснулся первым. В полусне он еще видел себя у моря, в деревеньке Инверстед близ Гастингса, в маленьком чудесном коттедже — четыре комнатки и подвальный этаж — который миссис Бобби унаследовала от дяди.

Там они мечтали закончить свои дни.

Бобби внезапно вздрогнул: что-то упало ему на веко. Он пошевелился. Что-то упало на нос... на этот раз он чихнул, встряхнулся, открыл глаза... Фонарь лежал чуть поодаль. Он ничего не заметил, и вдруг что-то снова упало на нос.

Происходило нечто странное. Он прикоснулся рукой к лицу: лицо было мокрым. Провел ладонью ниже, к воротничку, и открыл неприятную правду — сюртук, жилет, белье совершенно промокли... шел дождь!

Он вскочил на ноги и очутился в луже.

— Господа! — воскликнул Бобби. — Тревога! Нас затопило!

При звуке его голоса Лаберже и Атель резко проснулись; оба вскрикнули от удивления, обнаружив себя в воде.

— Потоп! — сказал Лаберже. — Напоминает Иври!*

Но сэру Ателю было не до шуток. Он быстро понял, что дождь был вызван таянием сталактитов, свисавших с потолка. Он прислушался и, кажется, расслышал тихое и непрерывное журчание ручейков. В то же время, он не сомневался, что скала, приютившая путников, утратила большую часть своего покрова из снега и льда. Трещины и уступы, ставшие для него подспорьем в ночной экспедиции, теперь исчезли.

— Оттепель, — сказал он. — Сквозь отверстие, что мы проделали в стене, начал поступать теплый воздух...

* Речь идет о «великом наводнении» 1910 г. в Париже. Фотографии и открытки с видами затопленной набережной д'Иври и парижан на лодках широко разошлись по миру.

— Отлично! — отозвался Лаберже. — Скоро нам понадобятся летние пиджаки...

Но Атель возбужденно наклонился к нему.

— Не смейтесь, — сказал он, понизив голос. — Это бедствие, если не окончательная катастрофа. Лед играет роль цемента, скрепляя эти громадные скалы. Кто знает, не рухнут они на нас?

— Дьявольщина! Опять какие-то глупости... Я хочу убраться отсюда.

— Мы попробуем... Но нечего скрывать: положение критическое, как никогда.

Сэр Атель вдруг замолчал. На его лице, несмотря на все усилия овладеть собой, проступила такая глубокая тревога, что заволновался и беспечный Лаберже.

— Эге? Что это с вами?

Атель подошел к краю обрыва.

— Прислушайтесь! И скажите мне оба — либо у меня шумит в ушах, либо я схожу с ума, либо...

— Я что-то слышу, — удивленно сказал Бобби.

— Это правда! — воскликнул Лаберже. — А вон там что-то зашевелилось. Смотрите! Вам не кажется, что эти огромные черные пятна, замеченные нами раньше, начали двигаться?..

Они зажгли фонари и наклонились вперед, посылая лучи в темноту... В нагромождениях гранита и базальта что-то шевелилось, трепетало...

— Камни ожили! Что происходит? — сдавленным голосом спросил Лаберже.

— Происходит то, — в отчаянии воскликнул сэр Атель, — что мы становимся сейчас очевидцами самого поразительного явления со времен формирования первых геологических слоев... Там, внизу, под нами и вокруг нас, в далекие эпохи, давность которых мы не можем даже исчислить, вмерзли в лед колоссальные чудовища. С ледникового периода они оставались недвижны, но теперь — из-за нашей беспечности и глупости, и прежде всего моей! — просыпаются от векового сна благодаря повышению температуры.

— Так вот оно что! Но такое никто не сумел бы предусмотреть...

Бобби неожиданно вспомнил забытые школьные уроки.

— Это допотопные животные! — воскликнул он.

— Они самые, старина, — сказал репортер со своей обычной парижской насмешливостью. — Что-то вроде диплодока щедрого месье Карнеги*, какового — то есть диплодока — мы все сможем завтра увидеть в Ботаническом саду, если выживем... Берегитесь, друг мой, не стоит попадать ему на рога!

Животные в глубинах пещеры шевелились все заметней. Слышалось что-то похожее на шуршание грубой материи, затем тупые удары, словно кто-то с усилием вбивал в землю тяжелые балки.

Раздался страшный треск: от потолка отделилась и упала вниз грузная масса, ломая ледяные иглы и отлетая от скал; она издавала пронзительные, впервые услышанные человеком крики испуга и боли...

Оттепель действовала с молниеносной быстротой. Вокруг вершины, где сбились в кучку трое друзей, пораженные ужасом при виде разворачивающегося в темных глубинах зрелища, не было больше ничего, кроме падающих обломков льда. Они увлекали за собой громадные камни и рушились вниз, ломая скалы...

И посреди этого жестокого хаоса вставали животные, стряхивая камни с могучих спин; обломки скатывались к их ногам и разлетались на мелкие куски. Грозные голоса отвечали друг другу, лапы били по земле... Эти беглецы из третичного периода уже видели подобные катаклизмы, когда вода, земля и огонь сражались в невообразимой битве потревоженных стихий... Они воплощали грубую силу, слепые инстинкты и всевластное постоянство вечно длящейся

* Американский миллионер-филантроп Э. Карнеги (1835-1919) финансировал ряд палеонтологических экспедиций и после обнаружения в 1899 году скелета диплодока (названного его именем) разослал по музеям мира слепки с этого скелета.

жизни — спаянность первобытных энергий, ковавших будущее миров.

Люди! Кем были они пред лицом этих гор мышц и сухожилий, этих Левиафанов, которых ни одна сказка и легенда не отважилась описать!

Напрасно Лаберже и Бобби, дрожа от ужаса, пытались успокоиться; тщетно потрясенный сэр Атель взывал к разуму, что помог мыслящим существам одолеть грубую силу...

Они чувствовали себя мелкими, слабыми и ничтожными... они были не в силах сопротивляться, они молчали и едва способны были мыслить; в их ослабевшем сознании кружились бесформенные образы, обрывки мыслей... они утратили способность вспоминать, сравнивать, рассуждать...

Дождь превратился в ливень. Лучи врилия погасли, и теперь в темноте слышались лишь фантастические и ужасающие зовы древней фауны, пробужденной внезапной регенерацией...

И пока они стояли, застыв, загнипнотизированные тайной, подавленные неведомым, разразилась финальная катастрофа. В водовороте громоподобных ударов вся пещера распалась и осела вниз... беспорядочно мелькали падающие скалы, ледяные иглы прорезали воздух, как серебряные мечи...

Все вокруг обваливалось, исчезало в ужасном хаосе, чудовища выли, рычали и вопили... И, словно невероятное окончательно задалось целью победить возможное, часть потолка рухнула, оставив громадную трещину...

Лучи солнца ворвались в нее, торжествующе освещая пещеру.

VII

ВТОРЖЕНИЕ В ПАРИЖ

Было воскресенье, конец апреля — один из тех прекрасных дней, что предвещают наступление мая.

Восемь утра: ленивый город погружен в утренний сон. Позже парижане толпами поедут за город, а пока они нежатся в постелях, благо ничто не заставляет их рано вставать, как в будние дни.

В густонаселенных кварталах вокруг Бют-Шомон, на улицах Секретан, Боливар и Боцарис, хозяйки щадят сон рабочих, тяжело трудившихся всю неделю. Они встают первыми и, убедившись, что дети крепко спят и не разбудят отца, потихоньку отправляются за покупками. Они ходят по лавкам, тщательно выбирают овощи и мясо, подсчитывая остаток недельного жалованья. Они веселы и проворны, оживлены и говорливы; они ненадолго останавливаются поболтать на углах с другими торопящимися по своим делам женщинами, причем стараются найти уголок, где можно пропустить глоток свежего воздуха — и кое-чего еще — а дети уже смеются и распевают песенки, забравшись на плечи отцов...

Все последние две недели стояла плохая погода, но в это солнечное утро в город вернулся свет. На сердце тепло, лица расцветали улыбками. Как хорошо жить!

Одна из таких кучек добрых парижанок собралась на углу рю Прадье и площади Буше-де-Перт. Женщины обменивались добродушными сплетнями: вот как влияет на характер погода!

И вдруг бакалейщик, нарезавший масло на пороге своей лавки, в изумлении открыл рот. Держа нож в вытянутой руке, он испустил жуткий вопль, повернулся, вбежал в лавку и захлопнул за собой дверь.

Женщины обернулись и разразились криками ужаса...

Огромная тень заслонила площадь — демоническое видение, огромное чернильное пятно на синеве небес...

Внезапно, не обменявшись ни словом, женщины бросились бежать, налетая друг на друга, спотыкаясь на подламывающихся ногах, нечленораздельно вопя пересохшим горлом. Они добежали до улицы Боливар, врезались в спокойную толпу домохозяек на углу и подняли тревогу.

Их преследовало страшное чудовище!

— Дьявол! — завывала, крестясь, одна из женщин.

— Прямо-таки дьявол? — засмеялись ее товарки.

Что это с хозяйшками? С ума сошли?

Мимо женщин мирно проходили двое полицейских. Они приблизились, приложили руки к фуражкам... снисходительно выслушали, расспросили...

Да, чудовище, там, на площади...

Полицейские решили, что женщины повредились в уме — и откуда они только взялись в таком количестве? не иначе, сумасшествие заразительно... — но все же решили посмотреть, в чем дело.

Что-то безусловно происходило — все окна на улице Ложье были распахнуты, в них виднелись испуганные лица, вздетые и трясущиеся в конвульсиях от ужаса руки, широко открытые кричащие рты...

В тот миг, когда полицейские дошли до угла, на них, задевая боком о дом на высоте второго этажа, тяжело и торжественно вышел мамонт. Чудовищная голова с широким плоским лбом покачивалась из стороны в сторону, царапая тротуар изогнутыми бивнями, глаза едва можно было разглядеть под огромными мохнатыми тряпками мотающихся ушей. Животное шагало неторопливо и монументально, сотрясая землю четырьмя колоннами ног...

Два стража порядка застыли на месте. Вся их надменность куда-то испарилась, глаза вылезали из орбит... Тот, что помоложе, набрался мужества, выхватил служебный револьвер и выстрелил с расстояния четырех метров.

Пуля срикошетила и разнесла окно лавки.

Второй, остававшийся более спокойным, просто сказал: — Нужно сообщить в участок.

Затем он вспомнил, что является представителем властей — и прикрикнул на испуганных и тем не менее охваченных любопытством женщин, толпившихся на углу улицы Боливар:

— Расходитесь! Возвращайтесь домой и не вздумайте выходить, пока не прибудет господин комиссар!

Мамонт продолжал идти, покачивая крупом и помахивая волосатым хвостом, разрезавшим воздух, как гигантская кисть.

После окрика полицейского женщины убежали; с ними в ужасе бежали и начавшие было собираться зеваки. Одни бросились к рю Манен или попытались забраться на ворота парка, другие со всех ног кинулись в сторону улицы Крима.

Но последние далеко не убежали — на углу улицы Плато возник ужасный силуэт мегатерия, колоссального четырехметрового броненосца с раскрытой пастью и отвисшей губой. Он передвигался прыжками на сильных задних ногах, неся высоко над землей короткие передние лапы, вооруженные когтями. Выпуклые глаза на жуткой, адской морде пугающе мерцали черным и белым...

Толпа бросилась прочь от нового видения и помчалась в противоположном направлении, к центру Парижа. Два чудовища неторопливо, не переходя на бег, последовали за людьми.

В этот момент прибыли полицейские с саблями наголо, готовые к бою — словно речь шла о забастовщиках... С ними прибыл и комиссар, полноватый и полный достоинства коротышка, который для пущей важности нацепил перевязь.

Два допотопных чудовища тем временем пересекли рю Боцарис и, словно лабиринты района были им хорошо знакомы, свернули на улицу Атлас, направляясь в сторону бульвара Ла-Виллет.

Бледный комиссар вежливо отступил перед их превосходящей силой. Он не знал, что делать, но тем не менее изобразил на лице бравую мину.

И тогда на всех улицах вокруг площади Буше-де-Перт, будто чествуя человека, впервые доказавшего существование людей в четвертичный период*, появились другие чудовища, другие гиганты, другие восставшие колоссы — гиппарион, предок современных лошадей, но вдвое больший их ростом; мастодонт, бесформенная четырехметровая масса плоти с четырьмя грозными и острыми, как кинжалы,

* Ж. Буше де Перт (1788-1868) — французский антрополог и археолог-любитель; изучал орудия и останки «допотопных людей» и доказывал их глубокую древность, о чем написал ряд важных трудов.

бивнями. Были там и другие монстры, еще не каталогизированные наукой — грубые наброски носорогов, закованные в свои панцири, как в броню, с тремя острыми рогами на верхушке черепа, гигантскими округлыми крупами, покрытыми толстой кожей ногами и плечами, ошестинившимися костями, что напоминали поршни в машинных отделениях трансатлантических лайнеров, а также бронтозавр, трицератопс и рептилии, прыгавшие на задних ногах, как кенгуру.

Над этими движущимися холмами мелькала кучка костей, составлявших голову; она сидела на тонкой двухметровой шее и высилась, как знамя, над кошмарным войском доисторических монстров. Это был игуанодон; в высоту он имел более пяти метров и балансировал на треножнике из задних ног и бесконечно длинного хвоста. Передние лапы были нелепо коротки и вооружены страшными шпорами. Казалось, он спешил на какую-то долгожданную битву, расталкивая тяжелые и сдавливавшие его со всех сторон крупы собратьев.

После двадцати неловких попыток взлететь и стыдливых взмахов голыми, лишенными перьев или чешуи крыльями — чудовищный десятиметровый птеродактиль наконец взмыл над домами и полетел над Парижем, словно гигантский аэроплан.

То было вторжение невероятных предков, восставших из своих гробниц!

Войско чудовищ, спускаясь по склону, повернуло к внешним бульварам. На углу улицы Атлас мамонт повалил афишную тумбу; на бульваре Ла-Виллет мастодонт сцепился и расправился с остановкой омнибусов... Трамвай, летевший на всех парах, задел бок бронтозавра; тот повернулся и внезапным движением сбросил с рельс тяжелый, полный пассажиров вагон. Сломанная штанга упала на животное, угостив его тысячью вольт. Бронтозавр озлился и, ускоряя шаг, скрылся в стороне Фобур дю Тампль.

Люди с криками бежали, ничего не понимая... Всеобщая паника воцарилась во всем своем ужасе... Уличный мальчишка бешено распевал:

— Волосатые звери... пришли к нашей двери...

Ничто не могло устоять перед этим нашествием плоти и костей, никакая плотина не остановила бы этот потоп. Повсюду, подхваченные водоворотом страха, люди обращались в паническое бегство.

Игуанодон, двигавшийся быстрее остальных, обогнал стадо. Иногда он останавливался и просовывал голову в одно из открытых окон на вторых этажах; несомненно, им двигало простое любопытство, но в домах поднимался вой ужаса. Игуанодон, не обращая на это никакого внимания, продолжал путь, будто точно зная, куда направиться. На площади Республики, где он столкнулся нос к носу с монументальной статуей Марианны, игуанодон решил передохнуть. Смельчаки из толпы, отважившиеся на него поглядеть, заметили на шее у монстра какую-то тряпку, отдаленно напоминавшую человеческую фигуру.

Наконец игуанодон исчез. У фуникулера Бельвю появились другие чудовища... Здесь они замедлили ход... и начали сталкиваться друг с другом — путь был слишком узок для их колоннообразных ног и гигантских туловищ. Пытаясь повернуть, они разбивали витрины магазинов, с грохотом переворачивали веспасьены... Еще немного, и они сравняли бы казармы с землей.

Теснота привела зверей в ярость. Вырвавшись из тисков, они рассыпались в стороны: одни побежали на бульвар Сен-Мартен, другие к Бастилии, а третьи, вслед за игуанодоном, направились на улицы Тюрбиго или Тампль... и везде в панике бежали толпы, лошади волочили внезапно опустевшие omnibusы, извозчики падали с экипажей, вагоновожатые бросали рычаги... В магазинах спешно опускали железные шторы. Над этим неописуемым хаосом раздавалось адское рычание, испуганные крики мужчин, истошные вопли женщин...

Телефонная сеть, телеграф и пневматическая почта разносили по Парижу вести об inferнальном вторжении — новости невероятные и казавшиеся на первый взгляд чьей-то колоссальной мистификацией.

Вызвали войска, выдвинулась Республиканская гвардия... Городские чиновники хотели было бежать из муниципалитета, но все выходы оказались закрыты. Какой-то орниторинх заблокировал станцию метро на площади Республики; раздраженные пассажиры повернули назад и стали требовать деньги обратно...

В то утро месье Лепина срочно вызвали на окраину. Господа Давен, глава Сюрете, Лармион, шеф городской полиции, и Острио, генеральный секретарь, ожидали приказов из министерства внутренних дел. Они спорили и высказывали противоречивые мнения.

Префект наконец вернулся и прошел в свой кабинет с широко раскрытыми навстречу весеннему воздуху окнами, выходящими на набережную. Он только что вернулся с Левобережья, ничего не понимал и недоумевал, почему в кабинете собрались все эти дрожащие чиновники.

— Что происходит? — властно спросил он.

Все заговорили одновременно. Ничего нельзя было разобрать.

— Что? — переспросил префект. — Из зверинца сбежали животные? Львы, медведи, тигры?..

— Хуже! Чудовищные, неведомые звери! Они разрушают Париж, губят население...

Зазвонил телефон. Месье Лепин бросился к трубке.

— Алло? Господин министр внутренних дел!.. Информация?.. Я навожу справки... Как, на бульварах?.. Двухметровая змея в Панорамах?..* Да, уже выезжаю... Не следует ли срочно предупредить министра военных дел... губернатора Парижа... Да! Да, господин министр, я обо всем позабочусь!... Немедленно!

Он повесил трубку и повернулся к подчиненным.

— Чем меньше люди понимают, тем больше боятся... Это, должно быть, какие-то дикие слухи, как обычно... Чудовища... где вы видели чудовищ?

— Там, там! — слышались восклицания. — За вашей спиной, господин префект!

* Старейший крытый торговый пассаж в Париже, открытый в 1800 г.

Месье Лепин почувствовал прикосновение к плечу и уху. Он торопливо обернулся... и уткнулся носом в морду игуанодона.

Ужасный зверь добрался по улице Тампль и Севастопольскому бульвару до бульвара дю Пале, остановился — без всякой видимой причины — перед зданием префектуры и, найдя на уровне головы открытое окно, просунул в него шею. Теперь он поводил головой с рогатым гребнем в кабинете префекта...

— Это что такое?! — вскричал префект, отскакивая назад.

— Вторжение чудовищ! — отвечал шеф Сюрете, которому полагалось знать все.

Существо, однако, не выглядело угрожающим. Оно казалось немного ошеломленным и с глупым видом бесцельно мотало головой из стороны в сторону. И ему было нечем защищаться!

Префект подбежал к двери, распахнул ее и увидел в коридоре полицейского. Тот спокойно дремал, ничего не ведая о катастрофе.

— Сержант! — закричал префект. — Пойдемте! Быстрее!

Полицейский проснулся и вскочил на ноги.

— Саблю наголо! — приказал месье Лепин. — Отрубить это!

«Это» было головой игуанодона.

Сержант размахнулся, твердой рукой направил удар и — ничего не отрубил! Лезвие отскочило от шкуры и взлетело в воздух.

В этот момент на балконе что-то появилось... возможно, человек, цеплявшийся прежде за шею животного... и с глухим стуком покатилося по ковру.

Это действительно был человек, но каким же растрепанным, изможденным и несчастным он выглядел! Пока голова чудовища продолжала раскачиваться, едва не задевая за потолок, его подняли, поддерживая под руки — и месье Лепин воскликнул:

— Я знаю этого человека! Это детектив Бобби!

Бобби попытались привести в чувство. В рот ему за неимением национального виски влили немного кирша. Эффект оказался таким же действенным: Бобби внезапно выпрямился, узнал префекта, приблизился к нему и проговорил:

— Боже мой! Какой ужас!

— Ужас?

— Ничего не помню... пещера, пропасти, лед, скалы, черные движущиеся пятна... потом обвал... вижу чью-то шею... цепляюсь... меня уносит...

— Объяснитесь! Что случилось?

Игуанодон, казалось, смотрел на Бобби и ободряюще кивал... Затем его шея, как смотанный шланг, исчезла в окне.

Бобби глубоко вздохнул. Кошмар закончился, по крайней мере на время.

Он пустился в объяснения.

Рассказал о невероятном, необъяснимом, но тем не менее имевшем место быть приключении.

Месье Лепин взял шляпу и обратился к подчиненным:

— За мной, господа! Париж в опасности... Мы должны исполнить свой долг!..

.

Поразительные вещи происходили в огромном городе.

Трицератопс остановился у ворот Сен-Дени, попытался пройти и отшатнулся, найдя проход слишком узким. Затем, как древний крепостной таран, он выставил рога и бросился на арку, разбивая на куски чудесные рельефы Людовика XIV.

Мамонт вел себя спокойней. Заполняя собой всю улицу, он миновал «Гимназ»*, ненадолго остановился перед «Мезон-Руж» и усталой походкой доплелся до «Бребан», где подогнул ноги и улегся, перекрыв Фобур-Монмартр.

* Здесь и далее перечислены всевозможные театры, кафе и т.п.

Двадцатиметровый бронтозавр истощил свои силы в попытке забраться в Панорам. В конце концов он застрял в узком пассаже, причем голова его выходила к «Варьете» со стороны артистических уборных, а хвост обвивал террасу кафе «Верон».

Мегатерий застыл на ступенях Оперы, словно оратор, собирающийся обратиться к публике, а затем прислонился к двери, как бдительный билетер, готовый услужить патронам.

Птеродактиль, летевший с заметным трудом, присел передохнуть на одном из карнизов церкви Мадлен. Его хвост свисал вниз и возбужденно покачивался, задевая памятник Жюлю Симону.

Прошло уже три часа. Наступил полдень.

Власти наконец убедились, что опасность реальна, и начали действовать. По опустевшим улицам промчалась артиллерия; приземистые кони тащили за собой пушки и пулеметы. Если придется разнести половину Парижа, рассудили власти, это должно быть сделано быстро и энергично.

Все население Правого берега заперлось в домах, задышавшись от ужаса и потеряв надежду спастись бегством.

Солдаты осторожно наступали в боевом порядке, выставив оружие. Снаряды спали в пушечных дулах, с нетерпением ожидая приказа проснуться; на бульварах разворачивались батареи, а месье Лепин шел впереди во главе отряда полицейских...

А затем случилось нечто не менее странное.

Наступавшие увидели, как монстры зашатались на своих чудовищных ногах и, покачиваясь из стороны в сторону, один за другим рухнули наземь... Огромная туша заполнила весь зал «Олимпии». Другая доползла до скульптуры Карпо в Опере и, плотоядно задрав морду к обнаженным танцовщицам*, испустила дух...

Гигантская птица на карнизе церкви Мадлен словно распласталась на камнях, затем соскользнула вниз и похорони-

* Речь идет о скульптуре Ж.-Б. Карпо (1827-1875) «Танец», которую критиковали в свое время за «непристойность».

ла под своими ослабевшими крыльями ларьки цветочного рынка.

Огромный ящер в Панорам рухнул на плиты пассажа. По его позвоночнику пробежала дрожь, стихая с каждой секундой...

Игуанодон, покинув префектуру, добрел до парапета, попытался перелезть и упал в Сену, где раздавил баржу; люди с нее едва успели прыгнуть в воду.

Повсюду происходило одно и то же...

Размороженные чудовища четвертичного периода проснулись, подвижные лишь искусственной, временной жизнью. На них лежал роковой изъян древности и обветшалости — и одно за другим, вдыхая наш воздух, согретые весенним солнцем, неспособные жить в атмосфере, что была на сотни тысяч лет младше привычной... они умерли... Да, все эти древние пришельцы погибли в слишком новом для них мире...

К часу дня Париж был спасен...

Месье Перье, директор Музея, с лучезарной улыбкой осматривал тела чудовищ и радостно говорил о новых галереях, где разместятся чучела монстров палеозойских времен...

Забыв о загородных прогулках, все население Парижа толпилось вокруг огромных туш. Над чудовищами смеялись, ведь теперь они были безжизненны. Вновь заполнились террасы кафе и питейные заведения, и игроки в бридж или маниллу шлепали картами по мраморным столам...

Но что случилось с действующими лицами пугающей драмы?

Увы! Сэр Атель Рэндом не выбрался из-под земли. В какой бездне он канул? Под какой грудой камней обрел последний приют?

И все-таки... Мы видели, как и более мертвые создания восставали к жизни...

Бедная Мэри Редмор! На сей раз все надежды были утрачены... Рыдая под длинной траурной вуалью, она вернулась в Англию. Мистеру Редмору тем временем пришла в голову блестящая мысль предъявить парижским властям

иск на миллион, но рассудительные советчики отговорили его от этого плана — к большому сожалению адвокатов, уже подсчитывавших барыши.

Сэр Атель унес в могилу секрет врилия! А обломки вриолета были похоронены в глубинах земли!

Но Лаберже?

Неужели он уцелел в столпотворении камней и льда?

Безусловно. Вечером он появился в редакции «Нувеллиста», где написал отчет о своей подземной экскурсии и рассказал, что очнулся в одном из недостроенных туннелей северо-южной ветки метро.. Выйдя на поверхность, он первым делом выпил долгожданный стаканчик пива, а затем отправился в редакцию и занял подходящее место под сверкающим солнцем журналистики...

В честь мистера Бобби был организован банкет. Детектив произнес речь, достойную Теодора Рузвельта. Миссис Бобби была очень тронута приемом и слушала мужа в слезах...

Так завершилось самое фантастическое, самое поразительное — и самое душераздирающее — приключение первой половины двадцатого века. Правда, некоторые до сих пор твердят, что ничего этого не было.

ОБ АВТОРЕ

Жюль Лермина (1839-1915) в молодости был радикальным социалистом и кочевал с одной должности на другую, прежде чем обратиться к журналистике. В 1867 г. он основал политический журнал «Корсар», вскоре попал в тюрьму, откуда был освобожден после ряда протестов (за него заступился, в числе других, и В. Гюго). Новый журнал «Сатана» вновь привел его за решетку.

В 1870 г. Лермина был освобожден, после чего недолго прослужил в армии и успел поучаствовать во франко-прусской войне. По возвращении в Париж он снова обратился к политической журналистике и занялся написанием популярных романов.

Обширное наследие Лермина включает около четырех десятков исторических, приключенческих и фантастических романов (среди них — написанные под псевдонимом «Уильям Кобб» «Тайны Нью-Йорка» и два продолжения «Графа Монте-Кристо»), несколько сборников повестей и рассказов, биографические, исторические и политические сочинения (в том числе анархический «Алфавит либертарианизма», 1906). В 1880-х и первой половине 1890-х гг. Лермина написал также несколько оккультных произведений, два из которых вышли с предисловиями небызызвестного Папюса (Ж. Анкосса).

Роман «Парижский кошмар» (в оригинале *L'Effrayante Aventure* — «Ужасающее приключение») был впервые напечатан в №№

спортивного журнала *Le Plein Air* (июль-декабрь 1910).

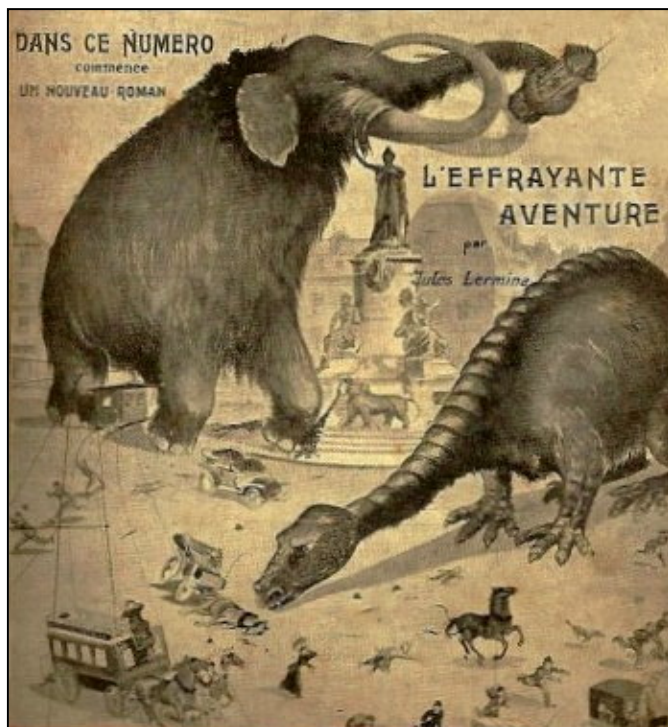

Иллюстрация к роману с обложки журнала «Le Plein Air».

В 1913 г. в издательстве Таландье вышло отдельное издание романа, по которому и выполнен перевод. Обложка данного издания использована в оформлении обложки настоящей книги.

На фронтисписе — иллюстрация к роману работы Т. Жирара.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.